ПИОНЕР

2
1989

ISSN 0130—8009

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Хочу вырасти!

Фотографии Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

«...Я хочу стать офицером. А мне говорят: «Значит, ты хочешь войны!» Неправда! Мой дедушка говорит: «Замки на дверях не мешают людям ходить друг к другу в гости. Они мешают врываться в дома непрошеным гостям». И я хочу служить в армии не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы войны не было. Ведь пока кто-то на земле не хочет жить в мире, кто-то другой должен этот мир охранять».

Василий Мирохин, г. Новосибирск.

«...Я не помню, сколько был в темноте. Потом мне сказали, что больше трех суток. Сидел и плакал. Думал, может, война началась, и уже ни мамы, ни папы, ни братика — никого на свете нет... И вдруг услышал голоса и сам стал кричать... Камни задвигались, на меня что-то посыпалось, и я увидел свет. Яркий-яркий. А еще я увидел солдата в ушанке. Он смотрел на меня, приговаривал: «Живой, живой» — и смеялся... А у самого руки оцарапаны и в крови...»

Гайк, г. Ленинакан.

«...Мой брат, мои родители и еще несколько тысяч людей очень напуганы и злятся, что идет гонка вооружений. Моему брату 9 лет. Вы что думаете, это честно, если он умрет? Если Россия сбросит на нас атомную бомбу, то разрушится мир. А вместе с ним умрут тысячи людей, большинство из которых и прожили-то еще совсем немного...

Я думаю, что мы вполне могли бы жить в мире или по крайней мере оставить друг друга в покое... Хочу сказать еще одну вещь. Хочу вырасти, и чтобы у меня была семья! Хочу быть счастливой и ходить на работу! Что же мне сейчас сидеть и ждать, когда меня убьют атомной бомбой?»

Кейтелин Хаан, г. Мендосина, США.

СССР
ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В ФЕВРАЛЕ

Разве можно повторять ошибки прошлого? С. 4.

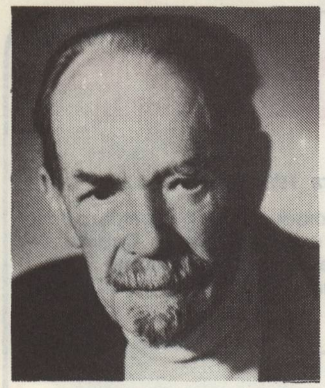

На улочках встречаешь отару овец, ослика... С. 23.

С. 31.

Монолог без рецептов

Были темы, о которых мы раньше старались не писать. Были вопросы, которые вы раньше попросту не задавали.

Сегодня вы их задаете. А мы не боимся на них отвечать. Во всяком случае, стараемся не бояться. И если вы читали последние пять номеров нашего журнала, то, наверное, заметили, что все они начинались с разговора на самые острые, самые больные, самые животрепещущие вопросы.

Тема, открывающая этот номер, никогда не была под запретом. Наоборот, мы говорили о ней часто и взахлеб. Говорили в радостных тонах, на бравурной ноте, с многочисленными восклицательными знаками, перемежающимися не менее многочисленными «Ура!».

Это у них, там, геноцид и национализм, расовая сегрегация и нетерпимость, ку-клукс-клан и неофашисты, а у нас — все в ажуре, у нас — дружба народов. И никаких проблем?

С этим вопросом мы и решили обратиться к человеку, который просто по своему служебному положению обязан знать ответ. Зовут его — Сергей Алексеевич БАРУЗДИН. А должность у него — главный редактор журнала, который так и называется — «Дружба народов».

— Прежде всего хочу сказать, что лично я в дружбу народов, безусловно, верю. Иначе... Иначе я бы просто не счел возможным занимать пост главного редактора такого журнала.

Но я понимаю, почему в нее трудно поверить нынешним читателям «Пионера». Еще три года назад они могли повсюду прочесть, к примеру, о нерушимом братстве армянского и азербайджанского народов. Сегодня им может показаться, что брат пошел на брата... Еще три года назад говорилось о торжестве интернационализма, расцвете и сближении всех наций и народностей... Сегодня они своими глазами могут видеть проявления неприкрытого национализма, шовинизма.

Конечно, я бы мог привести здесь тысячи примеров подлинного братства народов, подлинной дружбы, при этом вовсе не углубляясь в «преданья старины глубокой». Еще жива в наших сердцах боль, рожденная смертельными толчками в сердце многострадальной Армении. Тогда никто не думал, люди какой национальности гибнут под обломками жилых домов, школ, детских садов,— там гибли наши братья, наши сестры, наши дети. И только мы — мы все — могли им помочь, могли их спасти. Но неужели же лишь беда помогает нам вспомнить о нашей дружбе, о нашем братстве?!

Вот об этом я и хочу поговорить с вами. О том, ПОЧЕМУ же мы порой забываем о столь великих чувствах, столь великих понятиях.

Так и кажется, что сейчас мы услышим знакомый брюзжащий голос обывателя: «Вот до чего довела перестройка! Вот до чего довели гласность с демократией!»

По хронологии, на первый взгляд это действительно так: началась перестройка — обострились межнациональные конфликты. Однако хронологическая последовательность еще не причинно-следственная связь.

В общем, обратимся к истории. И вовсе не потому, что я хочу «копаться», к[illegible]уют некоторые, в грязном белье нашего прошлого, обрушивать на ваши незащищенные умы груду негативных фактов, просто без знания исторических корней невозможно разобраться в сегодняшних делах. Каждый человек родом из своего детства. Каждая страна родом из своего...

Наше общее детство — Великая Октябрьская социалистическая революция. Не будем сейчас говорить о ее значении для мира, страны, для всех народов, населяющих ее. Это общеизвестно.

Революция уничтожила эксплуататорские классы, но нации она не отменила и отменить не могла. «Тюрьмой народов» называли царскую Россию. Сам факт осуществления революции еще не превращал эту «тюрьму» в «благоухающий сад». Требовалась, уж если я выбрал такую терминологию, долгая и кропотливая работа садовника. Ленин это прекрасно понимал. Но к власти в партии и в стране пришел человек, способный быть скорее дровосеком, нежели садовником.

Казалось бы, не было ничего плохого в том, что на бывших национальных окраинах стали строиться индустриальные гиганты. Но ведь это сопровождалось перемещением населения из одних республик в другие. И вот в местности, исконно заселенной людьми одной национальности, появлялись многонациональные русскоязычные города. Конфликт между городом, которому «все», и деревней, которой «ничего», в общем-то конфликт естественный и предсказуемый. Но тут он окрашивался еще и национальными красками: город-то русский, а деревня (аул, кишлак, хутор, аил и т. д.) — коренной национальности.

Надо было сразу задуматься, поискать пути решения этих проблем. Но отмахивались, радовались нашей многонациональности, и в результате сегодня в Средней Азии, например, переизбыток рабочих рук в сельской местности, а в Прибалтике резко обострились жилищный и продовольственный вопросы.

В те же годы, я имею в виду 20 — 30-е, началось форсированное и повсеместное внедрение русского языка. А национальные языки порой вытеснялись не только из

общественной, но и из культурной жизни. Нет слов, в такой стране, как наша, необходим язык межнационального общения. Но ведь нельзя же загонять в рай дубиной. И Ленин, кстати, был против того, чтобы давать какие-то привилегии какому-либо языку, даже и русскому.

С языками напортачено было, пожалуй, особенно. Мы очень гордимся, что многие народы обрели при Советской власти письменность. И гордимся справедливо. Но, к сожалению, совершенно не говорим о том, что есть национальности, которые утратили свой алфавит.

Что это за национальности? Узбеки, азербайджанцы, киргизы, туркмены, каракалпаки, татары, башкиры, ингуши, кумыки... Все эти народы до революции пользовались арабским алфавитом. На нем веками писались книги по истории, философии, поэзия, проза... Но, как говорят, по личному распоряжению Сталина арабский алфавит был заменен на латинский, а затем, через 10 лет, только люди стали к нему привыкать, латинский поменяли на славянскую кириллицу. И, таким образом, все эти народы самым грубым, насильственным способом оказались отрезаны от своих исторических корней, от своей культуры, литературы.

Думаю, делалось это совершенно сознательно. У Сталина были свои взгляды на историю. Сделать их всеобщими он мог, только закрыв доступ к реальным документам. И в истории наших народов стали происходить невероятные вещи. Я, например, помню, что в 30-х годах изучал деятельность знаменитого Шамиля, как вполне положительную. Позже этот легендарный третий имам Дагестана и Чечни, руководитель борьбы кавказских народов с самодержавием, оказался фигурой негативной. Сейчас вроде бы «налет» негативности с него снят, но и в своих «положительных» правах он пока не восстановлен...

Помню я и многочисленные послевоенные празднества по поводу «добровольного присоединения к России» различных республик. По ликующим статьям того времени выходило, что все территории, входившие в состав России до революции, присоединились к ней одинаково добровольно. Но если, допустим, в случае с Украиной это было действительно так, то в случаях с Северным Кавказом и Средней Азией о добровольности говорить не приходится. И хотя в конечном итоге все народы выиграли от этого присоединения, национальная гордость таким освещением исторических фактов, несомненно, унижалась...

Нечто подобное происходило и в искусстве. Была выдвинута формула, что оно должно стать «национальным по форме, интернациональным по содержанию». Но привела сия красивая формула к нивелировке, к усреднению всего национального. Интернационализм, продолжим наши садоводческие сравнения,— это букет, состоящий из цветов всех окрасок, всех оттенков... А он у нас уныл и сер. Слушая по радио трансляции различных республиканских декад, модных в 30-е годы, и не зная языков, вы вряд ли смогли бы отличить одну национальность от другой, так похожи были все песни, с заученным упорством повторяющие одно и то же слово — Сталин, Сталин, Сталин...

Те же, кто действительно радел за национальное в искусстве и культуре, получали приговор: буржуазный националист. И это был не какой-то фигуральный приговор, а вполне реальный, в уголовном деле, за которым следовали ссылка, лагерь, а часто — и расстрел. Так была буквально под корень уничтожена национальная интеллигенция многих народов — замечательные писатели, художники, актеры...

Но самое страшное, когда врагами объявлялись даже не отдельные люди: целые народы становились жертвами произвола.

Перечень национальных обид, взаимных претензий, ошибок и преступлений можно вести довольно долго. Наверное, каждый народ нашей страны мог бы вставить в него свою обиженную строчку. Но мы по-прежнему говорили о благополучии. Это как кипящий котел с крепко закрытой крышкой. Ну кто заподозрит, что там давно все бурлит? Перестройка эту крышку сняла, и мы все увидели — действительно бурлит. И еще как бурлит!

А наверху, как всегда, пена — национальные экстремисты. Некоторые из них склонны во всем винить русский народ...

Этому, надо сказать, есть свои причины. Одно время мы привыкли называть русский народ «старшим братом» по отношению ко всем другим народам. Когда я это слышу, невольно представляю себе эдакого верзилу, раздающего подзатыльники толпящимся вокруг него малышам. По-моему, понятие «старший брат» унизительно не только для «младших», но и для «старшего», тем более что и русский народ немало пострадал от сталинской национальной политики.

А значит?.. А значит, и он может начать искать виновных. И появилось печально известное общество «Память», которое во всех бедах русского народа видит происки евреев...

Национальные экстремисты других республик склонны видеть виновников своих несчастий еще где-нибудь...

Но глупо обвинять один народ в бедах другого. И глупо искать виновников на стороне.

Что же нам делать? Я не знаю рецептов. И не собираюсь их давать. Национальные отношения — вещь сложная и деликатная. Но прежде всего, мне кажется, мы должны «остыть». И спокойно разобраться в своем прошлом и задуматься о будущем. Все вместе.

Во французской Декларации прав человека и гражданина есть такое положение: каждый человек имеет право на все, ограниченное только одним — правом другого человека на то же самое. Я думаю, этим положением нам неплохо было бы руководствоваться и во взаимоотношениях между нашими народами.

А начинать тут надо с себя. Лично с себя.

Мне вспоминается одно американское исследование.

У людей спрашивали: как они относятся к неграм? Среди предложенных ответов были и следующие: я считаю их такими же людьми, как мы; у меня есть отличные друзья среди негров; я не против, если белый женится на негритянке; негров можно выбирать в правительство; среди них есть толковые люди...

Вам понравились эти ответы? Я буду рад, если нет, потому что все они даны расистами. К такому выводу пришли исследователи.

К чему я это рассказал? Вот к чему: давайте не замечать, украинец или каракалпак — ваш сосед по парте, еврей или литовец — начальник у папы на работе, калмык или русский наступил вам случайно на ногу... Давайте оценивать людей не по их национальности, а по их поступкам, словам, делам, мыслям... Принадлежность же человека к тому или иному народу — его личное дело, так же как и поддержание чести и достоинства своей национальности. Вот так!

А то, что дружба народов, несмотря ни на что, все-таки существует, я думаю, в доказательствах не нуждается.

Записал Николай ЛАММ

Лия СИМОНОВА

КРУГ

ПОВЕСТЬ*

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

В известной в городе, показательной школе возникает конфликт учеников с учителями. Один из старших классов бунтует против классной руководительницы, завуча и других учителей, которые не желают выслушать и понять ребят, разговаривают с ними в тоне приказа, а некоторые и плохо преподают.

Новый директор школы идет навстречу ребятам, по их просьбе назначает классным руководителем молодого учителя истории Анатолия Алексеевича.

Но и Анатолию Алексеевичу приходится трудно. Класс только на первый взгляд кажется монолитным. На самом деле ребята едины только в бунте против учителей, а внутри коллектива идет борьба за лидерство, выяснение отношений, позиций. Назревают новые конфликты...

8

Вечер, которого так настойчиво добивались всем классом, теперь пугал Киссицкую, и она загодя готовилась к вечеру. Бабушка со стороны мамы подарила ей отличный костюм — фирма! Мама ради такого случая разрешила надеть свое ожерелье.

Туфель не было, но бабушка со стороны папы по телефону приняла заказ, и туфли появились!

Оля придирчиво осмотрела себя в зеркало. Волнистые светло-каштановые волосы, веселые карие глаза, чуть вздернутый носик... Вполне приятное, живое лицо! Пусть не такое красивое, как у Дубининой, но и не такое неподвижное. Но фигура, чего уж, у Дубины была что надо. Правда, Дубиной ее никто класса с четвертого не называл, красота все же великая сила и по-своему защищает человека. А вот ей не мешало бы похудеть. Но как? Голодать? Бегать? Заниматься физическим трудом? Стоило, наверное, попробовать. Но к усилиям она не привыкла.

Оля покрутилась еще возле зеркала и подобрала волосы кверху. Все должно быть иначе, чем у Дубининой, у которой волосы рассыпаются по плечам. Зато такой, как у нее, костюмчик Дубине и не снился! И такого ожерелья у нее нет, и туфель. Пускай смотрит!

В школу Оля пошла пешком, вдоль бульваров, не спеша. Слушать дурацкую лекцию о правонарушениях среди подростков и молодежи, на которой настояла Виктория, Оля не собиралась. Пусть там все уляжется, образуется, и тогда войдет ОНА!

Оля Киссицкая постоянно проигрывала оттого, что в центре любого события видела только себя. В зале было жарко, душно, и сразу же стало не по себе в плотно облегающем костюме. Гремела музыка, разжигала ребят, и, подчиняясь власти ритма, они метались и буйствовали, ничего и никого перед собою не различая. Появления Киссицкой никто не заметил.

Оля поискала глазами Игоря. Но увидела только Машу Клубничкину с Огневым. Маша сияла. В другой раз Оля ни за что не удостоила бы Клубничкину вниманием, но теперь протиснулась к ней, спросила непринужденно:

— Не знаешь, где Холодова?

— Тебе лучше знать,— огрызнулась Маша, не прекращая танца.— Говорят, не хочет зря тратить времени.— И уже насмешливо добавила: — А твой голубок воркует вон там, в углу, возле Дубининой...

Оля похолодела. Изо всех сил стараясь не выдать волнения, не доставить удовольствия Клубничкиной, она выдержала паузу и стала энергично выбираться из толпы.

Приблизившись к ребятам, которые топтались возле Дубининой, бросила небрежно: «Привет!», улыбнулась стоявшему тут же Анатолию Алексеевичу и сделала вид, что слушает диск-жокея, время от времени прерывающего музыку кратким рассказом об ансамблях и исполнителях. Когда он замолчал и снова хлынула музыка, Киссицкая, встав так, чтобы всем хорошо было ее видно, сказала:

— Не очень-то интересно, не знаете, кто это?

— Какой-то сотрудник из института наших шефов,— отозвался Попов.— А что? Мне нравится...

— Ну, лучше, чем ничего...— оценила Киссицкая с добродушием человека, привыкшего чувствовать превосходство.— Но музыка же не возни-

---

*Журнальный вариант.

кает сама по себе. Панк-музыка! А кто такие «панки»?

— А кто такие «панки»? — передразнил Киссицкую подоспевший Прибаукин, волоча за собой Юстину. Оба они разрумянились, разомлели от бурных танцев, и счастье наполняло их лица.

— «Панки», — покровительственно пояснила Киссицкая,— на Западе выступают против общества. Они и в музыке объявляют свою самостоятельность, независимость от остальных. До них выступали «хиппи» — протестовали против городской культуры, звали в поля. А еще раньше были «сердитые люди», которые бунтовали против своих высокопоставленных родителей...

— Да что ты? — нарочито удивляясь, уставился на Киссицкую Прибаукин.— Какая ты, Цица, у-у-умная! Просто жуть! Даже мурашки щекочут! — И другим тоном, резко и с раздражением: — Пошла бы ты... потряслась. Или никто не клеит?..

Оля вспыхнула, но улыбнулась снисходительно:

— Балда ты, Веник!

— Я-то балда,— согласился Веник,— но вот Князь...— Он сделал перед Пироговым реверанс, согнувшись и помахивая у ног воображаемой шляпой. Все заулыбались, а Игорь, услышав, что обращаются к нему, встрепенулся... Но тут Дубинина внезапно произнесла:

— Расстегнулось,— и едва повела рукой в сторону Киссицкой.

— Что расстегнулось? — растерялась Оля.

— Пуговка расстегнулась,— невозмутимо пояснила Дубинина.— На костюмчике. Говорят, ты сало любишь?..

— Ха-ха-ха! — загрохотал Прибаукин, заражая всех своим смехом.— Один ноль в пользу Олеськи.

Оля почувствовала, что она повергнута. Ей бы повернуться и уйти, но не хватило духу оставить Игоря возле Дубининой. Она презрительно ухмыльнулась и ответила только Прибаукину:

— Ноль — это ты, Веник.— И не взглянув на остальных, обратилась к Пирогову: — Игорь, можно тебя на минутку?..

Пирогов нехотя оторвался от стены, которую, казалось, продавливал спиною и, жестом объяснив присутствующим необходимость отлучиться, последовал за Киссицкой.

— Тебя устраивает общество этих куриных мозгов? — Оля наступала и нервничала, стремясь подальше увести Пирогова.

— Ну, почему куриных? — будто удивился Пирогов.— Там наши друзья, Славик, Попик и даже Анатолий Алексеевич...

— И Прибаукин,— отрезала Киссицкая,— с его пошлыми шуточками. Ты же сам говорил, что он человек не нашего круга.

— Но здесь же общий круг,— отбивался Игорь,— мы же на танцах, а не в салоне.

— Вот именно,— не очень последовательно настаивала на своем Киссицкая.— Я не захотела ответить э т о й, унизиться. А красотка явилась на танцы?! Уже не скорбит о Судакове?

— Она не хотела идти,— вступился, может, излишне горячо Игорь.— И не танцует. Ее Анатолий Алексеевич вытащил, потому что ей худо. Жизнь же не может остановиться. Зачем ты так зло?

Киссицкая почувствовала, что наворачиваются слезы.

— А она? Она не злая? При чем тут сало?.. Чехов говорил, что воспитание в том, чтобы не заметить. Но тут о воспитании не может быть и речи...

— Сало, наверное, ни при чем,— устало и уже с раздражением отозвался Пирогов.— Но и Чехов тоже ни при чем. Нельзя же повсюду вести умные разговоры.

— Ты хочешь сказать...— начала было Оля, но слезы мешали ей.— Если б я могла предположить... Я думала... я так хотела потанцевать.

— В таком настроении,— жестко заключил Игорь,— я не способен танцевать... Извини...

Киссицкая резко повернулась и заторопилась к выходу. У двери она все-таки обернулась и скорее почувствовала, чем увидела, что Игорь возвращается на прежнее место, возле Дубининой. Она выбежала на улицу и, плача, понеслась бульварами домой.

9

Ночью не утихал дождь. Он колотил по балкону, словно забивал гвозди, и Оля все больше чувствовала себя распятой и уничтоженной. Теперь ей приходили в голову великолепные реплики, которые она могла бы бросить в лицо э т о й. И она думала только о том, как отомстить...

К утру она приняла окончательное решение: прекращает всякие отношения с Князем. И даже не посмотрит больше в его сторону. С этой мыслью она немного успокоилась и уже на рассвете задремала. А проснулась от резкого телефонного звонка. Телефон трезвонил, как колокол, созывающий на пожар, и Оля, забыв обо всем, босая, метнулась к аппарату и, отчаянно волнуясь, сорвала с рычага трубку.

— Привет! — услышала она насмешливый голос Холодовой.— Ну, как первый бал Наташи Ростовой?

Говорить с Холодовой не хотелось. После ухода Ники Мухиной они сблизились. Холодова — человек любопытный: много читает и мысли у нее неожиданные, не слышанные от других. Но холодность и равнодушие ко всему, что не затрагивало ее интересов, не позволяли довериться ей. Вот теперь Оля чувствовала, что ее тезке, многоуважаемому Сократу, как возвеличил ее клоун Прибаукин, нет ровно никакого дела до так называемой Наташи Ростовой. Просто хочется узнать новости...

Как князь Андрей на том далеком балу, Оля загадала: если спросит о Кустове, то, может, у нее еще наладится с Игорем? Но Холодова и не думала интересоваться Славиком. Она рассказывала о себе: на зимние каникулы ансамбль поедет в Бельгию. Ее руководитель в школе юных журналистов, очень симпатичный третьекурсник с факультета журналистики, дал ей задание написать об этих гастролях. Он сам пишет прозу, и его обещали напечатать в «Юности». У букинистов она достала четырехтомник Платона, можно изучать диалоги с Сократом...

— Твой Кустов, между прочим,— мрачно оборвала ее Киссицкая,— подпирал стенку возле Дубининой. Смотри, пока ты будешь гастролировать с балалайкой и тешиться диалогами с Сократом...

— Ой, как было бы хорошо! — обрадовалась Холодова.— Для меня просто спасение, если Славик к кому-нибудь пристроится.— Она презрительно хмыкнула и вдруг встрепенулась: — А ты-то, Кися, что, собственно, такая... сердитая? Не занял ли вакантное место возле Дубининой твой великосветский Князек?

— Почему ты всегда обо всем говоришь насмешливо? — сорвалась Киссицкая, и тут же по-

жалела, что выдала себя.— Не все темы подлежат осмеянию!

Холодова, оставив излюбленный ироничный тон, сказала серьезно и спокойно, как истину, которую выстрадала:

— Нельзя, Кися, настолько зависеть от других людей. Нужно освободиться. И жизненную силу черпать в себе. Я стараюсь ни от кого не зависеть...

— Да уж,— почти плача пролепетала Киссицкая,— ты у нас сильная личность. Я иногда удивляюсь тебе, а иногда завидую.

— Ну, Кися, пока,— заторопилась Холодова.— Все ясно: чем меньше общаешься с нашим классом, тем больше сохраняешься для дела. Будь!..— И положила трубку.

Оля побрела на кухню, обдумывая, как ей жить дальше. В ее комнате снова трезвонил телефон. «Наверное, кто-то из стариков»,— раздраженно подумала Оля и неохотно сняла трубку.

— Сударыня.— В трубке звучал голос, который она не могла перепутать ни с каким другим.— Не желаете ли вы составить компанию симпатичному и вполне преданному вам юному господину?

Оля заметалась. Все-таки позвонил! Зовет! Радость вытесняла обиду, и после затянувшейся паузы она по возможности равнодушно произнесла:

— Не знаю. Честно говоря, после вчерашнего...

— Не будем осложнять жизнь,— не дав ей договорить, перебил Игорь.— Зачем устраивать сцены?..

Бессонной ночью Оля Киссицкая вспоминала все, что только могла вспомнить дурного об Игоре. Все, что когда-то смущало ее или не нравилось Нике Мухиной. Но только увидела Игоря на бульваре у старого тополя, где они и раньше встречались, не сумела сохранить на лице задуманную угрюмость, улыбнулась.

Игорь сорвался ей навстречу, лицо его светилось улыбкой, и Оле показалось, что и вправду вокруг его головы обозначился ореол сияния.

— Кися,— весело сказал Игорь,— нам надо спешить. Сеанс начинается через пять минут. Бежим...— И они, взявшись за руки, побежали.

Показывали дрянной фильм. Но судьба героя, вернее, главного действующего лица, тронула ребят. Вполне современный человек, начитанный и даже образованный, оставил инженерную должность, где ему так мало платили, и поступил слесарем по обслуживанию легковых автомашин. Здесь он зарабатывал гораздо больше. Спекулировал ворованными запасными частями, попался и предстал перед судом... В общем, банальная история. Поразило, что во время отпуска, который этот человек проводит на пароходе, все принимают его за физика-атомщика и уверены, что в силу секретности своих занятий он не может о них рассказывать.

— Вопрос,— сказал Игорь, когда они вышли на улицу,— кого считать интеллигентом? Все грамотные, все читают, смотрят телевизор. В театр билетов не достанешь!.. Продукция всеобщего среднего образования...

— Ну, мы уже говорили,— покровительственно произнесла Киссицкая,— интеллигент от слова «интеллект». Интеллигент — человек умственного труда.

— Это раньше так было. Бурлаки тащили лямку, а Ньютон открывал закон всемирного тяготения, а теперь у нас слияние... Умственного и физического... Ученые пашут не меньше пахарей, а пахари мыслят не хуже ученых... Я летом, когда ездил с отцом по Волге на этюды, таких людей встречал в деревнях, во как мыслящих! — Игорь показал большой палец.— Многим так называемым интеллигентам позавидовать...

— Мыслящие люди среди работяг всегда были, наверное? Иначе кто же входил в первые рабочие кружки в России?

— Интеллигенция тогда объединяла и просвещала их. Действовала! У нее организаторская роль была в революции. А теперь? Уснула интеллигенция! Интеллигентность не получается раздавать вместе с дипломом, как лычки к мундирам,— задумчиво проговорил Игорь.— Интеллигентность — это величие и сила духа... Независимость мысли... Верность принципам... Забота об Отечестве... Умение страдать не только за себя...

— Да уж чего-чего, а вот страдать наша интеллигенция умеет.— Оле хотелось во всем соглашаться с Игорем, но ей мешало привычное высокомерие.— Сидя за столом, так наболеются за судьбу державы, что раскиснут и расстроятся...

— Только страдают они на словах, в компании, а живут каждый для себя...

— Что же ты считаешь, что наши родители не приносят пользы?

— Да нет, я так не считаю, они вкалывают и дело свое делают. Исправно исполняют. Исполнители. Соглашатели. Живут одним днем, в вечной суете... Я не умею объяснить, но что-то потерялось в дороге... За что же лучшие люди умирали в войну, в революцию? В степях и в тайге, возводя заводы, электростанции, восстанавливая их потом и снова строя? Чтобы их дети, ожирев от достатка, успокоились и расхватали все завоеванное. И все только для себя, для себя. Даже театр, кино, книги! Кто больше? Как там у Хлебникова?

Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках,
Чтоб катались глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки...

— А где ты взял Хлебникова? — некстати спросила Оля.

— Дубинина давала, ей какой-то поэт принес...— сказал и спохватился, попытался отвлечь от сказанного, но уже не получилось. Оля надулась, замолчала. У дома вместо прощального приветствия она заявила свои права:

— Вот что, дорогой мой князь Игорь, или я, или Дубинина. Понял? — Слезы были наготове.

— Хорошо, Кися,— согласился Игорь.— Я подумаю.— Лицо его стало непроницаемым, как тогда на вечере.

У Оли перехватило дыхание. Все испортила. Испортила! Опрометью бросилась она в подъезд. Прижавшись к стене, приходила в себя, надеясь, что Игорь войдет следом. Но Игорь не шел. Она выбежала на улицу, плохо соображая, что делает. Игоря там не было. Навернулись злые, непрощающие слезы. Впервые в жизни она не могла получить сразу то, что хотела.

10

Олеся Дубинина, как могло показаться на вечере, не была человеком злым, тем более мстительным. Но Киссицкая который год раздражала ее своим высокомерием, категоричностью, шумным

поведением. Олесе казалось, что Киссицкая нарочно создает видимость бурной деятельности, чтобы покрасоваться, оказаться в центре внимания. Олеся презрительно называла Киссицкую «деятельницей» и подчеркнуто сторонилась ее.

Беспокойная жизнь, когда нервы на пределе, обостряла давнюю неприязнь двух девчонок, сталкивала их, поводы находились.

К праздникам, как всегда, принимали в пионеры и в комсомол. Комсоргу Валерику Попову, человеку вялому и несамостоятельному, никак не удавалось собрать не только всех комсомольцев, но даже бюро. И обсуждение кандидатов помимо его воли возникло стихийно, на перемене.

— Попик,— дождавшись, когда в кучу сойдется побольше ребят, позвала Валерика Дубинина.— Попик, я все хочу у тебя спросить: почему это вы не приобщаете Машу Клубничкину? Она вроде вполне политически грамотная и патриотически настроенная... О себе, как видишь, я не пекусь, подружкиной судьбой интересуюсь...

Оля Дубинина редко выступала прилюдно. Она вообще говорила мало и тихо. Но как только про-

износила первую фразу, слушатели, и именно те, что ей были нужны, оказывались рядом.

— Да я... я...— растерявшись от неожиданности, мямлил Попов, поглядывая на Пирогова, Кустова, Киссицкую и Холодову. От них зависело все, и Валерик хотел понять их отношение к происходящему.— Лично я не против. Маша мне нравится...— сказал и осекся, смутился, покраснел, стушевался больше прежнего. Вокруг все ехидно заулыбались.

— Достойный аргумент! — съязвила Холодова, и ее глаза, не знающие улыбки, приняли знакомое ироничное выражение.— Если ты «за», то помог бы нравящейся тебе Маше исправить двойки. Как ты, Мария, насчет улучшения показателей? — Вопрос, обращенный к Клубничкиной, прозвучал примирительно, и все поняли, что Холодова возражать не будет.

— Дружбаны, что тут происходит? — шумно ворвался в образовавшийся кружок Вениамин Прибаукин.— Обсуждаются показатели Клубнич-

киной? На мой взгляд, они у нее подходящие! Улучшать не надо!

— Что ты паясничаешь! — раздраженно оборвала его Киссицкая.— Идет серьезный разговор. Мог бы он идти и не на перемене,— она неприязненно посмотрела на Попова,— тогда бы те, кому не положено, не совали нос не в свои дела. Комсомол, между прочим, не кружок для начинающих клоунов, а коммунистический союз молодежи.

— Ну, мне-то, если ты меня имеешь в виду,— с презрением сказал Вениамин,— сто лет твой комсомол не нужен.— А вот если по тебе судить, драгоценная ты наша Цица, то принимают в комсомол начинающих демагогов. Чем тебя не устраивает Дубинина или Клубничкина, чем? Власть свою показываешь? Принципы у тебя! А в чем принцип-то?

— Учатся Дубинина и Клубничкина кое-как, хуже, чем могли бы,— откровенно высокомерно стала перечислять свои претензии Киссицкая.— Обещали сводить всех в театр, не получилось.

Маша Клубничкина от возмущения закипела, тряхнула бронзовой гривой, приготовилась к бою. Но не успела. Олеська легким прикосновением руки остановила ее.

— Я не закончила свою мысль,— медленно и очень спокойно проговорила она.— Наш класс, руководимый коммунистическим союзом молодежи, давно уже ни на какие совместные действия, кроме выяснения отношений с учителями, не способен. Мы достали билеты в театр, ждали вас, никто не пришел. У кого же не получилось? И потом нам таким-сяким с кого пример брать? У вас даже бюро вовремя провести не получается...— И она скользнула колючим взглядом мимо Киссицкой, к Попову.

— Да, у нас с этим туго, справедливая критика,— забеспокоился, невольно подыгрывая Дубининой, простодушный Попов. Он вечно перед всеми оправдывался, чувствуя, что не справляется с обязанностями комсорга.— Но ничего же нет страшного в том, что мы советуемся с народом. Правда?

Все захохотали, а Дубинина тут же использовала ситуацию:

— Ах, с народом? Это хорошо! Это демократично! Вот ты меня как представителя народных масс и просвети. Маша в Академию наук баллотируется или в молодежную организацию хочет вступить, которая, кстати, призвана воспитывать? Комсомолу люди нужны или отметки? А тех, у кого отметки похуже, их куда, за борт?

— И за борт ее бросает...— дурачась, в полный голос запел Прибаукин.— Стенька Разин... Пирогов...— И покровительственно похлопывая по плечу Пирогова, спросил озабоченно:

— А кто княжна-то, князь Игорь, вот в чем еще вопрос?..

Пирогов понял, что на сей раз ему не отмолчаться. Правила игры требовали пошутить:

— Господа! — Он сделал шикарный мушкетерский реверанс.— Не будем ссориться, господа. Хорошие люди нужны всем. И комсомолу тоже. Должен вам совершенно конфиденциально сообщить: нынче дефицит... на хороших людей.— И он долго продолжал раскланиваться и расшаркиваться, возможно, затем, чтобы не встречаться глазами ни с Дубининой, ни с Киссицкой.

Дубинина немедленно поспешила согласиться с ним:

— Игорек прав. На хороших людей дефицит. Слишком много развелось болтунов и демагогов.— Она неторопливо перекинула свои золотистые волосы на плечо, скрутила их жгутом. По плечу поползла золотая змейка. И вдруг, о чудо! На глазах у всех рассыпалась, обернулась искрящимся золотым дождем.

Мальчишки завороженно смотрели на Дубинину. Киссицкая сразу заметила, что и Пирогов, ее Пирогов, тоже не спускает с Олеськи глаз. Она почувствовала, что у Игоря к Дубининой возникает нечто такое, что ей не преодолеть, не переменить. И она уже плохо владела собою. А Прибаукин раздувал пламя, нарочно распаляя страсти.

— Кстати,— таращa глаза и изображая удивление, осведомлялся он,— не вступая в комсомол, хорошим человеком не станешь, что ли? А я, непросвещенный, собирался. Вот дурень!..

— Опять паясничаешь! — не умея уйти от неприятного разговора, нервничала Киссицкая.— Ленин говорил, организация удесятеряет силы каждого!

— Я согласен,— серьезно сказал Прибаукин.— Только мои силы удесятеряют «фанаты», тоже ничего компаха.

— Фанатизм во всех своих проявлениях слеп,— продолжала в одиночку сражаться Киссицкая.— У вас нет цели!

— А у вас какая цель? — насмешливо спросил Прибаукин.

— Ты отлично знаешь,— возмутилась Киссицкая.— Построение коммунизма.

— Разве вы его еще не построили? Обещали же, что через двадцать лет все войдут в светлое здание. Где оно? Можно подумать, что вы слепо не верили и не горели энтузиазмом. Наша команда, «Спартак», нас почти никогда не подводит, выигрывает!

— Ну, от «Спартака» твоего, может, и есть какая-то польза,— с интонацией человека, в любом случае чувствующего превосходство, произнесла Киссицкая,— а от «фанатов»? Комсомол в самые трудные времена стране помогал, на самых сложных участках работал. Ты только об ошибках говоришь, но не ошибается тот, кто ничего не делает...

— Ну, понесло,— зло, необычно для себя грубо, сказала Олеська.— Сейчас будет говорить о «роковом времени», об «исторической неизбежности», о том, что «история не рассчитана на одну человеческую жизнь...» А у меня всего одна жизнь, слышишь? Одна, и я хочу в ней радоваться, а не страдать. И хватит болтать об ошибках и достижениях с чужих слов. Сама-то ты, комсомолия, какую кому принесла пользу?

— Я учусь хорошо, это главное. И все, о чем комсомол меня просит, выполняю!

— Ну, и о чем он тебя просит? Монтаж подготовить к празднику по выдержкам из газет и журналов? Или пару песен исполнить на районном вечере политической песни? А когда мы поехали на виноградники, почему ты отказалась работать под дождем? Нам же объяснили, что это очень нужно совхозу, вовремя успеть убрать урожай...

— У меня ревматические ноги...

— А как же твой идеал, Павка Корчагин?! Он о ногах не думал. И Машка Клубничкина не подумала о том, что у нее легкие слабые, то и дело воспаление. Вместе со всеми виноград под дождем собирала. Но ты ее в комсомол не пустишь, по какому праву? Кто дал тебе право распоряжаться моей судьбой? Ненавижу таких, как ты. На словах активных. Умеющих суетливость свою выдавать за активную жизненную позицию...

Все вокруг будто опешили от незнакомого пове-

дения Олеськи. Стояли молча, неподвижно, не вмешиваясь.

— Я тоже ненавижу таких, как ты,— Киссицкая сузила глаза.— Таких, которые пекутся только о своих радостях. Палец о палец никогда не ударила ни для класса, ни для школы!

— Если человек не участвует в том, что ему кажется демагогией и бюрократией, то это, между прочим, тоже активная позиция. И имей в виду, что иногда честнее не участвовать, не ударять пальцем... и никак по-иному не ударять... Твои заслуженные дедушки, которые так хорошо объясняют тебе все о разных временах, никогда не подсказывали тебе таких мыслей?..

— О чем спорит подрастающее поколение? — поинтересовался Анатолий Алексеевич, появившись в классе.

— Обсуждаем горячо, кого принимать в комсомол,— изображая подобострастие, за всех ответил Вениамин Прибаукин.— Никак не решим, кому отдать предпочтение наших сердец.

— Можем обсудить это после урока.— Анатолий Алексеевич в этом классе старался держаться построже.

— А мы исторических проблем тоже касаемся,— не унимался Венька.— Только не по учебнику. Вы это допускаете?

— Допускаю,— согласился Анатолий Алексеевич.— На политклубе. Там можем провести любую дискуссию.

— Любую? — переспросила Холодова с отчаянной иронией. — Ну-ну, посмотрим...

И начался урок.

11

Получив классное руководство, Анатолий Алексеевич лишился свободного времени и покоя. Он старался как можно реже появляться в учительской. Отсиживался в «оружейке», крохотной комнатушке на четвертом этаже, где хранилось боевое некогда оружие, пригодное теперь лишь для занятий по начальной военной подготовке. Спрятавшись в «оружейке», он подолгу думал о жизни, о ребятах, о своем учительстве. И сознавал, что не находит пока убеждающие слова и верный тон.

Ребята молча выслушивали его правильные рассуждения о комсомоле и расходились разочарованными. Подсказать им, как избежать формализма при приеме в организацию, он не умел. Этот формализм был как бы узаконенным. И какими конкретными делами заняться комсомольцам, он и сам представлял слабо. Ребята знали и понимали не меньше, чем он, их учитель.

— Посмотрим, посмотрим, как вы станете выкручиваться?! — посмеялась Холодова, когда он пообещал дискуссии в политклубе.— Как объясните вы нам, почему мы разбазариваем нефть? Почему в стране, где столько богатств: земли, леса, нефти, газа, металла и народ трудолюбивый, а теперь и образованный, не хватает мяса, колбасы, даже хлеба?! Или вы знаете, как возник в нашей социалистической действительности культ личности? Как наша прославленная демократия допустила напрасные жертвы?..

И все они посмотрели на него с нескрываемым любопытством. Он учил их истории. Они хотели прежде всего знать его мнение о культе личности Сталина, будто от его позиции в этом вопросе зависело что-то очень значительное в их дальнейших отношениях.

Что он мог им сказать? Что он знал, помимо того, что стало известно на Двадцатом съезде партии и в публикациях после съезда?

Со студенческих, даже со школьных лет он привык цитировать. Сколько он помнил себя, так было принято. Мысли великих надежно защищали, как щит, как непробиваемая броня. Но что-то пока неуловимое, какой-то едва различимый сдвиг наступил в сознании молодых людей, которые и младше-то его были ненамного. Они не желали больше поклоняться авторитетам и оценивали все, что узнавали, видели, слышали по своему разумению. И всех остальных людей принимали или не принимали по их способности мыслить и поступать. Этих ребят нельзя было уговорить,

их можно было только убедить или не убедить.

Анатолий Алексеевич стал цитировать Ленина, излагать позицию партии в оценке заслуг и ошибок Сталина, но его перебил Прибаукин:

— А как же быть с теми, чья жизнь жертвенно брошена на алтарь прекрасного здания будущего блаженства? — То ли Вениамин балагурил по привычке, то ли, спасаясь иронией, всерьез выяснял важную для себя истину?..

И тут вскочила Киссицкая, не дожидаясь его ответа, назидательно сказала:

— Как бы ни иронизировали некоторые, история не рассчитана на одну человеческую жизнь. Смешно спорить. Бесспорно, что Сталин имеет большие заслуги перед партией, рабочим классом и даже международным движением...— Она и на уроках всегда говорила так, как будто считала себя крупнейшим теоретиком прошлого и настоящего.— Общеизвестна его роль в подготовке и проведении социалистической революции, в гражданской войне, в борьбе за построение социализма и, наконец, в Великой Отечественной войне...— Задрав кверху курносенький носик, Киссицкая не замечала неприятия и неприязни, которые возникли вокруг нее.— Но, с другой стороны, особенно в последний период, игнорирование норм партийной жизни и принципа коллективного руководства привело к извращению партийной демократии, к нарушению революционной законности, к необоснованным репрессиям. Время было такое...

Испытывая ощущение страшной неловкости и стыда за свою беспомощность, Анатолий Алексеевич с сожалением наблюдал, как воздвигает Киссицкая неодолимую преграду между собою и своими товарищами, а заодно между ребятами и им самим.

И снова он не успел вмешаться, поднялась Дубинина. Раньше ее никак нельзя было упрекнуть в несдержанности и агрессивности, теперь она резко оборвала Киссицкую:

— Что ты знаешь о том времени? Что ты все выставляешься и болтаешь о том, что тебе неизвестно?! — Анатолий Алексеевич не предполагал, что Олеська может быть такой разгневанной, разъяренной.— У тебя нет вопросов? Для тебя все просто? В результате ошибок? У тебя в семье пострадал кто-нибудь в результате ошибок? Я устала от твоей болтовни. Сама-то ты веришь в то, о чем плетешь с чужих слов?

— Что ты имеешь в виду? — взвилась Киссицкая.— Я верю в идеалы коммунизма...

— А я хочу во всех идеалах разобраться сама, понимаешь, сама.— Олеська порывистым движением откинула назад волосы, ее теплые глаза сделались непроницаемыми, злыми.— Партия осудила Сталина, потом осудила тех, кто его осудил, потом...— она безнадежно махнула рукой и собралась сесть, но выпрямилась и принялась снова говорить, отчаянно, неистово:

— Я не хочу, не хочу и не буду выдавать готовые идеалы и цели за свои собственные. Это безнравственно. Я должна обрести веру или...— Она вдруг сама себя остановила и обратилась с вопросом к Клубничкиной, которая всегда сидела с ней рядом:

— Ты можешь сказать, во что веришь?

— Я?—растерялась правдоискательница Клубничкина.— Я — в справедливость.

— А ты, Игорь? — спросила Олеська у Пирогова, не замечая больше Киссицкую, которая продолжала стоять в выжидательной позе.

— Я? — Игорь манерно схватился за лоб правой рукой, якобы размышляя.— Я верю в разум и... пожалуй, в добро.

— А я,— выкрикнул Прибаукин,— в чувство юмора!

Холодова почувствовала, что пришла ее очередь сказать свое слово. Удивительно угловатые, неженственные были у нее движения. Но держалась она всегда с достоинством, без суеты, и все, что говорила, отличалось самобытностью, незаурядностью мышления и познаний.

— Сократ,— сказала она спокойно и внушительно,— тоже верил в разум. Он бродил по улицам Афин, этакий, заметь, Прибаукин, добродушный остряк. Кстати, ищущий истину, Клубничкина, в справедливом споре. Он учил людей, как жить нравственно и справедливо, как правильно устроить жизнь. Только его остроумие и его искания мало кому нравились. Аристократы считали его развязным, а демократы видели в нем своего разоблачителя. И Сократа с его верой в высшую справедливость и высший разум, и некую всеобщую целесообразность осудили на смерть.

— Во что же ты веришь? — Теперь они стояли, возвышаясь над всеми другими втроем — три Ольги — Киссицкая, Дубинина и Холодова.

— Я верю,— не затрудняясь, спокойно продолжила Холодова,— в себя, в свои силы.

— Ну, понятно,— нервно рассмеялась Дубинина,— ты всегда пляшешь вокруг себя.

— Да,— согласилась Холодова и насмешливо-спокойно посмотрела на разгоряченную Дубинину.— Все, что сейчас я делаю, по твоему мнению, для себя, в конечном счете обернется благом для всех. Надеюсь. Пусть каждый позаботится хорошо делать свое дело. Этого, хотя бы этого, уже достаточно для общего блага. Что дают вам эти разговоры? Что? Жизнь не меняется от разговоров о ней. Помните, как у Ильфа и Петрова: «Хватит говорить о том, что надо подметать двор, пора брать в руки метлу!»

Разговор закончился сам собою. Анатолий Алексеевич испытывал горечь, растерянность и тревогу. Нет, бури нашего прошлого не отбушевали, не погасли костры в наших душах, и старые угли сохраняют опасный огонь. Он готов воспламеняться в душах тех, кто пришел после, и обжигать с прежней силой и болью. Почему же не понять, как тяжко справляться им с этой болью? Как страшно жить с непониманием, неприятием, осуждением!..

Анатолий Алексеевич почти ничего еще не знал о ребятах своего класса. Но уже догадывался, что их нервозность, их внезапные стычки, мелкие обиды и серьезные споры имеют глубокие корни в прошлом, совсем недавнем и далеком.

12

Олеська очень привязана была к отцу. Не осуждала за то, что оставил семью. Он по-прежнему заботился о них с мамой, помогал деньгами. Странным казалось, что отец бросил работу в редакции, стал служить в церкви старостой или еще кем-то! Но так, наверное, для него лучше?

Ни отец, ни мать никогда не говорили с Олесей о боге, о церкви, никак не объясняли ей отцовского поступка, а она ни о чем не спрашивала. Замкнулась в себе, притихла и даже своих одноклассников стала сторониться. Вряд ли кто-то из них понял бы отцовский выбор, только посмеялись.

У мамы, Олеська рано поняла это, характер мягкий, как воск, податливый. Ему требуется

ваятель. В отсутствие отца соседка тетя Варя пыталась стать опорой для матери. Муж тети Вари человек неплохой, незлобивый, неглупый, но сильно пьющий, отправился подзаработать на Север, и тетя Варя в свободной комнате приютила одинокую молодую женщину, Нину.

Жили одной семьей. Нина вела хозяйство. Она нигде не служила, дома печатала на машинке. Говорила, что не хочет отсиживать от звонка до звонка в конторе, устает от неприятных людей и от глупостей, которые с умным видом произносят на собраниях, а на жизнь ей многого не надо. Работу Нине приносили журналисты и писатели, ученые и дипломники, и большинство из них становилось друзьями дома.

Нина хорошо печатала на машинке, но еще лучше играла на гитаре и пела. И все, кто по вечерам приходил к ним в гости, вместе с нею пели Высоцкого, Окуджаву, Визбора и других бардов. Рассказывали о том, что читали, видели, слышали, а молодой поэт Алик напевно декламировал свои стихи и больше всех нравился Олеське.

В кругу друзей мама оживлялась, делалась веселой, кокетливой, а на работу всегда шла с плохим настроением. Она работала экономистом и как-то сказала Олеське, что устала от лжи. Когда-то они учились с тетей Варей в одном институте, но тетя Варя устроилась товароведом в универмаг и шутила, что от ее экономики гораздо больше пользы. Стараниями тети Вари все они были хорошо одеты и обуты и не обделены продуктами. «Хочешь жить, умей вертеться»,— наставляла тетя Варя Олеську, но жизнь от этого не становилась легкой.

Жизнь почти у всех, кто бывал в их доме, не складывалась просто. Артист Феликс играл в спектаклях молодежной студии, которая превозносилась поклонниками, но не признавалась официальными авторитетами. На хлеб Феликс зарабатывал, устроившись дворником. Романы и повести Кирилла Сергеевича не принимали в редакциях, он объяснял, что «там не хотят правды». Он нанялся ночным сторожем, чтобы иметь время писать то, «что душа велит». Художник Роман Флегонтович создавал картины для себя и своих друзей. В приемную комиссию носил только те, что «имеют рыночную цену». Поэт Алик время от времени печатался в молодежных журналах, но как и все их друзья, считал, что «самое верное — ни в чем не участвовать, не участвуешь — не ошибаешься, не причиняешь боли себе и другим».

Гости в их доме пили чай с сушками и сахаром, не забывая при этом бросать денежки в копилку в образе страшной красно-бурой кошки, скрючившейся в отвратительной улыбке-гримасе. Роскошество позволяли себе редко: в дни рождений, праздников или когда кто-то получал гонорар, побочный заработок.

Олеся крутилась среди взрослых, ее привечали, восторгались ее красотой, никогда не делали замечаний, не прогоняли: «Пусть знает о жизни правду!»

Эта правда сильно расходилась с тем, в чем Олеську уверяли в школе, и она мучилась, пытаясь определить для себя истинное. Но обстановка в школе складывалась такой неприглядной, а люди показывались в таком дурном свете, что симпатии ее склонялись к домашним.

Дружила Олеся с Клубничкиной, сидела с ней на уроках и не расставалась с Судаковым. Другие для нее не существовали. Когда Сережка погиб, мать испугалась за Олеську, вызвала отца. Он увез Олеську к себе.

Вечер и ночь они говорили. Отец впервые открылся, поделился болью, которая прежде оставалась для Олеськи тайной.

— Почему ты так поступил? — позволила себе спросить Олеся.

— Мне стало трудно жить,— не отводя глаз в сторону, признался отец.— Мне казалось, что я многого в жизни не понимаю, и моя жизнь бессмысленна, ничего не стоит... Вера дала нравственные ответы на мои вопросы.

— А жизнь... сама жизнь не дает ответы?

— Дает, если человек не теряет веры. Человек должен во что-то верить. Без веры он становится раздраженным и способен на дурное. Ты всматривалась в иконы? Разве все они написаны талантами? Но они привораживают. Почему? Потому, что написаны с верой...

Олеська неожиданно для себя бросилась

к отцу, обняла, соскользнула, упала перед ним на колени.

— Ну, скажи, скажи, если есть бог, кому понадобилось отнять у меня Сережку?

Отец остановил ее жестом, поднял, усадил рядом.

— Страдания и тревоги посылаются нам, чтобы закалить душу, научить ее трудиться.

— Как мне жить теперь?

— Исполняясь терпением и надеждой. И зная, что бывает и хуже...

— Хуже? — заплакала Олеська.— Хуже не бывает.

— Бывает,— настойчиво повторил отец.— Бывает и хуже.

В комнате горела одна-единственная лампадка под образами. Отец не переносил яркого света. Небольшое зеленоватое облачко вокруг лампадки казалось мерцающей звездочкой и как-то объединяло их. Отец рассказывал, она слушала...

— Твоей бабушке было почти столько же лет, сколько тебе, когда с нею стряслась беда, не меньшая, чем с тобою... Хотя беды не бывают ни маленькими, ни большими. Беда — всегда испытание... Однажды в дом ее отца, твоего прадеда, ночью ворвались чужие люди и увели его с собою. Твоя бабушка Оля, ты названа в память о ней, ничего не могла понять. И твоя прабабка, ее мать, не умела объяснить ей и себе, что случилось.

Твой прадед был большим ученым. Занимался языкознанием. Его труды читали во всем мире. Он ездил на конгрессы и симпозиумы в другие страны, он владел многими языками... И вот кому-то почудилось, что он недостаточно патриотичен в своих высказываниях... Кто-то захотел увидеть в нем шпиона... В то время боялись, что враги народа помешают строительству нового общества... Его посадили в тюрьму и требовали, чтобы он признал себя приспешником империализма, покаялся в заграничных связях во вред Родине... Но прадед не мог каяться в том, чего не было. Он объяснял, доказывал, ссылался на свое революционное прошлое. Над ним издевались... Он погиб на Колымской трассе, высекая в скалистых сопках дорогу. Я узнал об этом двадцать лет спустя, когда он, уже после гибели, был реабилитирован, и меня разыскал его товарищ по лагерю... Товарищ передал мне просьбу деда верить в его абсолютную честность перед собою и партией. И, главное, верить в партию, в ее идеалы... У меня помутился разум... Твоя прабабка не дожила до этого времени. Вскоре после ареста мужа пришли и за ней. Ее бросили в тайгу, на лесоповал, а она была пианисткой, и пальцы ее были легкие, нежные. Она не вынесла...

Отец сидел спиной к мерцающей лампадке, и его лицо, оставаясь в тени, было темным и мрачным. Волнение отца Олеся ощущала физически, оно передавалось ей из души в душу, и Олеська сжалась от боли, боялась пошевелиться, чтобы не помешать отцу...

— Вот как бывает...— проговорил он глухим, далеким, чужим голосом.— Твою бабушку Олю, назовем ее Большой Олей, хотя она была невысокая, хрупкая, застенчивая, отправили в казахские степи... Рыть землю... Она не умела этого... Ее учили музыке, языкам, она писала стихи... Там, как и повсюду, разные жили люди... Какая-то добрая душа пристроила ее в медпункт уборщицей. Она выжила... Но... — Отец замолк. Олеська почувствовала его муку. Эта мука поселялась и в ней, заставляя заново переживать все, что выпало на долю ее близких, еще до ее появления.

— Но... — повторил отец, с трудом продолжая рассказ.— Никто не спас ее от надругательства над ее молодостью. Она была очень красива. И ты так на нее похожа! Мне порою мерещится, что передо мною моя мать, беспомощная девчонка, в степи, среди заключенных... Спасением для нее,— боже, что я говорю! — все же спасением оказалось, что приглянулась она молодому охраннику. Страшно мне. Страшно думать, как растоптали ее душу...

— Дом, в который попала Большая Оля, не напоминал ей отчего дома. Хозяйка, властная и грубая женщина, попрекала куском хлеба, могла и ударить. Ее сын, возвращаясь домой, напивался и распускался до безобразия. Большую Олю он, правда, не бил, но куражился над ней вволю. Этот человек стал моим отцом. Да простится мне, как я его ненавижу!..— Тут Оля увидела, как отец осеняет себя крестом. И глаза его, такого большого и сильного человека, наполнились слезами.— Так случилось,— продолжал он,— что я, совсем еще малое дитя, заболел воспалением легких. Старуха запрягла лошадь, усадила мою мать в сани, бросила на колени младенца, приказала гнать в больницу. Надеялась избавиться от неугодной «невестки» под благовидным предлогом. Большая Оля чудом добралась до города. Но в больницу не пошла, села в проходящий поезд и увезла меня из проклятых мест. Шла война. Паспорта у Оли не было, но она объясняла, что паспорт потерялся при бомбежке. Подлечив меня, снова села в поезд и так, пересаживаясь из состава в состав, оказалась, наконец, у порога родительского дома. Упала на землю и заплакала впервые за все страшные годы... Войти в квартиру она не решилась. Жизнь научила ее осторожности. Побрела к старушке тетке, сестре матери, надеясь, что хоть кто-то из родственников жив. Старушка тетка, воспитанница Смольного института благородных девиц, рассказывала мне потом, что Оля, придумав себе чужое имя и совсем иную судьбу, почти сразу же пошла в военкомат проситься на фронт. Говорила, что хочет очиститься в огне сражения. Умереть или выжить. И тогда уж заново жить... Я остался у тетки... Большая Оля сказала, что она может быть медсестрой. Ты помнишь, какое-то время в заключении она работала в медпункте уборщицей. Ее подучили на курсах и послали на фронт. Под Смоленском, когда она выносила с поля боя окровавленного командира, ее ранило в голову. Без сознания она попала в плен... Старушка тетка умерла. Меня пристроили в детский дом. Когда я подрос, пытался искать мать. Многие после войны находили родителей. Мне не удавалось...

— Несколько лет назад коммунисты Франции рассказали, что наша Большая Оля бежала из фашистского концлагеря во французском городке, присоединилась к отрядам Сопротивления и была отважным бойцом. После войны товарищи посадили ее на пароход, который отправился в Одессу. Но я ее не дождался... Как и все, кто возвращался из плена, Большая Оля снова попала в лагерь, уже сталинский, и, должно быть, погибла... — Голос отца стал глуше, печальнее, Олеська не могла уловить выражения лица:

— После школы я поступал на философский факультет университета. Меня не приняли. Я пошел в педагогический, изучал историю. Но преподавать не смог. Работал в газете. Когда французы уехали, я не смог и писать. Что-то оборвалось

в душе... Ты понимаешь?.. Он заглянул Олеське в глаза, встал, поднял Олеську за плечи, притянул к себе, склонил голову к ее голове.

Так они стояли. Обнявшись, разделяя боль, которую время притупляет, но не излечивает.

— Папа,— спросила Олеська, когда они немного успокоились,— ты не хочешь, чтобы я вступала в комсомол?

— Мне хотелось бы,— не сразу отозвался отец,— чтобы ты жила с верой. Без веры, надежды и любви человек перестает быть человеком. И тогда он способен на все худшее... Если веришь, как верили, несмотря ни на что, твой прадед и Боль-

шая Оля, вступай! Но мне показалось... Ничего не делай без веры!— Звучала не просьба, мольба, обнаженная боль. Он отвернулся, отдернул занавеску. Светало.

13

Ирина Николаевна, учительница русского языка и литературы, ревностно оберегала дружеские отношения с непокорным классом, бунтующим против ее коллег. Сознание своего превосходства составляло ее тайную гордость, ее успех. Она старалась его оправдывать. Следила за новым в литературоведении, не пропускала интересных статей в литературных изданиях и на уроках почти не касалась учебника. Ребята ценили ее знания, ее способность увлекательно рассказывать, ее осведомленность. С ней было о чем говорить, и она умела выслушивать. Она одобряла, когда ребята пытались размышлять по-своему. Но... о том, что уже кем-то было высказано. Свободомыслия Ирина Николаевна боялась, хотя тщательно скрывала это от своих учеников.

Не просто сложилась ее жизнь. Годы работы в показательной школе при прежнем директоре, этой «госпоже министерше», не знающей ограничений своей власти, приучили Ирину Николаевну к беспрекословному повиновению. Она тешила

себя мыслью, что быть борцом не ее удел. Пусть это трусость или слабость, но она не может позволить себе ничего сверх необходимого для хорошего знания литературы ее учениками.

Сочинения, которые писали в этом классе, Ирине Николаевне нравились. Ребята тут подобрались умненькие и вполне образованные для своих лет. Прочитав соображения ребят о рассказе Платонова «Третий сын», Ирина Николаевна с удовольствием отметила, что Холодова знакома уже с предисловием к последнему изданию рассказов этого писателя. Толково и очень ловко переиначивала она на свой манер размышления литературоведа.

Но по душе ей пришлись сочинения, в которых осуждались черствость и неблагодарность сыновей умершей старухи и восхвалялся третий сын, пытавшийся возвратить к печальному событию своих расшумевшихся братьев. Таких сочинений оказалось большинство. Все ли одинаково думали? Во всяком случае, выучились понимать, что следует писать, а что не следует, и выдерживали правила игры. Ирина Николаевна ценила тактичность.

Последней она прочитала рецензию Маши Кожаевой. Эта девочка, недавно прибывшая из Парижа, раздражала ее непохожестью поведения, излишней, с ее точки зрения, свободой в общении и высказываниях. «Мне рассказ Платонова не понравился,— искренне признавалась Кожаева.— Что Платонов хотел сказать? Что третий сын больше любил мать или он чувствительнее? Братья давно не видели друг друга, и они ведут себя как живые люди — обмениваются новостями, воспоминаниями. Гораздо хуже было бы, если бы они притворялись и лицемерили, изображая скорбь. Какое право имеет третий сын стыдить и поучать их? Что он, лучше всех знает, как правильно жить, и может указывать? Пусть каждый живет как хочет! Нельзя лишать личность свободы!»

Читая рассуждения Кожаевой, Ирина Николаевна все более вздергивала себя. Ишь! Защитница свободы личности! Все судят так, а она эдак! И какая черствость! Какой эгоизм! Ни капли душевности, сострадания! «Твои рассуждения говорят о душевной глухоте»,— сделала заключение Ирина Николаевна в конце листка с сочинением. И со злым усердием выправила все грамматические и пунктуационные ошибки. Возможно, она не осознавала, что в ней бунтует оскорбленная униженным смирением молодость. Тем более не догадывались об этом ее ученики, взрослеющие в иное время.

Сочинения, как всегда, бурно обсуждались в классе. Когда очередь дошла до Кожаевой, Ирина Николаевна с подчеркнутым неодобрением прочитала вслух Машину рецензию и обнародовала свое заключение. Реакция оказалась непредвиденной. Кожаева вспыхнула, поднялась:

— Вы не смеете.

— Что я не смею? Оценить твое сочинение? — Ирина Николаевна не привыкла к дерзостям на ее уроках.

— Не смеете оскорблять! — твердо сказала Кожаева.— Я написала то, что думаю. Вам угодно, чтобы все думали одинаково? — Ее глубоко посаженные глаза стали заполняться слезами, и губы дрожали и подергивались.— Хотите начинить наши головы одинаковыми продуктами и законсервировать до надобности? А я не хочу быть вашей консервной банкой!

— Ты... ты... да ты... просто мелкая душонка! — Ирину Николаевну трясло от возмущения и неприязни. Ребята никогда не видели ее такою.— Ты не хочешь, чтоб мы тебя начиняли, тебе нравится заморская начинка?! Это там, в чужих краях, ты растеряла душевность?! Тебе ничего не стоит ниспровергнуть писателя! Поставить под сомнение замечание учителя! — Ирина Николаевна безобразно кричала, и все притихли, не понимая, что вырвалась наружу долгие годы зревшая обида, растоптанное, никогда не осуществившееся желание встать и сказать однажды: «Вы не смеете!», что так легко далось теперь Кожаевой. Но разве Кожаевой было легко? Машино лицо полыхало. Покоряться она не желала:

— Писатель — человек, и я, и вы тоже, надеюсь,— сказала она отрешенно, дождавшись конца грозного учительского монолога.— Все люди имеют право судить о делах и поступках друг друга. Я перестану уважать себя и вас, если вы не извинитесь за свою оскорбительную истерику.

— Я... я должна извиниться? Перед тобою? — Ирина Николаевна негодовала.— Вот что. Или ты, Кожаева, остаешься в классе, или я. Ясно?

Маша не двинулась с места. Медленно, тяжело села. И голова ее будто сделалась чугунной, стукнулась о скрещенные на парте руки. Ирина Николаевна пристально посмотрела на Кожаеву, на класс, схватила со стола журнал и удалилась, хлопнув дверью.

Кожаева заплакала. Всхлипывая, она повторяла: «Что я сделала? Ну, что я сделала? Я написала, что думаю. Учат говорить правду, а потом за правду же попадает!..» Упоминание о «правде», за которую «попадает», сразу обратило симпатии к Маше. Они любили и выделяли среди учителей Ирину Николаевну, но когда она стала называть Кожаеву «мелкой душонкой» и вспоминать «заморскую начинку», все почувствовали растерянность, словно рушился последний бастион.

14

Родители Кожаевой оставались работать за границей, и Маша жила с братом. Всю жизнь отец был для Маши примером. То, что он утверждал, превращалось в правило. Его спокойное, доброжелательное отношение к людям становилось ее манерой поведения. Размышления отца о жизни, о светлых идеалах, о красоте мира с годами становились Машиным миропониманием. Отец был большим и сильным, Маша в шутку звала его «мой Портосик».

Брат нисколько не напоминал отца, он пошел в мамину родню. Невысокий, худенький, даже тщедушный, он выглядел слабым и беззащитным, но душою оказался сильным и неуязвимым. Пока они жили в Париже, он оставался дома, учился в университете, потом служил в армии. Теперь он работал океанологом, с охотой занимался своими исследованиями. После работы он отдыхал, читал, слушал музыку, ходил, как он объяснял, «культурно развлекаться». Но больше всего ему нравилось собирать дома друзей. Добрые отношения с друзьями он ценил превыше всего.

Его друзья, образованные и доброжелательные молодые люди и девушки, смотрели брату в глаза, с восторгом ловили каждое его слово и называли его «совестью эпохи». Машу поражало, что эти совсем взрослые люди с детским азартом играют в «детективы». Игра заключалась в том, что кого-нибудь высылали за дверь, пока остальные придумывали историю и действующих лиц некоего преступления. Вернувшись из коридора, «сыщик» расследовал «преступление» и находил «преступ-

ника». Брат говорил: «Каждый по-своему убегает от трудностей бытия. Мне не по душе заниматься «бегом за инфарктом», и сенсы меня не увлекают».

Маша привыкла рассказывать отцу школьные новости, делиться впечатлениями и сомнениями. Брат деликатно выслушивал ее, но в ситуацию, как отец, не вникал. Как-то он сказал: «Надо все воспринимать, не страдая». В другой раз: «Единственным пороком осталось предательство». В ответ на все остальные обиды следует всего лишь пожимать плечами и отходить в сторону — в этом мудрость. В Париже, в школе при посольстве, училось не так уж много ребят, и все хорошо знали друг друга. Однажды их класс плохо подготовился к контрольной по математике, почти всем поставили плохие оценки. Учитель сказал: «Разрешу переписать, если согласятся все». Одна девочка, которая всегда получала пятерки, заупрямилась. И у большинства в четверти вышли тройки. Ту девочку, отличницу, вся школа судила. Отец сказал: «Нужно уметь личные интересы подчинять интересам коллектива».

Брат, напротив, уверял Машу, что никого нельзя принуждать. Все имеют право на собственную позицию. Тем более что никто и не знает точно, что верно, а что скверно. Поклонение авторитетам парализует человека. Надо переносить людей таки-

ми, какие они есть. Переделать людей, тем более мир, невозможно, и незачем мучиться его несовершенством...

Маша терялась, мучилась, ей не хватало отца. Когда Маша поинтересовалась, что думает брат о рассказе Андрея Платонова «Третий сын», он вспомнил о Генри Форде. Форда якобы спросили, в чем секрет его успеха? Он ответил, что если и существует такой секрет, то состоит прежде всего в способности понять точку зрения другого человека и увидеть ситуацию под его углом зрения. Брат настаивал, что осуждать, указывать, говорить правильные слова — удел ограниченных людей, а яркая личность живет независимо и тем самым отстаивает свои права. Ворочаясь с бока на бок в ночной темноте, которая казалась густочерной, душной и угрожающей, Маша слушала шум дождя и порывы ветра. Если бы она могла, как эти ветры, носиться по белу свету, то сейчас же перенеслась бы к отцу, и он нашел, как ее успокоить. А что если отец не верит в то, что говорит? Просто успокаивает ее, считая, что она еще маленькая?!

К утру, как только забрезжил свет, Маша поднялась, разорвала сочинение о рассказе «Третий сын», которое казалось ей теперь пресным и ничтожным, и написала то, что так неожиданно вывело из равновесия Ирину Николаевну.

15

— Дружбаны! — воскликнул Венька, ухватив общее настроение.— Где фонтаны? Где фейерверки? Кончай травить о смысле и красоте жизни! Лови красоту и кайфуй! Вечо-о-орку со-берем?!

Все закивали и довольно захмыкали. Они измучились под постоянным прессом неудовольствия и охотно пошли к Столбову. Даже Холодова и Киссицкая одновременно с Дубининой. И Кожаева перестала обижаться. Вениамин торжествовал. В тот воскресный вечер он был в ударе.

— Прав охотник или лось,—
пел Венька весело и звонко,—
что бы с ними ни стряслось,
как бы землю ни трепало — крутится земная ось.

— Эх-ма, тру-ля-ля, эх-ма, тру-ля-ля! — подпевали Пирогов, Кустов и Столбов, весьма довольные собою и доброжелательным любопытством слушателей.

— Вместе с небом и травой,
от заботы сам не свой,
крутится зеленый шарик
против стрелки часовой...— заливался Венька.

Ансамбль подпевал ему:

— Эх-ма, тру-ля-ля, эх-ма, тру-ля-ля!

— Па-па, пара-па-па-па! — подхватывали остальные, притоптывая в такт ногами, постукивая руками по столу и подергивая плечами.

— А чьи стихи, чья музыка? — спросила вдруг Киссицкая.

«Зануда она все-таки!» — с досадой подумал Пирогов, но немедля галантно ответил:

— Стихи поэта Григория Поженяна, исключая, разумеется, припев, а музыка... народная...

Изобретая немыслимые и виртуозные па, заражая всех весельем, Венька лихо пытался ввести в штопор Юстину, но у Юстины, застенчивой и робкой в движениях, не получалось.

— Эх-ма, тру-ля-ля! — огорчался Венька, и оставив Тесли в недоумении, выхватил из стайки девчонок гибкую и пластичную Дубинину. Приподняв Олеську, Венька вдруг почувствовал, что лицо его покрывает золотистый мягкий дождь ее пахнущих осенними листьями волос, что голова кружится, а руки слабеют. Венька резко опустил Олеську и еще раз удивился, как необыкновенно она хороша. И тут же заметил, что так же ошеломленно смотрит на Олеську и Пирогов. И все взоры сразу обратились к Олеське.

Не успев еще сообразить, что произошло, Олеська своевольным движением плеча откинула золотистые волосы назад, посмотрела на всех удивленно.

— Расстегнулось,— насмешливо сказала Киссицкая, повторяя ситуацию, так некстати сложившуюся для нее на вечере.

Олеська в отличие от нее никак не выразила своих чувств. Едва наклонила голову, глянула мельком: кофточка действительно расстегнулась. Тогда Олеська тряхнула головой, золотой дождь рассыпался по плечам, заслонил грудь от посторонних глаз.

— Ну, зачем же? — сказал весело уже пришедший в себя Прибаукин.— Искусство должно принадлежать народу...

Напряжение разрядилось улыбками, но танцы прекратились. Киссицкая зло посмотрела на Прибаукина и многозначительно на Юстину. Юстина ответила ей благодарным, грустным, понимающим взглядом.

Отойдя в сторону, Киссицкая стала рассматривать картину на стене. Заинтересованно и громко спросила, обращаясь к хозяину дома:

— Лехочка, не скажешь, кто автор этой картины? — она умела незаметно переключать внимание на себя.

— Какой-то приятель отца,— нехотя отозвался Столбов.

Поскольку танцы утихли и компания отдыхала, все уставились на картину. На фоне яркосиних гор, в голубоватой воздушной дымке стояла девушка в розовом. Левое плечо кокетливо выставлено вперед, длинные светлые волосы искрятся в лучах заходящего солнца. Глаза удивленно и радостно смотрят на мир... Чем-то девушка напоминала Олеську, но смотрела иначе, доверчивее, мягче.

— Ничего, миленькая картинка,— оценила Киссицкая.— Простенько, но с большим чувством...— и улыбнулась ехидно.

— Я не понимаю,— медленно произнес, не поднимаясь с кресла Пирогов,— ты меня извини, Алексис, зачем рисовать даму в розовом, даже если у нее в глазах большое чувство?..

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Киссицкая.

— Ну, если я захочу посмотреть на красивую девушку, я могу это сделать и в жизни,— пояснил свою мысль Пирогов, стараясь не встречаться взглядом ни с Дубининой, ни с Киссицкой, ни с кем другим.— А большое чувство я каждый день вижу в глазах своих родителей...— Он помолчал и добавил: — Живопись сделала большой скачок вперед, и теперь просто стыдно так рисовать. Ты, конечно, извини, Алексис... Искусство должно трансформировать жизнь, потому что скопировать ее оно все равно не сможет...

— Что же ты хочешь сказать, что «Незнакомка» Крамского или «Боярыня Морозова» Сурикова и не искусство, что ли? — вмешалась Маша Клубничкина.

— Тогда так думали о жизни, а сейчас это уже устарело. Искусство отражает уровень мышления. Но я никому не собираюсь навязывать своего

мнения. Просто, мне кажется, в наше время, если картину можно объяснить словами, то это уже назидание, а не искусство.

— Что же тогда искусство? — грубовато атаковала Клубничкина.

— Мастерство художника в композиции, колорите, цветовой гамме, световом решении. Искусство должно возбуждать чувства, эмоции, заставлять звучать внутренние струны...

— Ну, а как они будут звучать,— попыталась полемизировать Клубничкина,— если я смотрю на картину, как баран на новые ворота, и не могу объяснить словами, что нарисовано?..

— Ну, на баранов новое искусство не рассчитано,— с легкой улыбкой, покровительственно объявил Пирогов.— Ты будешь стоять, долго смотреть, думать, и, может, со временем в твоем мозгу мелькнет хоть какая-нибудь мысль...

— А в твоем мозгу мелькают мысли, когда ты смотришь на всех этих шарлатанов? — обозлилась Маша, вспомнив высказывания отца.

— Зачем ты так? — вмешалась в разговор, до сих пор не вымолвившая ни слова Маша Кожаева.— Ты же не видела этих картин. Ты, наверное, и Пикассо не видела, и Дали, и многое другое, а осуждаешь все с чужих слов.

— Слушайте, умники,— неожиданно, как всегда, предложил Прибаукин.— Проведем эксперимент. Возьмем для сравнения столбовскую картину, и ты, Князь, несешь какую-нибудь абстракцию своего отца. Предлагаем все это широкому потребителю и смотрим, за что больше дадут купюр?

— Широкий потребитель еще не ценитель,— заволновался Пирогов.

— Почему? — Прибаукин сегодня был настойчив.— Искусство должно принадлежать народу! Я поговорю с барменом. Отличный паренек, и связи у него шикарные.

— Ну, я не знаю,— засомневался Пирогов.— Отец не согласится, а без спросу я не приучен...

— Трус ты, Князь. Скажи, что испугался за своего папашу. Может, он действительно только мазила и шарлатан?

— Пошел ты! — не сдержался галантный Пирогов.— Чтобы твоя безмозглая башка уразумела, что к чему, я согласен. Но только продавать не будем, просто прицениммся. И я сам поприсутствую при этой оценке.

— Я и не собирался торговать,— обиделся Прибаукин.— Просто мне до смерти наскучили ваши теоретические споры. Общество учит нас слова подкреплять делом.

— Ой, ребятки,— будто проснулся Алеша.— Я вам знаете, что еще дам? Колечко. Возьмете? — Толстый, неповоротливый, он неправдоподобно резво вскочил с кресла, выбежал из комнаты и вернулся с крупным перстнем старинной работы. На светло-бежевом камне все увидели нежный женский профиль, искусно высеченный из белого мрамора.

— Камея,— пояснил Алексей.— Моя мать теряет рассудок, когда напяливает такие штуковины. Увидите, большинству наплевать на ваших академистов и модернистов, им подавай вещички, изделия.

— А что? — обрадовался Прибаукин.— Интересная мысль! — Он включил магнитофон. Ритмичная музыка заполнила пространство снова возвращая всех в состояние веселой беззаботности.

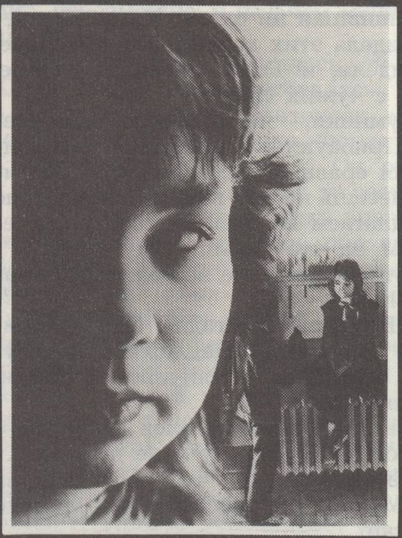
— Дружбаны! — широко раскинув длинные руки и пытаясь перекричать музыку, заорал Прибаукин.— Я научу вас еще одной чудненькой детской игре. Называется «Саранча». Запомните, «Саран-ча!» Приходишь к другу в гости и всей компанией наваливаешься на холодильник. При возросших возмо́жностях трудящихся масс, я думаю, эта весьма гостеприимная семья не пострадает, если мы удовлетворим свои скромные потребности. Есть хочется, а?

— Ну да... Ну, конечно же,— спохватился нескладный Алешка.— Мама сама предложила, чтобы я вас накормил... Там все оставлено, но вы же танцевали... и потом это... спорили...

— Вот видите,— внушительно произнес Прибаукин.— Я всегда прав. А почему? А потому, что я ближе вас к простому народу...

Никто не стал Прибаукину возражать. После споров и танцевальной встряски всем и вправду хотелось есть, и девочки быстро накрыли на стол. Вечеринка покатилась дальше с новой силой и радостью.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Читатель, ты умеешь возвращаться? Туда, где уже был, к тем, кого оставил в злую или равнодушную минуту? К пролистанной книге? Прочитанной статье?

Возвратиться — значит пережить яркие ощущения жизни по-новому.

Попробуй перечитай статью «Мы приближаемся к любви». Она была опубликована в нашем журнале в №№ 5 и 6 в прошлом 1988 году.

Что-то в тебе изменилось с тех пор?

Ты — другой? Другая? Наверное, да.

И все же — возвратись.

* * *

И все же остается ТАЙНА —
ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?
КАК ОНА ПРИХОДИТ?
КАК ОНА УХОДИТ?

Тайна эта — вечная: вы, став взрослыми, тоже не сможете ее открыть. Не сможете ответить на сегодняшние, всегдашние вопросы.

Но я знаю твердо: вы будете влюбляться. Будете лететь на свидания. Дарить цветы. Писать письма. Не отвечать на письма тех, кто вам безразличен. Бросать телефонные трубки. Плакать до пустоты в сердце и душе и не замечать слез другой, другого — нелюбимой, нелюбимого.

Во имя своей любви захотите посадить сад. Улететь на звезду Альтаир. Построить дом из душистых, золотых, сосновых бревен. Создать стихи, в которых будет жить все сразу: и туман, и солнце, и дождь, и гордый, таинственный цветок ирис...

Вы начнете читать стихи Великих Поэтов. Медленно, как в море, войдете в Поэзию. Тысячи ощущений и чувств охватят вас — трепет, страх, тоска, печаль, радость, боль, ревность, нежность...

И вы никогда не перестанете искать, искать ответа на вопрос: ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

Мне по душе сравнение Анны Ахматовой, которая сказала, что любовь — это ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА.

Что к этому прибавить?

Только жизнь.

И. АНДРИАНОВА,
автор статьи «Мы приближаемся к любви».

ЗДРАВСТВУЙТЕ. Я прочитала вашу заметку в №№ 5 и 6 за этот год «Мы приближаемся к любви». Я решила написать вам об одной истории, которая случилась со мной.

...Его я первый раз увидела на сборе отрядов 5-х и 6-х классов. И не обратила внимания, но потом стала встречать в школе.

...Когда я каталась на велосипеде, встретила Его. Он был без велосипеда, но взял у друга и поехал за мной.

...Два раза просил меня остановиться, но я не остановилась. Он спросил, есть ли у меня собака, я ответила, что есть, и тогда Он сказал странную фразу: «Черт, все сходится». Я набрала скорость и уехала.

...Вечер. Было около десяти. Он пошел домой с мячом, я проезжала мимо. Он меня окликнул: «Беленькая!» (Он не знает моего имени.) А я снова уехала.

...Я не вижу Его около недели. Наверное, Он уехал. Мы не увидим друг друга ЦЕЛОЕ ЛЕТО. Я во всем виновата.

Юля, г. Кировоград.

* * *

Давид САМОЙЛОВ

Был ли счастлив я в любви,
В самой детской, самой
ранней,
Когда в мир меня влекли
Птицы первых упований?

Ах! в каком волшебном
трансе
Я в ту пору пребывал,
Когда на киносеансе
Локоть к локтю прижимал!

Навсегда обречены
Наши первые любови,
Безнадежны и нежны
И нелепы в каждом слове.

Посреди кинороману
И сюжету вопреки
Она ручку отнимала
Из горячечной руки.

А потом ненужный свет
Зажигался в кинозале.
А потом куда-то в снег
Мы друг друга провожали.

Видел я румянец под
Локоном из теплой
меди —
Наливающийся плод
С древа будущих
трагедий...

* * *

Ув. редакция. Я — человек открытый. И открыто спрашиваю: ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ? ЧТО НУЖНО, ЧТОБЫ ОНА ПОЯВИЛАСЬ?

Д. Н., г. Москва.

В начале четвертого класса я подружился с Катей. Ну, я ходил к ней домой. Ну, и что с того?! Ребята из нашего класса смеются: «Влюбился!» Ну, и что с того, что влюбился? Каждый имеет право влюбляться. Это мое дело!

Сережа, г. Ужгород.

Говорят, что я симпатичная, но стоит посмотреть в зеркало, сразу поймешь, что это не так. И говорят это чаще всего родители.

В книге «Джен Эйр» Джен тоже некрасивая, а нашла свое счастье. Только вряд ли я встречу мистера Рочестера.

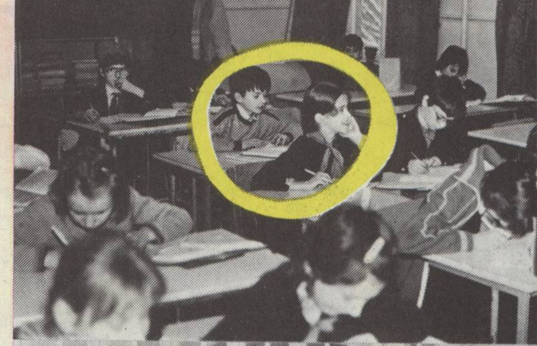
Наташа, г. Брянск.

* * *

Марина ЦВЕТАЕВА

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам,—
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растраченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы,—
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

* * *

Мы прочитали статью «Мы приближаемся к любви». Как можно так писать про любовь?! Вы думаете, если 6-й, 7-й классы, то — дети, ничего не понимающие, ничего не знающие? Ошибаетесь!

Вы пишете: «...Любят не так... Носят портфель, дают сдувать контрольную, Восьмого марта дарят конфету, ручку, дохлого таракана. Ха-ха!»

Во-первых, любовь — не шутка и не «ха-ха»! Во-вторых, сейчас только один из ста мальчишек может дарить девочке цветы, носить портфель и т. д. И как можно писать про дохлого таракана!!! С любовью не шутят!!! Вот!!!

Таня, г. Ташкент.

* * *

Иван БУНИН

Мы встретились случайно, на углу.
Я быстро шел — и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полумглу
Сквозь черные лучистые ресницы.

На ней был креп,— прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвеял на мгновенье,
Но на лице и в ярком блеске глаз
Я уловил былое оживленье.

И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила — и забыла.

* * *

Я дружу с мальчиком, он мне нравится. Но тут и другой предложил мне дружбу. Я отказалась. Но он не успокоился. Стал приставать ко мне в школе, стал ходить по пятам. Узнал, где я живу. Теперь приходит ко мне домой. Родители меня ругают. Девочки его уговаривали, чтобы он от меня отвязался. Я с ним и по-хорошему разговаривала, и кричала, и плакала. Ничего не помогает. Он ходит и ходит. Ходит и ходит...

Ирина, г. Павлодар.

Конечно, это глупость, но я хочу у вас спросить: можно ли по-настоящему любить человека, который жил 400 (!) лет назад и о котором ты узнала из книги? Я влюбилась именно так.

Марина, г. Калуга.

* * *

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи,—
На головах царей божественная пена,—
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

* * *

Господи, опять о любви... Зачем, зачем эти правильные слова? Что за глупость? Какая любовь в наше время? Парни — тряпки, девчонки — хамки. Идеалы, идеалы, идеалы... Где??? У кого идеалы? Зачем?

Мы напичканы историями о любви неземной, возвышенной, когда чувство было действительно чувством. Согласитесь, что мы смотрим на вас, взрослых, и во многом берем пример с вас. Зачем мне искать какой-то идеал, когда я вижу своих родителей, которые давным-давно не любят друг друга. Они привыкли, привыкли ко всему, погрязли в мещанстве, в мелких, ничего не значащих ссорах.

Сейчас мне совсем неинтересна любовь — будет ли она в моей жизни или нет? Мне все равно. Я, наверное, повторю своих родителей.

Юля, г. Миасс.

* * *

Юнна МОРИЦ

Та ведь боль еще и болью не была,
Так... сквозь сердце пролетевшая стрела,
Та стрела еще стрелою не была,
Так... тупая, бесталанная игла,
Та игла еще иглою не была,
Так... мифический дежурный клюв орла.
Жаль, что я от этой боли умерла.
Ведь потом, когда воскресла, путь нашла,—
Белый ветер мне шепнул из-за угла,
Снег, морозом раскаленный добела,
Волны сизого оконного стекла,
Корни темного дубового стола,—
Стали бить они во все колокола:
«Та ведь боль еще и болью не была,
Так... любовь ножом по горлу провела».

* * *

Я учусь в шестом классе. У меня, как и у любого подростка, много проблем, которые я стараюсь решить сам. Но есть одна проблема, которую решить мне самому не под силу.

Мы живем в стремительное время, вокруг — сплошные акселераты, общаемся просто и раскованно. Но почему-то в свои 12—13 лет чувствуешь себя одиноким. У меня было много товарищей, которые не стали моими друзьями. Подскажите, как найти настоящего друга? Как познакомиться с девочкой, которая мне нравится, чтобы она не приняла меня за идиота?

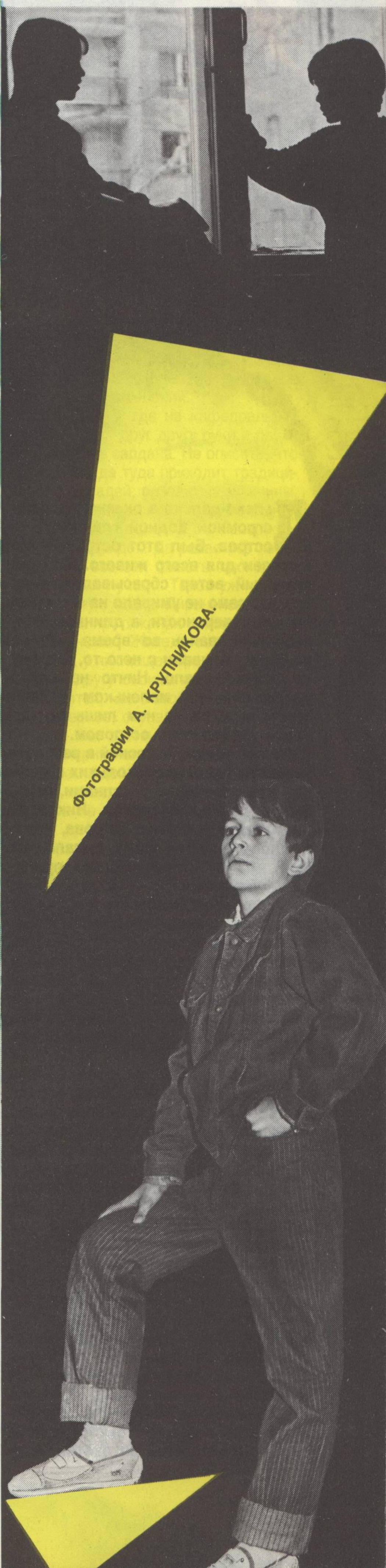
И., г. Киев.

* * *

Александр ПУШКИН

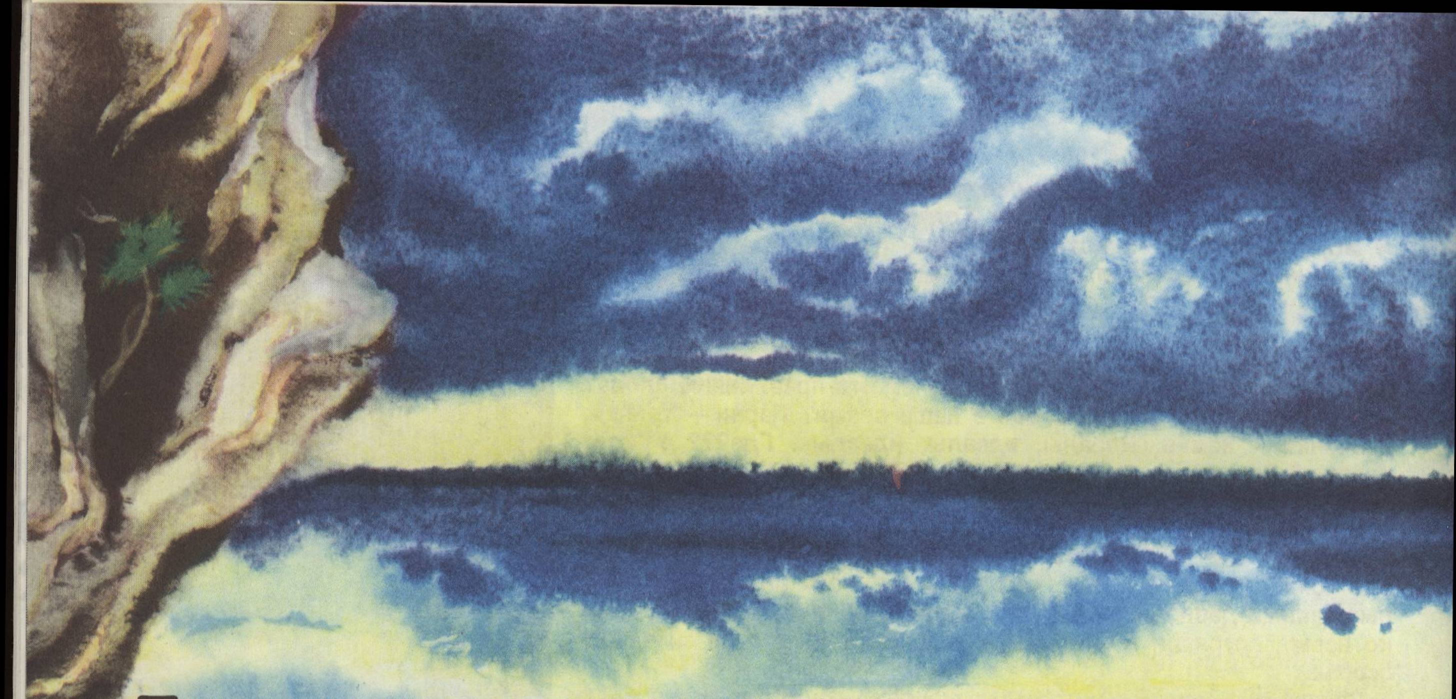
Я вас любил: любовь еще, быть может,
В моей душе угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Фотографии А. КРУПНИКОВА.

Фотопейзажи П. МОКРОУСОВА.

М. ФЫРНИН

СОСЕНКА

Далеко-далеко в океане, посреди огромной водной глади лежал остров. Был этот остров суров и грозен для всего живого. Могучий северный ветер сбрасывал в воду все, что само не умирало на его каменистой поверхности, а длинные волны, накатываясь во время шторма на берег, смывали с него то, что ему не принадлежало. Ничто не могло удержаться на маленьком клочке земли, и жили на нем лишь те, кто появился вместе с островом.

Но вот однажды весной в расселине между скал, из нескольких комочков ила, нанесенного волнами, показался маленький росток. Никто из постоянных жителей острова, а их, к слову говоря, было немало, не знал, что это такое. Но все принялись обсуждать.

Говорливые Скалы закричали, что это просто щепка, занесенная волнами, которую скоро смоет. Каменистое Плоскогорье уверяло, что это комочек грязи, который быстро высушит и развеет ветер. А Берег вообще счел все разговоры выдумкой, потому что не мог видеть того, что было в расселине.

Но дул ветер, бушевали волны, а росток по-прежнему жил между скал, и его не только не уносило в океан, но с каждым месяцем он поднимался все выше к небу, и все труднее было ветру наклонять его.

Долго спорили жители острова, но так и не смогли определить, кто же среди них поселился. Они никогда не видели никакого растения, потому что родились на острове, нигде больше не бывали, а тем, что происходит на белом свете, интересовались мало. Только один Утес не принимал участия в шумном и бестолковом споре. Он был очень старым — старее его был только сам Океан — и потому самым мудрым. Он мало видел, живя на острове, но смелые путешественницы — быстроходные волны, с которыми он охотно вступал в разговор, рассказывали ему о далеких землях, теплых и холодных странах, обо всем, что они знали и слышали. Он вспомнил, что это — а Это уже поднялось между скал на высоту невысокой волны, потому как с начала спора на острове прошло много лет — что Это похоже на дерево, но на какое, не знал, а может, и знал, да забыл. Вскоре во время шторма одна из Волн ударилась о подножие скал и взлетела почти до самых вершин. С большой высоты она увидела деревце, о котором говорил ей Утес, и узнала его. «Сосенка!» — крикнула она, падая в океан. «Со-се-нка!» — подхватило ее слова Долгое Эхо и разнесло по всему острову.

Никто не помнил, чтобы на острове когда-нибудь что-то росло, и поэтому все жители привязались к Сосенке. Она отвечала тем же. Много лет жила Сосенка на острове, и все любили ее за доброе сердце. И хотя Сосенка уже давно выросла и превратилась в высокую и крепкую сосну, жители продолжали называть ее Сосенкой и считать младшей сестрицей.

За долгие годы Сосенка успела многое узнать от Утеса, который рассказывал ей обо всем, что знал сам. Так же поступали и остальные жители. Из того, что она узнала, самым загадочным для нее были, конечно, люди, которые, как она слышала, изредка проплывали мимо острова. Старый Утес сказал ей, что она могла родиться в другой земле, среди них, и жить там, где нет волн, со своими братьями и сестрами, потому что много таких, как она, живет вместе с людьми. И Сосенка стала думать о другой жизни, занявшей теперь в ее мечтах хоть и далекое, но лучшее место. Часто подолгу она смотрела вдаль, желая увидеть то, что на языке ее учителей обозначалось словом «корабль».

Холодная осень принесла много бурь и ветра. Ветер несколько недель подряд осаждал остров, обрушивая на него тяжелые свирепые волны. И вот во время одной атаки Ветра Сосенка заметила корабль — он шел прямо на остров. Скоро к острову причалила шлюпка, корабль же затонул. Сосенка радовалась тому, что впервые видела людей, слышала их разговоры. Она заметила, как тяжело потерпевшим кораблекрушение, и скоро поняла: если люди не разведут огня, то погибнут от холода. И ей стало жалко людей, среди которых она мечтала жить и которых в своих мечтах успела полюбить.

Жители острова видели, как тяжело попавшим в беду, но никто из них, кроме Сосенки, не мог помочь людям. И когда Сосенка во время порывов Ветра стала клониться, чтобы упасть на берег, они старались не думать, как будут жить без нее.

...Сильный Ветер мешал разжигать костер, Бушующий Океан гасил водяными брызгами огонь, стараясь наказать людей, осмелившихся плавать в свободной стихии. Но костер все же запылал, и люди, усевшись вокруг него, принялись греться.

Наконец, Ветер стих, улеглись волны. Через несколько томительных дней к острову подошел корабль и снял с него потерпевших кораблекрушение.

С тех пор замолкли Скалы, затихло Каменистое Плоскогорье, примолкли другие жители острова. А Старый Утес, застыв неподвижно от старости или от одиночества, устремил навсегда свой взгляд к горизонту — туда, где смыкались вода и небо, туда, где рождалась неизвестная и непостижимая жизнь.

ТАМ, ЗА ПИРЕНЕЯМИ...

«Фашисты могут пройти по стране, проламывая себе дорогу лавиной металла, ввезенного из других стран. Они могут продвигаться с помощью изменников и трусов. Они могут разрушить города и селения, пытаясь держать народ в рабстве. Но ни один народ нельзя удержать в рабстве.

Испанский народ встанет против них, как он всегда вставал против тиранов».

Это написано полвека назад, в феврале 1939 года, когда Испанская республика доживала последние дни. Написано великим американцем Эрнестом Хемингуэем, который хорошо знал Испанию и, по его собственному признанию, любил ее «после родины... больше всех стран на свете...».

Свыше двух с половиной лет испанский народ мужественно противостоял натиску мятежных генералов. Но силы были неравными. Прямое вмешательство в национально-революционную войну испанского народа германских и итальянских фашистов ускорило развязку: республика пала.

Почти четыре десятилетия правили в Испании фашисты. Но им не удалось удержать испанский народ в рабстве. После смерти диктатора Франко в 1975 году в стране стремительно стали происходить демократические перемены. Были восстановлены дипломатические отношения с СССР. Вскоре после этого и приехал в Мадрид журналист Игорь Кудрин, который стал первым корреспондентом советского телевидения в Испании. За шесть лет объездил страну вдоль и поперек.

И вот он на нашем экране, Игорь Александрович КУДРИН — политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио. В «эфире» специальный выпуск телепанорамы для читателей «Пионера».

Я бережно храню подробную, затертую на сгибах карту Испании, где указаны все ее населенные пункты, вплоть до самых небольших, где обозначены все ее дороги, даже проселочные. Стоит развернуть ее, и вновь перед глазами далекая южная страна с ее нестерпимым зноем и шумом оливковых рощ, красотой современных городов и неповторимостью средневековых селений.

Вспоминаю нарядную Барселону, где на кафедральной площади незнакомые люди подают друг другу руки и дружно заходятся в каталонском танце сардана. Не описать, что творится по весне в Севилье, когда туда приходит традиционная ярмарка: кавалькады лошадей; разодетые мужчины, женщины, дети, и все поют, пляшут, смеются. А праздник винограда в Риохе, карнавалы в Кадисе и на Тенерифе, майское народное гулянье в Мадриде... Да разве все перечислишь? И насколько помню, все эти фиесты проходили под ослепительными солнечными лучами. Таков уж климат этой страны, занявшей солидную часть Пиренейского полуострова. Не это ли солнце на протяжении веков сделало испанцев мягкими, дружелюбными? Жители теплого края, они приветливее нас, северян, у них чаще хорошее настроение, они не надоедают друг другу своими проблемами.

Порой даже как-то не верится, что с этой земли началась инквизиция, одетая в черное, скупая на слова, лицемерная и жестокая. Отсюда же, с этих берегов, спешили к уже открытой Колумбом Америке алчные и беспощадные конкистадоры, уничтожавшие людей и бесценные памятники цивилизаций. И все же не великий инквизитор Томас Торквемада и его подручные, не основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола, не головорезы-завоеватели типа Франсиско Писарро и его братьев во все века определяли лицо Испании. Чаще всего с Пиреней шли красота и радость, озорство и отвага, решимость и глубокая мысль. Мир дивился бесстрашию и упорству Христофора Колумба, вчитывался в мудрые строки Мигеля Сервантеса, поражался волшебным краскам Веласкеса, наслаждался неподражаемыми народными песнями и плясками Испании под звон гитар и шум кастаньет, пересказывал в сотнях вариантов легенды о страстном Дон Жуане. Испанией грезил Александр Сергеевич Пушкин: «Благословенный край, пленительный предел!» И полтора века спустя лучше не скажешь об этой волшебной земле.

У нас порой неверно представляют Испанию как страну сельскохозяйственную, поставляющую миру лишь апельсины, маслины, вино и оливковое масло. Но это государство производит также современные суда и автомобили, сложнейшие электронные машины. На передовые позиции выходит химическая, цементная, обувная промышленность. Так что со времен Дон Кихота Испания сильно изменилась.

— Кстати, вот Вам и первый вопрос. Правда, несколько забавный. Саша Гутник, Алма-Ата: «Действительно ли в Испании можно встретить потомков Дон Кихота и Санчо Пансы? Ведь это литературные герои?»

— Вопрос любопытный, но не такой уж забавный. В этом мне не раз пришлось убедиться, путешествуя по Ла-Манче

Дорогами Дон Кихота.

Когда Сервантес принимался за свой знаменитый роман, он уже немало побродил по белу свету, многое повидал, пережил, испытал. К тому времени он сполна познал и род-

Фотографии Л. ПРИДОРОГИНА и В. СКРЫЛЕВА.

ную Испанию: видел две старые и новую столицы — Вальядолид, Толедо и Мадрид, вдыхал свежесть арагонских лесов, вслушивался в гул портовых городов, глотал красную пыль на андалусийских дорогах. Так почему же всетаки однажды вечером (почему-то кажется, что случилось это таинство непременно под вечер) он, обмакнув гусиное перо в оловянную чернильницу, вывел именно эту, ставшую классической фразу: «В некоем селении Ла-Манчи, имени которого мне не хочется упоминать, жил один идальго...»?

Говорят, здесь жила его первая любовь донья Ана Мартинес Сарко де Моралес. Отсюда же родом и жена писателя Каталина Паласиос, дядю которой звали Алонсо Кихада (улавливаете созвучие — Кихада и Кихот?). А может быть, Сервантес считал, что характер жителей этого края лучше всего отвечает представлению об испанцах? Пусть ломают себе головы историки, литературоведы, писатели! Только для местных жителей здесь не кроется никакой тайны, никакой загадки. Каждый из них знает правду, которую Сервантес просто скрыл для того, чтобы никого не обидеть.

— Вы верите, что Кихот — лицо подлинное, что он и в самом деле жил на вашей земле? — не раз я спрашивал крестьян в разных деревнях Ла-Манчи. И неизменно слышал в ответ:

— Конечно, сеньор! Как вы могли сомневаться?

А в некоторых селах добавляли:

— У нас до сих пор живут родственники и дона Кихады и Санчо Пансы.

На память приходит встреча в Пуэрто-Лаписе, откуда, как считают некоторые ученые, начинался в романе первый выезд благородного рыцаря. В придорожном ресторане есть дворик — патио. Это своеобразный музейчик под открытым небом: старинный колодец, телега, предметы домашнего обихода прошлого. Опасаясь, как бы я не уехал, ограничившись лишь осмотром и ничего не отведав, ко мне подходит пожилой официант:

— Да-да, сеньор, именно здесь усталые путники провели ночь перед посвящением Дон Кихота в рыцари. Наш постоялый двор всегда славился хорошей кухней.

Напрасно я ссылался на такого верного свидетеля, как Сервантес. А он писал, что здесь идальго дали кусок соленой трески и черный заплесневевший хлеб.

— Вы читали плохой перевод романа,— сразу нашелся официант. Деваться было некуда, но, честно говоря, кормили здесь несравненно лучше, чем в те далекие времена. Поднося мясо и сыр, официант приговаривал:

— Вот видите, а вы не хотели мне верить... Да вам любой мальчишка скажет, что здесь Дон Кихот...

О том, что ты находишься в Ла-Манче, а не где-нибудь еще, постоянно напоминают монументы писателю и его героям, улицы и площади, носящие их имена. Даже дорожные указатели здесь изготовлены в форме копья Рыцаря Печального Образа. А названия населенных пунктов, нанесенные на местные карты! Они словно сошли со страниц романа — Кинтанар, Антекера, Монтесинос, Алькобендас, Альмодовар... Здесь каждый эпизод книги растолкует на свой лад мэр, учитель, врач, крестьянин, пастух, но в каждом рассказе будет фигурировать их родное селение.

— Да, это у нас, в Кампо-де-Криптане, шло сражение с мельницами. А мальчишку Андреса пороли возле Кинтанара. Случай со львом произошел в Бельмонте... Нет-нет, каторжников, помилуй бог, добрый сеньор отпустил далеко от наших мест...

Стоит ли после этого удивляться, что версию о том, будто идея романа, его первые главы родились у Сервантеса в севильской тюрьме, Ла-Манча начисто отвергает. Причем приводит свой «веский» аргумент — городок Аргамасилья-де-Альба.

Впервые я попал в него под вечер. Солнечный шар был раскален до предела, просто не верилось, что дело идет к закату. Поднимая густую пыль, путаясь под колесами

машин, по улицам брели отары овец. С трудом добрался я в этой толчее до узенькой улочки Сервантеса, где и нашел дом Медрано. Согласно легенде, именно в подвал этого строения по несправедливому обвинению в растрате казенных денег был брошен кристально честный, всю жизнь не имевший за душой лишнего реала Сервантес.

...На каменном холодном полу валяется соломенный тюфяк. Рядом низкий столик с чернильницей и полбутылки с темной жидкостью — вроде бы недопитое вино. Осколки другой бутылки разбросаны в углу. Должно создаваться впечатление, что в отчаянии и в порыве творчества узник швырнул ее о камень. Дальше этого фантазия провинциальных устроителей музея не пошла. Подделка под время, под стиль, даже под правду очевидна. И все равно становится трогательно и грустно в этом подвале. Скорее всего, писатель никогда не переступал порога этой мрачной одиночки. Но ведь я-то нахожусь в Ла-Манче и на себе чувствую ее магнетическую силу, ее неистребимую любовь к писателю, веру в реальность его героев. Здесь можно засомневаться в самых непреложных истинах...

— Звонок из Нижнего Тагила. Там два приятеля заспорили о корриде: один считает, что бои быков устраивались в прошлом, а другой уверен, что они существуют и сейчас. Просят рассудить. Так что мы ответим ребятам?

— Что и сегодня коррида в Испании пользуется огромной популярностью.

«Фиеста Насьональ»

«Национальный праздник» — так официально именуют это ритуальное зрелище. Есть даже наука о бое быков. Называется тавромахией. Ее история составила многотомную энциклопедию. Корриде посвящен специальный музей в Мадриде. По числу зрителей бой быков уступает только футболу. Корриду показывают по телевидению. О ней ведут репортажи по радио. Отчеты о поединках занимают солидное место в специальных разделах газет и журналов. Имена лучших матадоров — главных бойцов, наносящих смертельный удар быку, окружены легендами и славой. Их почитают чуть ли не национальными героями. В их честь сооружают монументы, правда, как правило, после трагической гибели.

По весне на открытие сезона во всех провинциях страны устремляются сотни тысяч испанцев. Мужчины, женщины, старики, молодежь — детям до четырнадцати лет вход на арену запрещен.

С давних времен арена для боя быков есть почти в каждом населенном пункте — в крупном городе и небольшом селе. А если ее вдруг не оказалось, к услугам населения передвижной, легко собираемый вариант ограждений и трибун, что-то вроде цирка шапито, только без крыши. Кастильцы, валенсийцы, каталонцы, арагонцы, баски, андалусийцы сколько угодно могут препираться по поводу своего вклада в историю и культуру Испании, но относительно национальной фиесты — полное единодушие. Это настоящее, всегда желанное празднество.

Знатоки утверждают, что подлинным праздником коррида становится только в том случае, если к нему по-настоящему подготовлены все три ее главных участника. Смелый и элегантный матадор, сильный и злой бык, темпераментная, хорошо разбирающаяся в тонкостях боя публика. Те два часа, что длится зрелище, равнодушных на трибунах не бывает. Его истинные поклонники — это всегда сплошной комок нервов. В одну минуту матадор и его «куадрилья» — команда — могут быть вознесены на пьедестал почета («Оле!») или жестоко, порой незаслуженно грубо и обидно оскорблены («Фуэра!» — «Долой!»). В центре внимания не-

Фотографии Л. ПРИДОРОГИНА и В. СКРЫЛЕВА.

изменно фигура матадора. За вечер он вступает в поединок, как правило, с двумя быками, вес которых превышает полтонны. За свои рискованные и грациозные движения, за храбрость, чистоту исполнения пируэтов и вероник он может быть удостоен самых почетных наград: сделать круг почета, получить уши и хвост убитого им животного. На него с трибун обрушиваются цветы, платки, всевозможные дары, бурдюки с вином. Но случись вдруг мгновенная неловкость, прояви он секундную слабость или растерянность — и провал неизбежен. И вот уже градом летят в него метко пущенные публикой кожаные подушечки, которые подстилаются на холодный камень трибун. В лицо и спину оступившемуся, сделавшему промах кричат невероятные оскорбления. Но самое страшное другое: полетит за матадором из города в город дурная слава, будут долго еще издеваться над ним в разговорах на улице, за стойками баров, в прессе. Для гордого современного Эскамилио такой позор порой опаснее, чем удар бычьего рога. К тому же и с финансовой точки зрения сезон, считай, пропал.

Признаться, мне коррида не по душе. Я бывал на арене для боя быков раз десять. Сначала просто ради любопытства: ведь потом не оправдаться — жил в Испании и не видел корриды. Несколько раз посещал поединки, что называется, по долгу службы: снимал репортажи для программ «Время» и «Международная панорама», для специальных передач об Испании и Мадриде. В репортажах для нашего телезрителя показывалась только одна сторона зрелища — красочная обстановка представления, мужество и грация человека, играющего с могучим быком, которого еще не задело острие железа. Все остальное — безжалостное копье пикадора, болезненные крючковатые пики в руках бандерильеро, хлещущая потоками кровь из горла и боков животного, самый последний удар матадора, которым добивается уже лежащий, не сопротивляющийся бык — все это, естественно, оставалось за кадром. Вообще, да простят меня испанцы, этот древний вид развлечения кажется мне каким-то отжившим, жестоким, тягостным, мучительным. Видно, не для нашего характера, не для наших чувств, не для нашего сердца испанская коррида.

— «Ну, а как к нам относятся испанцы?» Лена Шмелева, Архангельская область.

— Об этом спрашивают, наверное, каждого, кто возвращается из-за границы. Скажу честно: по-разному относятся к нам испанцы. С любовью и недоверием, с дружелюбием и раздражением, с удивлением и любопытством. Всякое встречал я за шесть лет. А все же преобладали симпатия, уважение, искренний интерес к Советской стране.

Однажды, беседуя с ветеранами компартии, я узнал, что на востоке страны есть городок, который издавна все окрестные жители именуют не иначе, как

«Маленькая Москва».

...Миновав царственно красивую Валенсию, проехав мимо бесчисленных апельсиновых рощ, рисовых плантаций, небольших деревушек, мы оказались в Риоле. Городок как городок. Тихие улочки. Тесно жмутся друг к другу низкие домики. На главной площади под солнечным пеклом неизменные старики в черных беретах. Появление иностранцев, да еще с кинокамерой, вызвало у них явную настороженность. Подошли к группе, поздоровались, представились, и разом все изменилось вокруг. Ожила площадь, появились женщины и дети. Из дома в дом понеслась весть: «Русские приехали!» К нам выходили, чтобы пожать руки, просто перебросится двумя словами. Пожилые люди смахивали слезы. Потом мы попали в объятия Альфредо Чофре и его милой жены Пепиты. Альфредо — коммунист. Свой партийный стаж он проходил на фронтах гражданской войны, в подполье, во франкистских застенках. В Риоле ему удалось создать крепкую коммунистическую ячейку, которая имела большое влияние на жителей. Отсюда и прослыла Риола «маленькой Москвой». Во времена демократии односельчане избрали Альфредо своим алькальдом. Иного кандидата они просто не представляли. И не потому, что он коммунист. А прежде всего потому, что вся Риола знала Альфредо как человека честного, отважного, правдивого: такой до конца будет стоять за общие интересы.

В один из дней сразу же после дневного, послеобеденного отдыха можно было наблюдать, как по улочкам шествует альгвасил (местный стражник) и нараспев, на манер глашатая извещает обитателей Риолы: «Если кто захочет сегодня встретиться с русскими товарищами, пусть приходит в семь часов вечера в народный дом. Вас приглашает достопочтенный алькальд камарада Альфредо Чофре!»

Народу набилась уйма. Батраки, едва вернувшиеся с работы и успевшие лишь умыться и надеть чистую рубаху, крестьянские жены с малышами на руках, старики в первом ряду, ребятишки на полу перед крохотной сценой.

— Ну, давайте спрашивайте,— запросто обратился Альфредо к односельчанам.— Советские товарищи не обидятся, если вы зададите наивные, даже чем-то неприятные для них вопросы. Они простят наше незнание. Они понимают, в каких условиях жили мы сорок лет...

Тут же проворный мальчуган решительно поднял руку: «А правда, что в Москве все машины обязательно надо красить в красный цвет?» И прорвало крестьян. Они искренне любили нашу страну, но знали о ней до обидного мало. То, что они слышали от коммунистов, перечеркивалось официальной пропагандой. И вот теперь возникали такие вопросы:

— Если крестьянин не выполнит в кооперативе дневную норму, его действительно вместе с семьей оставляют без еды?

— Чтобы посетить церковь, всякий ли раз нужно брать разрешение у партийного начальства?

— Может ли крестьянский сын поступить в университет?

— Насколько зарплата беспартийного колхозника меньше, чем у члена партии?

Наши ответы их радовали, утешали, удивляли, озадачивали.

...Мы выходили из народного дома под мерцание ярких звезд. Во дворике, примыкающем к домику Альфредо, был устроен прощальный ужин. На стол принесли невиданных размеров сковороду со знаменитой валенсийской паэльей — блюдом из сдобренного шафраном риса, кур и креветок. Были обычные шумные разговоры, воспоминания, шутки, потом кто-то спел несколько старинных песен. Расставались за полночь. Пахло приторными южными цветами. С реки Хукар тянуло легкой прохладой. На прощание Альфредо сказал: «До встречи в Москве!», и все засмеялись в темноте, потому что каждый подумал сразу о Москве большой и Москве маленькой.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЁД

2/89

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

ЗНАКОМЬТЕСЬ «СИНИЙ КРАБ-ЗЮЙД»

Этот выпуск газеты «Вперед» подготовлен юнкорами разновозрастной пионерской дружины «Синий краб-зюйд» из города Симферополя. «Синему крабу» — семь лет. Сначала он был разновозрастным пионерским отрядом вне школы, а недавно получил статус дружины.

Дело и страсть «крабят» — яхты, барабаны, фехтовальные турниры и стенгазеты. Они сами строят парусные лодки и ходят на них по озеру, они коллекционируют старинные марши для барабанов и ведут занятия в городской школе барабанщиков, фехтуют, выпускают стенные газеты и с радостью выполняют юнкоровские задания нашего журнала.

Отряд в «Синем крабе» делится не на звенья, а на экипажи. Поэтому не удивляйтесь, увидев рядом с именами авторов заметок звания штурмана, шкипера или гардемарина.

Есть еще одна особенность у «Синего краба»: сколько мы его знаем, он все время за что-то борется. То за право существовать, то за право называться дружиной, то за право жить не так, как живут школьные отряды, то за право быть услышанным... Поэтому и тон его газет — всегда наступательный. Но нас не пугает «неудобный» характер «крабят», ведь и у нашей газеты девиз: «Бороться... искать... не сдаваться!»

«Пионер»

ЧТО СТЕНГАЗЕТА МОЖЕТ

С кем из знакомых ребят ни заведешь разговор об отрядной или дружинной стенгазете, все сразу скучнеют: «Ну, что эта газета может...» А я вам расскажу про газету, которая выходила в прошлом году на сборе пионерского актива нашего города. Писали мы в нее про все, что нас волновало: и про прямые выборы в городской пионерский совет, и про то, что за профильными дружинами будущее... Критиковали мы взрослых, которые с трибуны ругают формализм и бюрократизм, а сами от этого формализма ни за что не отказываются. Посмотрите на разговоры о перестройке в школе — слова и лозунги другие, а слушать скучно, как и два года назад.

Естественно, что многих старших товарищей наша газета раздражала. Председатель городского совета пионерской организации Ольга Радченко прочла критику в свой адрес и возмутилась: «Как посмели?!»

Но когда мы видели, что собираются толпы читателей около утренних и вечерних выпусков, мы понимали, что вот такая, СВОЯ, открытая газета очень нужна ребятам.

Лариса Мервинская,
флаг-капитан, участник
IX Всесоюзного слета пионеров.

ИНФОРМАЦИЯ К ДЕЙСТВИЮ

ОДИН СБОР — А КАКОЙ ОПЫТ!

На Всесоюзном сборе активистов перестройки я жил в дружине «Озерной». И очень меня поразили выборы в совет дружины. Каждый продумал свою программу, как, на его взгляд, должна дружина работать. А еще мы договорились: не дадим взрослым все решить за нас.

Начали с того, что не дали ограничить сбор по времени, а то это очень удобно — регламентом зажимать ребятам рот.

Попросили кандидатов в совет дружины рассказать, как они собираются работать, чтобы все ребята могли судить — способен или нет этот человек повести за собой...

Были, кстати, и возгласы: давайте побыстрей, давайте попроще... Была перепалка между теми ребятами и вожатыми, кто НЕ ПОНИМАЛ, для чего спорить и горячиться, и теми, кто ПОНИМАЛ, почему так важно, кто будет во главе дружины.

И все-таки сбор прошел хорошо, появились новые идеи, и в совет были выбраны те, у кого живые мысли. Значит, с застоем бороться можно!

Сережа Шевченко,
инструктор, делегат
Всесоюзного сбора
активистов перестройки.

ЧЕМ МЫ БУДЕМ ВЛАДЕТЬ?

Есть в Крыму такое место — полуостров Казантип, где расположены пионерские лагеря, пансионаты, где бьют из-под земли целебные минеральные источники. Есть в Казантипе и заповедник. На въезде в него установлена табличка: «ЗАПОВЕДНИК! КАЗАНТИП. ВХОД, ВЪЕЗД НА МАШИНАХ, С ПАЛАТКАМИ ЗАПРЕЩЕН!» Турист туда не пройдет, зато спокойно заезжают трактора, грейдеры, экскаваторы. Потому что на территории заповедника решено начать строительство АЭС.

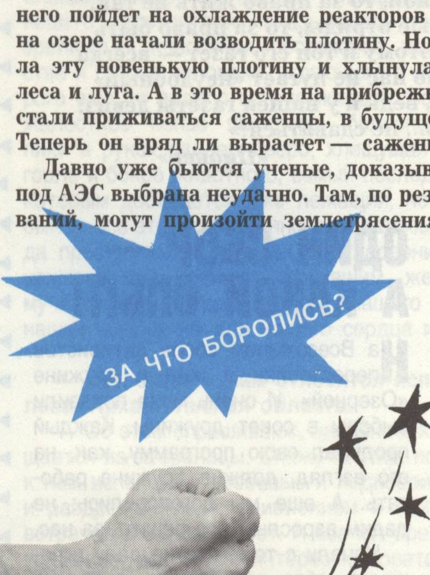
Рядом с площадкой АЭС — Акташское озеро, вода из него пойдет на охлаждение реакторов атомной. Поэтому на озере начали возводить плотину. Но вода уже прорвала эту новенькую плотину и хлынула на прилегающие леса и луга. А в это время на прибрежных песках только стали приживаться саженцы, в будущем — тисовый лес. Теперь он вряд ли вырастет — саженцы затоплены.

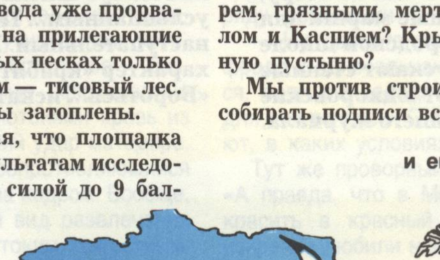
Давно уже бьются ученые, доказывая, что площадка под АЭС выбрана неудачно. Там, по результатам исследований, могут произойти землетрясения силой до 9 баллов, а проект рассчитан на 6 баллов. Но строительство продолжается...

Взрослые люди, с которыми мы разговаривали, первым делом удивлялись, почему юнкоров интересует такая тема. Все привыкли, что дети не должны вмешиваться во взрослые проблемы, лучше им заниматься своими детскими делами и учебой в школе. Отвечаем: эта тема нас интересует потому, что мы — будущие хозяева страны. Нам небезразлично, в каком состоянии мы получим страну через десять — пятнадцать лет, когда вырастем. Чем мы будем владеть: высохшим Аральским морем, грязными, мертвыми реками, погубленным Байкалом и Каспием? Крымом, превращенным в радиоактивную пустыню?

Мы против строительства АЭС в Крыму и готовы собирать подписи всех пионеров Крыма.

Лена Петрова, Витя Матвиенко
и еще 30 подписей юнкоров дружины
«Синий краб-зюйд».

СОЮЗ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

В начале осени для всех старших вожатых, председателей советов дружин города проходят лагерные сборы актива. Несколько дней в лесу среди чудесной крымской природы... Цель? Обмен опытом, учеба, ну и еще, конечно, приятное общение лидеров и активистов в неформальной дружеской обстановке.

В прошлом году, например, комсорги школ города так крепко сдружились, что и после сборов не захотели расставаться и организовали городской клуб комсоргов «Лидер». Там они устраивали интереснейшие встречи, вместе отмечали дни рождений, праздники, учились танцевать. В общем, все у них там было замечательно, интересно, активно. До того дело дошло, что в иных школах комсоргов не видно и не слышно стало. А если какой-нибудь рядовой комсомолец и отловит своего комсорга, чтобы поговорить о школьных делах, то комсоргу есть что сказать: «Извини, мне некогда, в «Лидер» спешу».

Ну, а в этом году и председатели советов дружин самого большого района Симферополя — Киевского — тоже решили свой клуб создать, чтоб не отстать от старших товарищей. Так возник «Союз пламенных сердец». Для пионерского актива там есть видеозал, игротека. Там проводятся дискотеки и вечера с мороженым. Замечательно живут там пионерские лидеры: веселись, общайся, мороженое ешь! Ну и, конечно, обсуждай пионерские проблемы. Благо от обсуждений тебя никто не отвлекает, никакие там пионеры. Их, к счастью, в этот замечательный клуб не пускают. Чтобы не мешали председателям советов дружин и пионерским активистам быть еще активнее, руководить пуще прежнего!

Лайла Хайретдинова.

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ!

ЭТУ песню в «Крабе» поют не только когда идут в поход в горы, но и когда собираются по вечерам в отряде, и когда летом уезжают на месяц в лагерь, на озеро.

В. ВЫСОЦКИЙ

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так.
Если сразу не разберешь, плох он или хорош.
Парня в горы тяни — рискни. Не бросай одного его.
Пусть он в связке одной с тобой. Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах не ах, если сразу раскис и вниз,
шаг ступил на ледник и сник, оступился — и в крик.
Значит, рядом с тобой чужой, ты его не брани — гони.
Вверх таких не берут и тут про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл, если хмур был и зол, но шел,
а когда ты упал со скал, он стонал, но держал.
Если шел он с тобой, как в бой, на вершине стоял хмельной,
значит, как на себя самого, положись на него.

СПРАШИВАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ

«Больная» тема

Про «Артек» знают все. И нет такого пионера, который не мечтал бы там побывать. Однако и по рассказам тех, кто в лагере побывал, и из газет известно, что некоторые пионеры попадают туда не потому, что хорошо и интересно работают в пионерской организации, а «по блату». На эту «больную» тему мы и хотели поговорить с **начальником главного управления «Артека» Виталием Николаевичем ШЕВЧЕНКО.**

Он любезно согласился ответить на вопросы нашего корреспондента Артура Пинчука, флаг-капитана «Синего краба-зюйд», ученика восьмого класса.

НАШ КОРР. Откуда берутся «блатные» путевки?

В. Н. (печально усмехнувшись). Сама постановка вопроса — «по блату» — является неправильной. Знаешь, у «Артека» много проблем. И какие-то из них мы можем решить сами. Но проблема пионеров, попадающих в лагерь не по направлению пионерских дружин, пока существует. Это только на первый взгляд все просто. Я не буду говорить о том, как путевки распределяются на местах, это от нас не зависит. Но многие думают, что мы сами, «Артек», раздаем «по дружбе» наши путевки направо-налево.

НАШ КОРР. А вы не раздаете?

В. Н. В том-то и дело, что раздаем. Но это мизерная доля от общего количества. Причем мы ставим условие, чтобы дети были пионерскими активистами, а их родители — передовики производства.

НАШ КОРР. Сами раздаете?

В. Н. Сами. Только не по дружбе. Ты считать умеешь?

НАШ КОРР. Умею.

В. Н. Тогда давай решим простую задачу. «Артеку» надо отремонтировать школу и столовую, для этого необходимо 5 тонн бетонного раствора, 200 квадратных метров кровельного железа и 40 кубометров древесины. Посылаем заявки. Нам отвечают: к сожалению, можем вам дать бетонного раствора только 1,5 тонны, кровельного железа — только 55 квадратных метров, древесины — только 35 кубометров. Сосчитал, сколько чего не хватает? И что делать? Закрывать школу и столовую? Отменять смену? Ну, скажи?

НАШ КОРР. Не знаю.

В. Н. И я не знаю. Но смену отменить не могу. И вот для того, чтобы ребята, ну, те самые — настоящие пионеры, которые честно заслужили свои путевки в «Артек», могли приехать, спокойно учиться в школе, есть в столовой без риска для жизни, мы меняем часть путевок на недостающие стройматериалы. Так появляются в «Артеке» пионеры, направленные в лагерь не пионерской дружиной, а, скажем, заводом или строительной организацией. Нехорошо?

НАШ КОРР. Нехорошо.

В. Н. Но другого выхода, увы, пока нет.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ГРАЖДАНИН ЗА 10 КОП.

В понедельник классная сказала:

— Завтра всем принести по 10 копеек на охрану природы.

Мы принесли, что нам, жалко?

Во вторник велели принести 10 коп. на охрану памятников.

Принесли.

В среду собирали взносы в общество книголюбов. В четверг — в ОСВОД.

Дома мама у меня спросила:

— А что такое ОСВОД?

Я не знал, но пришел папа и объяснил, что это общество спасения на водах.

В пятницу надо было сдать 10 коп. в Красный Крест, но мама почему-то рассердилась и денег не дала. В школе мне, конечно, попало: классная сказала, что я не хочу принимать участия в общественной жизни. В субботу опять на что-то собирали.

И так каждый год, а природа меж тем продолжает гибнуть, памятники разрушаются, хороших книг не достать... Честное слово, мне 10 коп. не жалко, вот только я сам еще не зарабатываю. Неужели клянчить у родителей мелочь — это и есть мой гражданский долг?

Женя Реткус, подшкипер.

ЖУРСАД

ЗАНЯТИЯ ВЕДЕТ ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ СЕРГЕЕВ, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ЖУРНАЛА «ЖУРНАЛИСТ».

О РЕПОРТАЖЕ И РЕПОРТЕРЕ

«А у нас в квартире кошка родила вчера котят! Котята выросли немножко, но есть из блюдца не хотят».

Что это такое? Стихи! Но это еще и репортаж. Автор был свидетелем события и, видимо, лично проверил, едят ли котята из блюдца. И сумел выразить свое отношение к событию: радость, что появились котята, что они растут. И удивление: не хотят есть из блюдца! Сумел автор и вызвать интерес читателей: так и хочется узнать, как поведут себя котята завтра?

Конечно, пример с кошкой — шутка, но представление о репортаже, по-моему, дает.

У каждого газетного жанра есть свои законы. Репортаж заинтересует читателя и принесет пользу, если: событие, о котором идет речь, заслуживает того, чтобы о нем узнали читатели — раз, автор присутствовал при событии — два, и выразил свое отношение к нему — три.

Темы для репортажей есть всегда и повсюду. И вовсе не обязательно, чтобы репортер вел рассказ со стартовой площадки космодрома или присутствовал при открытии Олимпийских игр.

Увидел что-то интересное на улице, в школе, на катке, побывал на встрече со знаменитыми людьми, на экскурсии, в походе, на производственной практике — и захотелось поделиться увиденным. Поделись! Расскажи, что подумал, чему порадовался или удивился, что огорчило, а может быть, и возмутило тебя. Читатель получит информацию из первых рук: ты там был, ты не только видел, но и участвовал в событии, ты даешь ему оценку. Но все это не значит, что репортер должен все время «якать». Надо ухитриться использовать местоимение «я» один-два раза, не больше. Стыдно за репортера, если он делает свое «я» значительнее события, выставляет себя героем, центром всего происходящего. Настоящий репортер человек не только наблюдательный, смелый, находчивый, но и скромный. Пусть читатели сами оценят, как трудно было автору репортажа оказаться в центре события, стать его участником и первому рассказать о нем. О качестве настоящих репортеров хорошо сказал писатель Константин Михайлович Симонов, который в годы войны был корреспондентом газеты «Красная звезда»:

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали,
Но мы не терялись
никогда.
На пикапе драном,
с «лейкой» и наганом
Первыми врывались
в города.

Обязанности редколлегии исполняли юнкоры «Синего краба-зюйд», а помогала им Н. Соломко.

Оформление Ю. ПАКА.

КОЛЛЕКЦИЯ ОШИБОК

На этот раз Сережа не стал тайком забираться в папин кабинет, а, описав несколько кругов вокруг отца, умиротворенно листающего газеты после дневных трудов, спросил его напрямик:

— Пап, а в твоих научных журналах пишут что-нибудь интересное про компьютеры? Ну, вот в «Science News», например?

— А как же, обязательно пишут.

— Может, ты мне почитаешь оттуда? Только по-русски.

— Знаешь что,— вдруг оживился папа,— давай-ка попробуем почитать вместе. Все незнакомые тебе слова я подскажу. А что касается Present Perfect или Past Continuous — тут уж изволь соображать сам. Программиста, не знающего английского языка, я не могу представить.

Они пододвинули к письменному столу еще одно кресло, взяли журнал «Popular Science», название которого они перевели как «Наука для всех», англо-русский словарь Мюллера и начали вычитывать занимательные истории про чипову жизнь.

— Давай прочтем хотя бы вот это,— сказал папа и ткнул пальцем в колонку справа.

Победителем конкурса, организованного японской фирмой «Сони», на лучший бытовой телевизор будущего стал студент колледжа. Он сконструировал телевизор в виде двуногого робота. Робот движется за хозяином из комнаты в комнату, исполняет танцы под музыку и может принимать различные позы.

ЭВМ используется в США для быстрого поиска и установления личности по отпечаткам пальцев. Машина может автоматически восстановить некачественно снятые или смазанные отпечатки, устанавливает личность и по неполным отпечаткам пальцев. За один год такая система установила личности 1200 подозреваемых, в том числе 90 человек, разыскиваемых по делам, связанным с убийствами.

В ФРГ создана автоматическая система резервирования мест в гостиницах. ЭВМ понимает человеческую речь и работает как портье, давая информацию об обстановке комнат, ценах и так далее. Например, может происходить такой диалог. Клиент спрашивает: «Есть ли у вас большая комната?» «Да»,— отвечает ЭВМ. Клиент уточняет: «Есть ли в ней большое окно?» «Да»,— отвечает ЭВМ. «Она тихая?» В ответ ЭВМ говорит: «Да, вполне тихая».

Для испытания военного обмундирования в боевых условиях в США создан человекоподобный робот. Скелет робота изготовлен из трубок и шарниров и покрыт искусственной кожей, которая может регулировать температуру. Робот «дышит», увеличивая и сокращая объем грудной клетки.

Вычислительные машины уже помогают врачам ставить диагнозы, назначать процедуры и лекарства. Но, оказывается, полностью доверять машинам рано. В США за последние пять лет количество ошибочных диагнозов машин-докторов возросло в два раза. Так, из-за ошибки в программе, которую не обнаружили во время испытаний, нескольким людям была назначена неправильная доза облучения, что привело к тяжелым последствиям.

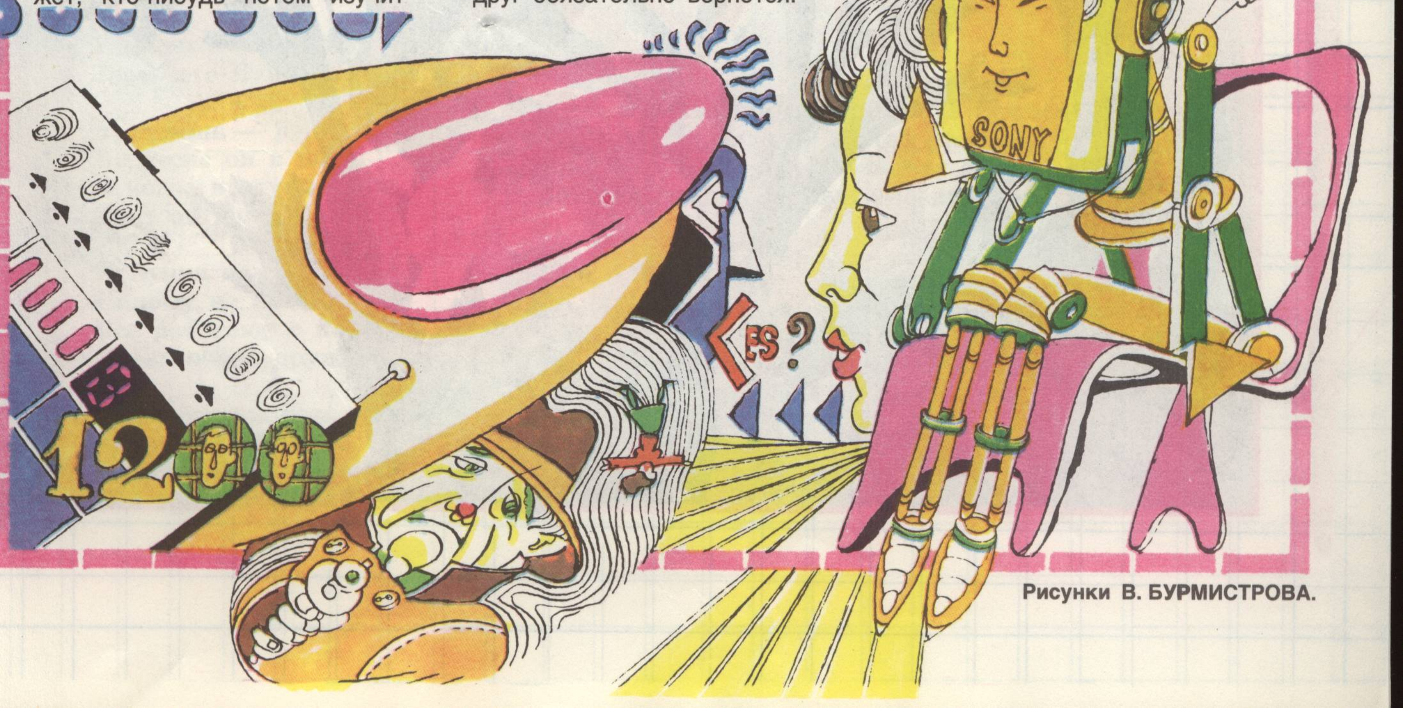
— Па, а компьютеры часто ошибаются? — прочитав последнее известие, заинтересовался Сережа.

— Случается.

— А давай, я буду собирать сообщения об их ошибках. Может, кто-нибудь потом изучит все эти факты и придумает, как избежать ошибок?

И так этот случай ошибки компьютера открыл Сережину коллекцию.

А Чипа Сережа решил ждать хоть сто лет. Ведь, если ждешь, друг обязательно вернется.

Рисунки В. БУРМИСТРОВА.

Наташа РАЗШЕТОВСКАЯ, 6 лет. «ЛЕПИМ СНЕГОВИКА».

Сегодня мы печатаем работы ребят из изостудии Московского городского Дворца пионеров.

Женя КОРОТИЧ, 6 лет. «ЗИМНИЙ ЛЕС».

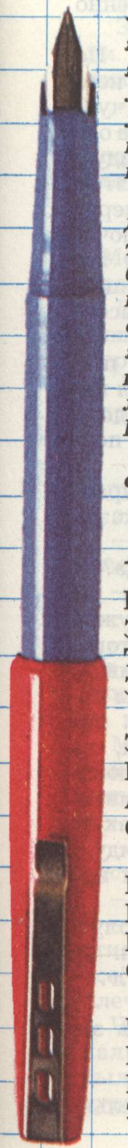
Дима ПОТАПОВ — из самых старших друзей «Кораблика». Живет Дима в городе Борисове, стихи сочиняет давно, с 9 лет, недавно стал пробовать свои силы в прозе.

Окраина

Я сяду на автобус,
Доеду до окраины.
На розовом снегу
Уже видны проталины.

Домишки в ряд стоят,
От ветра все всклокочено.
Домов у десяти
Оконца заколочены.

И фонари горят
Каким-то тусклым заревом.
Вдали дома грустят,
Окутанные маревом.

«Давно, еще в 1-м классе, я увлеклась лошадьми. Сейчас я уже в 7-м, но лошадей люблю по-прежнему. После школы хочу поступить в ТСХА и стать специалистом по коневодству.

На даче у меня есть верный друг — конь Буян. Всегда с нетерпением жду лета. Как рады бываем мы с Буяном друг другу! Про Буяна я написала несколько стихотворений. Пишу я их почему-то только зимой, когда думаю о чем-нибудь далеком. О лошади, например...» Юля СУЧКОВА.

Юля живет в Москве, учится в школе № 771.

Буян

Есть в поселке Снегири
Зеленая поляна.
Там пасется вятский конь.
Звать его Буяном.

Этот конь — рабочий конь,
По весне он в поле,
А когда наступит ночь,
Спит он на соломе.

И Буяна понукать
Никому не нужно:
Все работают с конем
Очень-очень дружно.

Что машины нам теперь,
Когда есть Буяша!
Не прервется никогда
Эта дружба наша!

Вася ПРОХОРЕНКО, пятиклассник из села Мытница Васильковского района Киевской области, больше всех времен года любит снежную зиму.

Зима

Пришла зима. Ее я ждал
Все лето, осень и весну.
И уж теперь я все ж могу
Пойти на горку и весь день
Не отрываться от саней!

Катя ГО́ЛОВА, семиклассница из города Куйбышева, сочинила о зиме сразу несколько стихотворений. Два из них Капитан приказал поднять на борт «Кораблика».

В одном из своих писем Катя рассказала о том, как она работает над стихами: «Стихи у меня не сразу получаются — не то что, как говорят, «сел и написал». Сначала мелькают в голове мысли, рифмы, а затем после поправок что-то выходит».

Снег идет

Хорошо, когда снег идет.
Я люблю такую погоду.
Все кругом в снегу, и лед
Блестит,
Прикрывая от холода воду.

Вот так горка!

Ледяная, гладкая
И длинная гора.
Я на шубе мягкой
Качусь, вот это да!

Вдруг бугор, канавка!
Страху я полна,
А за мною Дашка,
Даша — весела!

Я — в бугор, в канавку,
Даша — на меня!
Падаем удачно —
Шуба помогла!

Боря ГУТМАН не только сочиняет стихи, но и интересуется стихосложением. «Нет смысла «раздувать» ради одной мысли целое стихотворение»,— считает Боря. Для того чтобы не быть многословным, он попробовал писать рубаи — четверостишия, где три строки рифмуются, а одна, третья, остается без рифмы. Рубаи — это старинная форма, распространенная на Востоке.

Боре 12 лет, живет он в городе Красноармейске Московской области.

***

Жить счастью лишь мгновенье суждено.
Для каждой радости всегда найдется «но».
Извечный дух неудовлетворенья —
Вот то, что людям навсегда дано.

***

Ты, свечу затушив, постепенно привыкнешь ко мгле,
И чаинки, поплавав, утонут в любой пиале.
Так и в жизни бывает: пусть больно во время разлуки,
Слижут времени волны в душе нашей вдавленный след.

ВЫСТРЕЛ С МОНИТОРА

Владислав КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

Окончание третьей части — «ЛЕГЕНДА О КОМАНДОРЕ»

Начало повести в «Пионере» №№ 10—12 за 1988 год и в № 1.

На старeньком пароходе, идущем по северной реке, знакомятся два человека — пожилой Пассажир и мальчик. Пассажир рассказывает мальчику историю о Галиене Тукке — Гальке, мальчишке из города Реттерхальма, который стоял когда-то на высоком холме возле этой реки.

Так получилось, что Галька, по решению магистрата, был изгнан из родного города: в городе произошел несчастный случай, виновником которого посчитали Галиена. Но затем Галиен спасает город от врага, сажая на острые сваи вражеский монитор. Реттерхальм с почетом встречает героя. Галька прощает горожанам свое изгнание и потом бесследно исчезает из города. След Гальки теряется...

Чахлый пароходик, на котором плывут Пассажир и мальчик, останавливается для починки машины у одной из пристаней. Пристань расположена всего в двадцати километрах от холма, где стоял Реттерхальм. Теперь на холме сохранился лишь памятник Гальке, воздвигнутый когда-то благодарными горожанами.

Мальчик решает добираться дальше домой автобусом и прощается с Пассажиром. В кармане у мальчика лежит старинная монетка, которую он получил в пароходном буфете на сдачу. Монета точь-в-точь похожа на ту, которая, по словам Пассажира, была у Галиена Тукка и, по-видимому, обладала какими-то волшебными свойствами.

2

Спешить было некуда. Недалеко от автостанции они увидели столовую — такую же квадратно-стеклянную, как парикмахерская, но открытую. Пообедали в пустом зале. Неторопливо и сытно. Когда вышли, мальчик сказал:

— Ну и Веха! Как на забытой планете... Да понятно, люди в поле.

Он заметно повеселел. Дурашливо поглаживая живот, остановился перед зеркальным стеклом. И вдруг опять свел брови.

Пассажир как-то так по-мальчишески, с подковыркой, проговорил:

— А спорим, знаю, о чем думаешь! Только не обижайся, что лезу в мысли.

Мальчик вопросительно обернулся.

— Ты думаешь: «А взял бы меня Командор?»

Мальчик быстро вскинул и опустил глаза. Слегка набычился.

Пассажир мягко сказал:

— Тебе незачем было бы уходить с ним. У тебя... ну, пусть не все ладно в жизни, но дом все-таки есть. Никто тебя не прогонял, а наоборот, ждут... Не правда ли?

Мальчик ответил нехотя:

— Не в этом дело. Я же не койво...

— Ну, тут-то как раз... Вспомни, как ты меня лечил. И, кстати, спина до сих пор не болит.

— Подумаешь! Это многие умеют.

— Я не о том...— Пассажир легонько подтолкнул мальчика, и они пошли в сторону пристани.— Я про умение чувствовать чужую боль. Ты ведь не просто меня вылечил, ты сперва почуял, что мне больно. Без моих жалоб, сам. Это дано далеко не каждому... И в этом твое преимущество перед Галькой.

— Преимущество?

— Да... Он был честный и смелый, но...

— Он в тыщу раз смелее, чем я,— насупленно перебил мальчик.

— Возможно. Но т в о е й струнки у него не было. Он чувствовал лишь с в о ю боль, с в о ю обиду... Может быть, в этом была его вина перед городом. Не исключено, что он понял эту вину в конце концов, поэтому и ушел насовсем.

Мальчик долго шагал молча. Держал перед собой на ладони монетку. Иногда подбрасывал:

— Не... это неправда,— наконец сказал он.

— Что неправда?

— То, что он не чувствовал чужой боли. Зачем он тогда остановил трамвай? Он не хотел, чтобы колесами по лицу... вот этого мальчишки, на денежке... Ему показалось, что он живой!

— Да... Я как-то упустил это из виду.

— Вы же сами про это написали!

— Я?.. Я, голубчик, не написал. Я, скорее, з а п и с а л.

Мальчик сказал с оттенком досады:

— Я не понимаю разницы. Все равно ведь это в а ш а повесть. Вы ее сочинили.

— Сочинил?

Тогда мальчик улыбнулся чуть снисходительно и сожалеюще:

— Но ведь это же все-таки сказка. Не было же здесь никакого Реттерхальма... И кристалл мадам Валентины — он тоже фантастика... Это даже хорошо.

— Почему же? — уязвленно спросил Пассажир. Но мальчик не заметил обиды.

— Потому что, если сказка, значит, вы в ней хозяин. Можете переделать конец по-другому!

— Нет, голубчик! Быль это или фантазия, но изменить я ничего не могу. Галька ушел из города...

— Ну... пусть! — Мальчик сжал монетку в кулаке, на ходу заглянул Пассажиру в лицо. Требовательными коричневыми глазами.— Ладно, ушел. Но напишите, что Лотик и Майка... ой, Вьюшка то есть... его догнали. И они пошли вместе. А? Это можно?

Это можно лишь в одном случае,— очень серьезно сказал Пассажир.— Если у них хватит времени. Но мадам Валентина давно умерла, кто перевернет часы? Надо, чтобы замкнулось во времени колечко. А это зависит не от меня...

— А от кого?

— Ну-у, дорогой мой... Опять скажешь «фантазия»... Перестал бы ты кидать монетку, потеряешь раньше времени...

— Какого времени?

— То есть вообще потеряешь. Жаль будет.

Мальчик сунул монетку в карман.

За разговором они незаметно подошли к пристани. С палубы их заторопил пассажирский помощник:

— Давайте, давайте, граждане! Сейчас отходим.

— Что, раньше срока? — засуетился Пассажир.— Подождите, мальчик должен сойти, он только вещи возьмет.

...Потом они попрощались у трапа.

— До свиданья,— неловко сказал мальчик. «Может, еще встретимся»,— хотел он добавить, но постеснялся.

Пассажир вежливо наклонил голову с пробором. Бежали серые облачка, стало прохладно. Мальчик передернул плечами.

— Вот что, голубчик, возьми мою куртку,— вдруг решил Пассажир.— Смотри, холодает.

— Да что вы! У меня же безрукавка...

— Безрукавка вязаная, продувается. Да и руки все равно голые.— Он расстегнул куртку.— А это, смотри — целая плащ-палатка для тебя.

— Ну да,— неуверенно возразил мальчик.— Смеяться будут, скажут: во балахон...

— Да кто тебя увидит в темноте?

— В темноте?

— Ох, я хотел сказал «в тесноте». На станции и в автобусе... Ну, скажешь, что папина или дедушкина куртка... Я же не говорю: надевай сейчас. Это на всякий случай. Возьми, я прошу.

Мальчик молчал. Возиться с большой и ненужной курткой не было охоты. Но не хотел он и обидеть Пассажира.

— А как же вы?

— У меня есть другая в чемодане... А тебе... пусть будет на память о нашей дороге.

— Ну... тогда вытащите все из карманов.

— Всенепременно! — Пассажир тщательно очистил карманы.— Очки, блокнот, бумажник... все! — Он отдал куртку, подержал мальчика за плечи и шагнул на трап.

Через минуту пароход отошел. Мальчик помахал с дебаркадера. Но Пассажира на палубе не было, он скрылся в каюте. Мальчик затолкал куртку в сумку. Та разбухла, как боксерская груша. «Подарок»,— вздохнул мальчик. И вдруг очень пожалел, что не спросил у Пассажира, как его зовут.

3

Время до вечера мальчик провел без скуки.

Он побродил в ближнем лесу. Почти час просидел над муравейником, размышлял: есть у муравьев развитая цивилизация или они все-таки бестолковые? Из леса вышел к реке — на пустой песчаный пляжик. Солнце то выскакивало, то пряталось, было совсем не жарко, но мальчик искупался. Не для удовольствия, а из принципа (Гальке-то еще холоднее было ночью, под ветром). После купания напала такая дрожь, что пришлось надеть безрукавку. Согрелся.

Скоро совсем распогодилось, теплее стало. Мальчик сел на лужайке у расщепленной березы, на солнышке. Достал книгу «Человек, который смеется». Стал наугад перечитывать страницы...

Раздались голоса, пришли мальчишки с мячом. Разбились на две команды, разметили ворота. Береза сделалась штангой. Мальчик отодвинулся, чтобы не мешать. На него не обратили внимания. Или сделали вид, что не обратили. С полчаса он следил за игрой — робкий незваный зритель. А когда один из ребят захромал и ушел с поля, мальчик робко спросил:

— Можно мне вместо него?

Тонкий мальчишка в полинялом трикотажном костюме и с белыми волосами ниже ушей (ну, прямо Галька!) прошелся по мальчику светло-синими глазами:

— Ты откуда? Дачник, что ли?

— Не... я проездом. С парохода.

— Ну, валяй.

Мальчик играл не лучше и не хуже других. Разгорячился, заработал пару синяков, удачно подал мяч беловолосому, а тот «впаял» красивый гол... А время летело. И скоро видно стало, что солнце катится к вечеру.

— Я пошел. Пока...— сказал мальчик. Беловолосый рассеянно кивнул, остальные не обратили внимания.

Мальчик успел еще перекусить в столовой и, когда пришел на автостанцию, пыльные часы над окошечком кассы показывали без четверти восемь.

Мальчик удивился, что на станции пусто. Неужели никто не едет в сторону Черемховска?

Он побродил, постоял, изучая красочную схему маршрутов рядом с расписанием. Шоссе тянулось вдоль реки, соединяя пристанские поселки. Нашел мальчик и мыс Город. У него река разделялась на два русла, обтекая длинный остров. Китовый!

Правее мыса была обозначена станция Белые Камни. Мальчик машинально прикинул, что от нее до мыса километра три... Потом он перевел глаза на часы.

Две минуты девятого!

Что же это такое? Он потерянно оглянулся. Церковные окна желтели вечерним светом. Из открытой двери тянуло сквозняком, шелестел на бетонном полу старый билет.

Мальчик постучал в окошко кассы. Выглянула кассирша — не прежняя девушка, а старуха:

— Что тебе, молодой человек?

— А почему автобуса нету?

— Какого тебе сегодня автобуса?

— В Черемховск! В двадцать ноль-ноль...

— Ишь ты, «ноль-ноль» ему! Ты глянь в расписание: он по понедельникам, средам, пятницам ходит.

— А сегодня-то что?!

— А сегодня с утра вторник... Ох, вы, дачники. Живете, время не помните.

— Да какой же вторник...— беспомощно сказал мальчик. Это была явная чушь.— Среда. У меня билет, вот смотрите.

— Ну, смотрю... Билет. На завтра и есть. Вот и квитанция за предварительность. Куда же ты торопишься, голубок?.. Ты, никак, один едешь? Откуда ты?

Не хватало только ее вопросов! Мальчик едва не всхлипнул. Сидеть еще целые сутки в этой Вехе! На пароходе-то он бы к утру домой добрался! Хоть с какими остановками... Ох, и паника будет дома, когда узнают, что пароход пришел, а его нет!..

— Ты что, на даче тут живешь? — опять начала допрос кассирша.

— На даче,— буркнул мальчик. Не объяснять же ей... Он отошел, снова уставился рассеянно на схему маршрутов... А может, есть другие автобусы в нужном направлении? Ну, пускай с пересадкой... Нет, ничего подходящего. Только в двадцать тридцать пять пойдет «Икарус» из Кохты. Но это в другую сторону.

В другую? Или...

На миг показалось мальчику, что вокруг все стало зыбким и таинственным. Эти окна, сводчатый гулкий потолок... И часы стучат громко и многозначительно... И сам он — будто во сне, когда видишь себя на незнакомом и запутанном пути. Ох, домой бы, не поддаться бы жутковатому соблазну неизвестной дороги... Но, оказывается, ничего от тебя не зависит.

А может, так и надо? Может, все — не случайно?

Старая кассирша смотрела из окошка, и на лице ее было теперь сочувствие. Добрая, наверно, бабка. Попросить, объяснить все — и устроит ночевать...

Мальчик, пугаясь собственного решения, спросил:

— А можно билет до Белых Камней? — И соврал, хотя старуха ни о чем больше не спрашивала: — У меня там бабушка, я у нее переночую...

Парусиновая куртка

1

Автостанция Белые Камни оказалась небольшой постройкой из силикатного кирпича: будка диспетчера и навес со скамейками для пассажиров. И — никого, лишь в будке играло радио. Направо, через поле, уходила к недалекому поселку дорога. Солнце было уже над самыми крышами поселка.

Слева от дороги подымался почти черный еловый лес. В него убегала тропинка. И мальчик понял, что она ведет к реке, к мысу. А куда ей еще вести?

Мальчик посмотрел вслед укатившему автобусу, пересек шоссе. Постоял у заросшего кювета и перешел его с ощущением, будто переходит границу. Колючие шарики на сухих стеблях предупреждающе куснули за ноги: одумайся, мол. Куда тебя несет?

Ох, а куда его несет? Зачем? Убедиться, что на мысу есть остатки города и форта? Тронуть за плечо бронзового Гальку? Или... может быть, оставить на его плечах парусиновую куртку?

Но это все — з а ч е м?

Хочется поверить, что сказка — не сказка? Или как-то оправдать для себя все отставания и опоздания? Или тянет, тянет к себе неведомое?.. Мальчик оглянулся на солнце, поежился и вошел во тьму леса.

После ясного вечера и в самом деле показалось — тьма. Небо вверху светилось, а среди стволов и веток — первобытный мрак. Тропинка еле виднелась. Она, эта тропинка, была твердая, натоптанная, но порой пряталась в кустах и травах, путалась между корней. То можжевельник, то какие-то листья с бритвенными краями царапали и резали мальчишку. Ветки щелкали по щекам и кепке. Мелкие сучья цеплялись за безрукавку. И мальчик достал куртку.

Она оказалась ему ниже колен. Вот хорошо-то... А рукава можно подвернуть, вот так... Для неласковых зарослей такой балахон в самый раз. Мальчик нервно усмехнулся: сбылось! «Кто тебя увидит в темноте»...

А если увидят, решат, что привидение... Но от мысли о привидениях стало совсем неуютно в этом сумрачном одиночестве.

Впрочем, сумрак был уже не таким густым, глаза привыкли. Из полумглы выступили громадные валуны, на них светился белый мох. Светились и березы — после черных елей пошел смешанный лес. Ярко выделялись рано пожелтевшие листья кленов. И тропинка стала хорошо различимой.

Это здорово, что есть тропинка. Без нее было бы совсем жутко, а так... Ох... Мальчик присел. Словно темный лоскут, бесшумно проплыла над ним громадная птица. Филин, сова? Откуда знать городскому мальчишке, впервые оказавшемуся в ночном лесу?

Да, но какой же он ночной? Внизу темно, а небо еще совсем светлое. Вон едва-едва засветилась первая звезда... А куртка прямо как палатка: натянул на голову, запахнулся — и отгорожен от всего... Ну и пусть кто-то стучит за деревьями по сухому стволу... Пусть кто-то кричит печально и протяжно. Может, это вовсе не лесные жители, а катер на реке за мысом...

Тропинка сперва шла в гору, а потом побежала под уклон. И мальчик с радостью понял, что перевалил через вершину холма. И вот уже опять вверх — по кустам и мелколесью. Это значит, скоро обрыв, где стоял когда-то форт. «Забрало»!

Сделалось совсем не страшно, и сердце бухало просто от нетерпения. От быстрой ходьбы на подъеме...

Сосновый молодняк расступился, тропинка оборвалась у гранитных двухметровых зубцов. Сразу стало светло!

Широкие изгибы реки отражали ясное небо. В освещенных закатом лугах горстями были рассыпаны игрушечные деревушки. Желтели колокольни. Бежал по дороге-нитке крошечный грузовик... А остров и в самом деле был похож на кита...

Мальчик отдышался. Торопливо расстегнул куртку. Одна пуговица оторвалась, он сунул ее в карман на шортах. Пальцы наткнулись на металлические денежки. Он вспомнил! Вытащил горсть мелочи, отыскал монетку «десять колосков», глянул на профиль мальчишки: «Принеси удачу!»

И затем окинул взглядом кромку обрыва: где ты, Галька?

Скульптуры не было.

Камни, деревца, скальные зубцы...

Вот на этом месте (ну, точно же на этом!) стоял вчера мальчишка.

Или здесь?

Или на этом уступе?

Какая разница, нигде нет! А он-то, дурак, поверил...

И никаких следов форта, конечно, тоже не было. Даже остатков фундамента. Уж они-то должны были сохраниться...

С ощущением полной потери и обмана мальчик встал на краю обрыва. Понурый, неподвижный...

А куда теперь спешить? Обратно в темный лес? Из лиловой дымки северного неба выступила круглая луна. Неяркая, темно-розовая. Было отчетливо видно, что это шар, планета. В другое время мальчик с удовольствием поразглядывал бы ее, такую неожиданно большую и близкую. Но теперь он смотрел на луну, как на свидетельницу своей глупости.

Поверил, как дошкольник, небылице... Что его закрутило, понесло по этим берегам и лесам? Ехал бы сейчас в теплой каюте... Вон, как нормальные люди на том пароходе...

Пароходик, светясь ходовыми огнями, появился из-за поворота. В точности как «Кобург». Наверно, «Кулибин» или «Декабрист». Он подходил ближе, ближе и скоро стал виден уже не со стороны, а сверху. Звонко хлопали колеса. Из черного зева трубы тянулся жидкий дымок. Негромко играло радио. Там были люди, там было хорошо...

От толчка досады и зависти мальчик вздрогнул и сжал зубы. Размахнулся! Монетка «десять колосков» полетела с обрыва.

...Что-то звякнуло о палубу. Светлое небо отразилось в серебряном кружочке. Старый пассажир вздрогнул. Сидевший рядом мальчик быстро спустил со скамейки ноги и нагнулся. Но проходившая мимо буфетчица оказалась проворнее: присела, накрыла монетку ладонью.

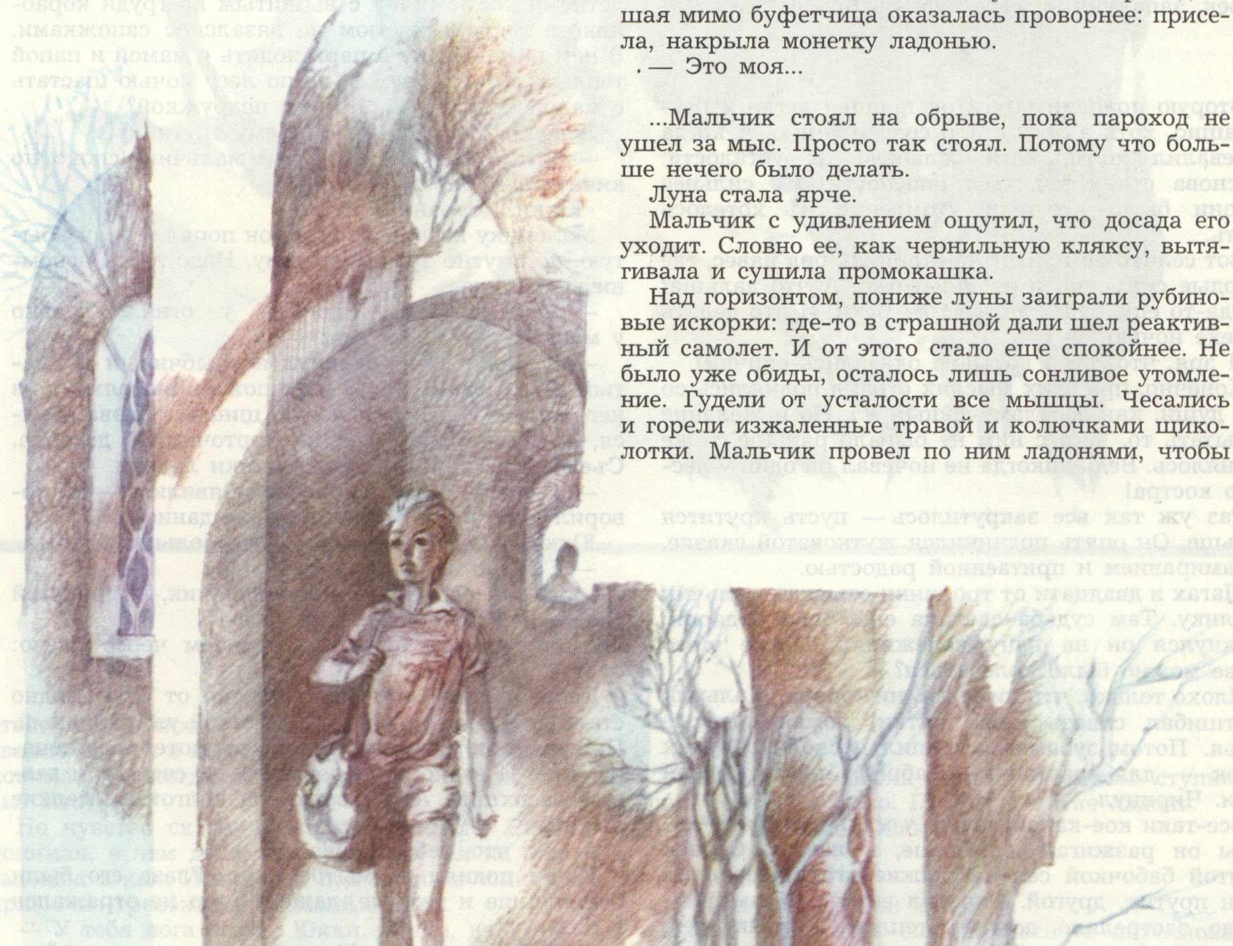
— Это моя...

...Мальчик стоял на обрыве, пока пароход не ушел за мыс. Просто так стоял. Потому что больше нечего было делать.

Луна стала ярче.

Мальчик с удивлением ощутил, что досада его уходит. Словно ее, как чернильную кляксу, вытягивала и сушила промокашка.

Над горизонтом, пониже луны заиграли рубиновые искорки: где-то в страшной дали шел реактивный самолет. И от этого стало еще спокойнее. Не было уже обиды, осталось лишь сонливое утомление. Гудели от усталости все мышцы. Чесались и горели изжаленные травой и колючками щиколотки. Мальчик провел по ним ладонями, чтобы

унять боль и зуд. Не вышло. С другими всегда получалось, а с собой — редко...

Надо было идти. Он поправил на плече сумку, поднял куртку. В кармане у нее что-то сухо брякнуло. Спички? Раньше он их не замечал. Старик вроде бы все вынул при прощании.

Мальчик сунул руку, нащупал коробок. А под ним... монетка? Он достал, вздрогнул. Даже оглянулся растерянно.

«Десять колосков».

Значит, он перепутал? Швырнул в речку обычную пятнашку? Но он же ясно видел!..

А может, это другая? Наверно, у старика их было две...

Нет, она самая. Вот и заусеница на ободке!

Что это? Чудо? Совпадение? Продолжение странной игры, которая привела его на этот обрыв?

К мальчику возвращалась осторожная радость. Памятника нет, но что-то все-таки есть. Что-то т а к о е, от чего загадочными кажутся камни, а луна смотрит лукаво и понимающе, как живая... И обратный путь представляется не таким уж длинным и почти не пугает.

Мальчик решительно поправил на затылке козырек, запахнул на себе куртку. Вперед!

2

Вторую половину пути он прошел легко и бесстрашно, хотя в лесу стало совсем темно. А когда перевалил холм, ноги ослабели от усталости. И снова стали чудиться опасности. Но сильнее боязни было все-таки утомление. И хотелось спать.

Вот сейчас он придет на станцию, под навес, где твердые скамейки и зябкий ветер. А что дальше? Когда-то еще будет автобус до Вехи. И что делать в Вехе ночью?

И зря, что ли, в кармане оказались спички?

Конечно, при этих мыслях страхи поднялись со дна души, как взбаламученный ил. Но и желание испытать то, чего с ним не бывало раньше, тоже поднялось. Ведь никогда не ночевал он один у лесного костра!

Раз уж так все закрутилось — пусть крутится дальше. Он опять подчинился жутковатой сказке. С замиранием и притаенной радостью.

Шагах в двадцати от тропинки отыскал мальчик полянку. Там судьба сделала еще один подарок: наткнулся он на кучу валежника. После этого разве можно было колебаться?

Плохо только, что ни ножа, ни топора. Мальчик поотшибал сквозь кеды пятки, ломая толстые сучья. Потом зубами расщепил несколько сухих веток — для растопки. Набрал прошлогодней хвои. Чиркнул...

Все-таки кое-какой навык у мальчика был: костры он разжигал и раньше, в лагере. Огонек желтой бабочкой сел на рыжие иголки, зацепил один прутик, другой. Охватил ветку... Пламя выросло, застреляло, дохнуло теплом. Мальчик сел, закутал себя курткой — ноги от жара, а спину от липкой зябкости, которая подступила вместе с сумраком. Сумрак этот окружил костер и мальчика непроницаемо и недружелюбно.

Страшно ли было теперь? Мальчик признался себе, что да. Но страх жил как бы отдельно. «Я вынес его за скобки...» Страх не мешал размышлять, вспоминать обо всем, что случилось за последние сутки. Мальчик думал спокойно и улыбчиво. Даже мысли про опоздание домой сейчас не тревожили его. Он принял простое решение: не нужен ему автобус! Утром надо выйти на обочину и поднимать руку перед каждой машиной. Какие-нибудь да пойдут в сторону Черемховска. И в какой-нибудь из них, наверно, найдутся хорошие люди. Он все им без хитростей расскажет, и неужели не помогут мальчишке? Подвезут. Если не сразу, то с пересадками. Всего-то сотня километров.

Он попал в приключение, так и надо на это смотреть. И чувство, что это действительно п р и к л ю ч е н и е, сделалось таким же осязаемым, как дыхание костра. А еще — пришло ожидание какой-то разгадки и встречи. Не опасной, хорошей. И он не удивился и почти не испугался, когда из косматой темноты вышли к свету двое.

Да и чего было пугаться! Это оказались мальчуган лет десяти и девочка — чуть помладше. Костер горел ярко, и мальчик сразу разглядел их.

Девочка была в коричневом, похожем на старенькую школьную форму платье, в желтой косынке на темных кудряшках. В красных резиновых сапожках, низеньких и широких (они блестели, как маленькие пожарные ведра). И ее спутник — в таких же. Эти сапожки, хотя и нарядные сами по себе, никак не подходили к его белому летнему костюмчику с вышитым на груди корабликом. Вернее, костюм не вязался с сапожками. В нем на прогулку в парк ходить с мамой и папой теплым летним днем, а не по лесу ночью шастать с малой сестренкой... Или с подружкой?

Девочка тихо сказала своему спутнику:

— Вот, Юкки, и огонь...— А мальчику спокойно кивнула: — Здравствуй.

«Юкки... Странное имя».

Мальчику казалось, будто он попал в полузабытую, но смутно знакомую игру. Надо лишь вспомнить правила.

— Здравствуйте. Садитесь у огня... Только у меня нет никакой еды.

— Переживем,— буркнул неулыбчивый лохматый Юкки. Вынул ногу из сапожка, вытряхнул из него сухую хвою и сосновую шишку. Снова обулся, шагнул ближе, сел на корточки. И девочка. Съежилась, спрятала под мышки ладони.

— Вы прямо как из сказки появились,— проговорил мальчик со странным ожиданием.

Юкки насмешливо улыбнулся большим ртом:

— Гензель и Гретель, да?

— Нет,— серьезно сказал мальчик,— из другой сказки... А по правде, откуда вы?

Юкки махнул большим пальцем через плечо: оттуда, мол.

Теперь, когда они были близко от огня, видно стало, что костюм у Юкки не такой уж нарядный. Пыльный он и мятый. А сапожки потерты и поцарапаны. И на ногах царапины — и свежие, и давние, засохшие. А у девочки на колготках мелкие дырки.

— Вы что, заблудились?

Юкки поднял неумытое лицо. Глаза его были большущие и темные, даже костер не отражался в них.

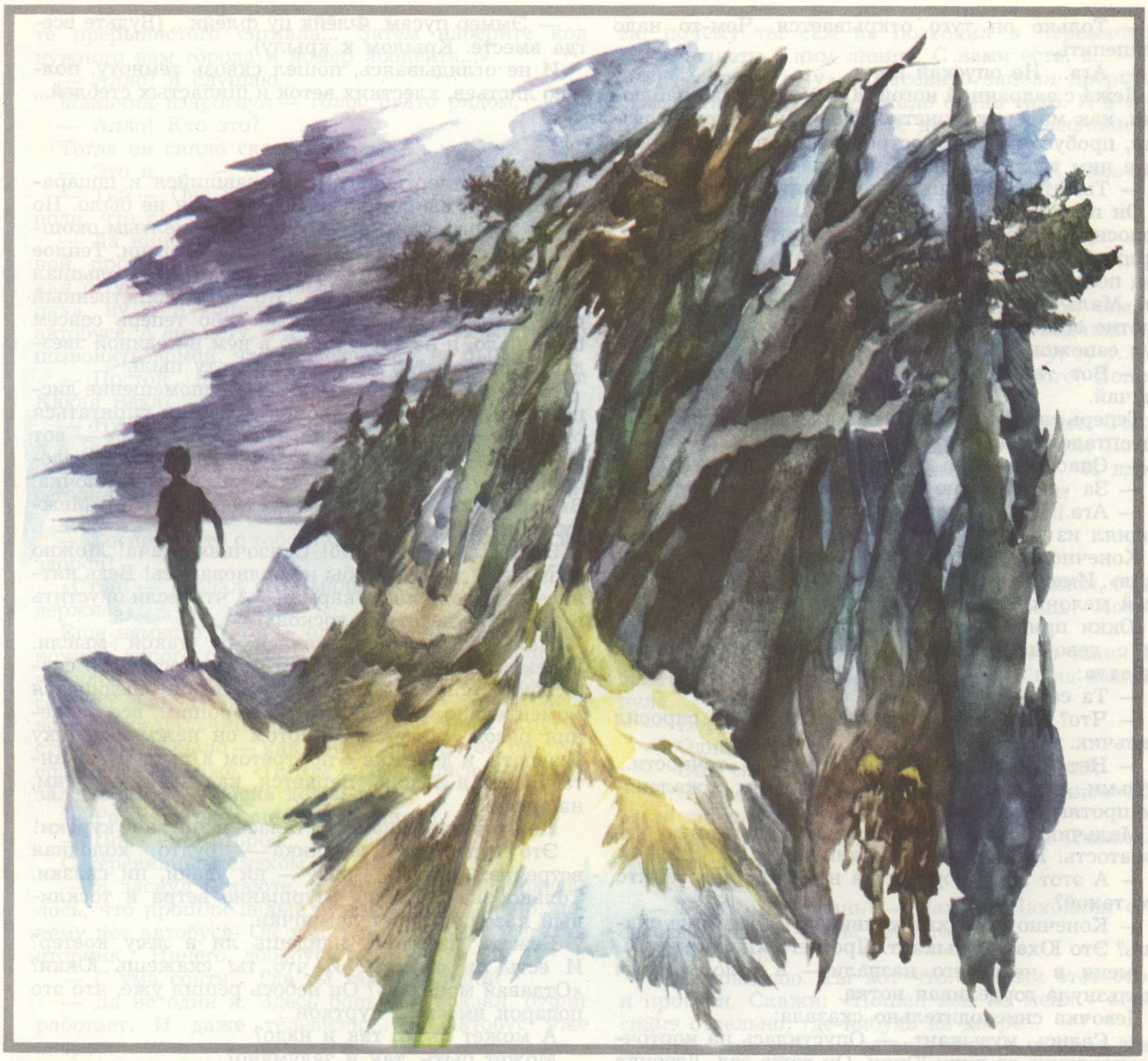
— Тебе-то что? — Юкки сказал это спокойно, без всякой сердитости. Но и без улыбки.— Мы ведь не спрашиваем, откуда ты.

— Ну, спросите,— слегка растерялся мальчик.— Это не секрет.

— А зачем? Про такое не спрашивают, если д о р о г а.

— А может, у него нет дороги? — прошептала девочка Юкки. И повернулась к мальчику.— Может, ты сам заблудился?

— Я-то? Нет, я знаю д о р о г у, — в тон им

ответил мальчик. А позади всех слов и мыслей звенел, звенел в нем вопрос, на который (мальчик понимал!) никогда не будет ясного ответа: «Кто вы? Кто?»

Но чувство сказочности уже уходило. Еще не понимая, в чем дело, мальчик смотрел на левый сапожок Юкки. И наконец под сердцем толкнулся привычно-тревожный болевой сигнал.

— У тебя нога болит, Юкки. Натер, да?

— Конечно, натер! — встрепенулась девочка.— Говорила я: не надевай на босу ногу...

Мальчик сбросил куртку, обошел костер.

— Ну-ка, сними...— Осторожно стянул сапожок. Юкки не спорил.

На пятке краснела мякоть лопнувшей пузырчатой мозоли.

— Говорила я,— шептала девочка.— Вот упрямый.

Юкки виновато сопел. Он откинулся назад, уперся локтями в траву.

— Болит?

— Ага...

Мальчик сел, вытянув ноги. Положил ступню Юкки себе на колено. Поднес к пятке ладонь.

— Ой...— сказал Юкки.

— Что?

— Не болит.

— Подожди... Лежи и молчи.

Минут через пять сырая краснота потемнела, закрылась корочкой.

Мальчик сказал:

— Ножик бы... Или хоть стекло острое.

Юкки дернулся.

— Да не бойся, ты,— засмеялся мальчик.

— У него есть ножик,— сказала девочка.— Дай сюда, трусишка.

Юкки сжал губы, завозил локтями, дотянулся до бокового кармашка, оттопыренного и захватанного. Вынул ножик с плоской перламутровой ручкой.

— Только он туго открывается. Чем-то надо подцепить.

— Ага... Не опускай ногу.

Лежа с задранной ногой, Юкки опасливо наблюдал, как мальчик монеткой давит на зацепку лезвия, пробует пальцем остроту. Мальчик встретился с ним глазами, опять засмеялся:

— Ты что, думаешь, я твою пятку оттяпаю?

Он поднял куртку, зажал зубами нижний угол, полоснул по краю. С натугой стал отрывать полосу. Пришлось еще несколько раз резать швы. И наконец получилась лента, похожая на узкое полотенце. Мальчик разрезал ее пополам. Не туго, но плотно обмотал Юкки ступню и щиколотку. Натянул сапожок.

— Вот так. Давай и другую ногу, на всякий случай.

Теперь сапожки сидели как влитые. Юкки встал, потоптался, благодарно повздыхал.

— Спасибо... А за сюртук тебе не влетит?

— За «сюртук» не влетит... Возьми ножик.

— Ага... Смотри, ты денежку уронил...— Юкки поднял из травы монетку.— Ой!

Конечно же, это была та самая, «десять колосков». Именно она попала мальчику под руку среди всей мелочи, когда пришлось раскрыть нож.

Юкки придвинул ладонь ближе к огню. Вместе с девочкой согнулся над монеткой, девочка сказала:

— Та самая...

— Что? Ваша? — почти испуганно спросил мальчик.

— Нет... Но у меня была такая в точности... Возьми...— Юкки, кажется, с большим сожалением протянул монетку.

Мальчик взял и почувствовал непонятную виноватость. Проговорил скованно:

— А этот вот... портрет на ней... Вы знаете, кто это такой?

— Конечно! — Юкки удивился: — А ты не знаешь? Это Юхан-музыкант. Про него книжка есть... И меня в честь его назвали,— в голосе Юкки скользнула горделивая нотка.

Девочка снисходительно сказала:

— Садись, музыкант...— Опустилась на корточки, потянула за руку Юкки. Он тоже сел. Девочка снизу вверх глянула на мальчика.— Ты позволишь нам еще погреться?

— Сидите хоть всю ночь! Огонь общий.— Мальчик чувствовал, как тепло ему от собственной ласковой заботливости, которую вызвали у него эти ребята. И от грусти близкого прощания.— Вы вот что... Возьмите ее...— Он набросил куртку разом на Юкки и на девочку. Она вам, как целая палатка.

Девочка высунула из куртки голову.

— А как же ты?

— А... на моей дороге она не нужна. Прощайте, я пошел.

Юкки тоже высунул голову и смотрел молча.

— Будете уходить — не забудьте загасить костер,— сказал ему мальчик как старшему. И повторил: — Я пошел...

Ясное ощущение, что не надо ждать утра, подгоняло его. Машины идут по тракту и сейчас! При удаче он мог бы оказаться дома к полуночи.

И к тому же не хотелось оставаться одному, когда уйдут ребята. Лучше уйти первому...

— Хоот векки...— вдруг полушепотом произнес Юкки. И быстро отвернулся. «Доброй дороги»,— без удивления понял мальчик. И сказал сам неизвестно откуда пришедшие слова — старое напутствие тем, кто уходит в дорогу вдвоем:

— Эммер пусам. Флейк цу флейк... (Будьте всегда вместе. Крылом к крылу).

И не оглядываясь, пошел сквозь темноту, полную листьев, хлестких веток и шипастых стеблей...

3

Через четверть часа, запыхавшийся и поцарапанный, он вышел на шоссе. Машин не было. Но через дорогу, наискосок, светилась желтым окошком автостанция. Та самая, Белые Камни. Теплое окошко потянуло мальчика к себе (где он слышал недавно про такое же?). Это был единственный свет в темноте дороги. Даже небо теперь совсем почернело, и не было видно в нем ни единой звезды. Зябкий ветер мел по асфальту пыль.

Мальчик подошел к станции. В помещение диспетчера войти он не посмел и решил спрятаться от ветра за домиком, под навесом. И здесь — вот подарок! — светилось еще одно окошко. В телефонной будке горела похожая на лимон лампочка. Высвечивала на дверном стекле надпись: «Междугородный телефон».

Это было новое чудо! Сказочная удача! Можно позвонить домой, чтобы не волновались! Ведь пятнадчиков-то полный карман... А что, если опустить в автомат «десять колосков»?

Мальчик даже засмеялся от такой мысли. В нем вспыхнула радостная уверенность, что счастливая монетка поможет. Телефон соединится моментально, разговор будет хорошим, все волнения разом улягутся. А потом он нажмет кнопку возврата, и денежка с портретом Юхана-музыканта упадет в ладонь. Вернется, как вернулась там, на мысу!

Но... она где? Она же осталась в кармане куртки!

Это ударило мальчика — будто холодная встречная ладонь. Сразу — ни удачи, ни сказки. Только зябкая ночь, шуршание ветра и тоскливый казенный свет лампочки.

Бежать назад? А найдешь ли в лесу костер? И есть ли он там? И что ты скажешь Юкки? «Отдавай монетку»? Он небось решил уже, что это подарок вместе с курткой...

А может быть, так и надо?

Может быть, так и задумано?

Задумано — кем? Кто его крутит на этой дороге между Лисьими Норами и Черемховском?

Страшно стало до озноба.

Но мальчик тряхнул головой, сердито дернул на плече сумку и усилием воли опять «вынес страх за скобки». «Никто меня не крутит! Сам вляпался в приключения, и нечего ныть! Кто велел уходить с парохода?.. Вот пойду сейчас и позвоню».

Но удача, кажется, в самом деле оставила его. В списке, что висел под треснувшим стеклом рядом с обшарпанным аппаратом, не было Черемховска.

— Ну вот...— прошептал мальчик и опустил руки. Перечитал еще раз. Нет Черемховска... Зато есть ненужные Лисьи Норы.

Ненужные? А что, если...

Сейчас около одиннадцати. Анна Яковлевна раньше полуночи не ложится. Его-то укладывала в десять, а сама...

Мальчик медленно, будто пудовую, снял трубку. В наушнике по-пчелиному загудело... Ох, как неохота звонить... Не то, что неохота, а просто стыдно. После всего, что было!

Ну, а зачем тогда опускаешь пятнадчик? Лучше иди, лови машину!

«Опустив монету, наберите цифру «один» и жди-

те прерывистого сигнала... Затем наберите код нужного вам города и номер абонента...»

— Алло? Я слушаю...

Мальчик вздрогнул — голос будто рядом.

— Алло! Кто это?

Тогда он сипло сказал:

— Это я...

— Ты? — Она узнала сразу.— Откуда?.. О, господи, что случилось?

— Да ничего такого,— ответил он с неожиданной, противной себе самому развязностью.— Такая штука. Пароход целые сутки полз, как черепаха, ну я и сошел в Вехе. Думал: покачу на автобусе. А его нету, и я застрял... Вы не могли бы позвонить домой, чтоб там паники не было?

— Постой... Я могу, да, но... Ничего не понимаю. Какая Веха?

— Ну, деревня такая, пристань... Только сейчас я в Белых Камнях.

— А почему ты говоришь «сутки»? Ты уехал сегодня вечером!

— Я?

— Господи, что с тобой? Откуда ты звонишь? Ты здоров?

«Стоп! — сказал себе мальчик.— Стоп... Ну-ка держись».

Еще немного, и он — одинокий, затерянный на ночной дороге отдался бы панике. С плачем бы кинулся в будку диспетчера: «Что со мной? Какой сегодня день? Я ничего не понимаю!» Но усилием всех своих мальчишечьих нервов он снова скрутил страх. И это было — как порог. За порогом он стал спокойнее. Тверже. «Потом разберешься,— приказал он себе.— А пока делай вид».

— Разве сегодня не третье число?

— Пока еще второе... Ты где?!

С деревянным смехом он сказал:

— Я заснул в каюте, и, наверное, мне показалось, что прошли целые сутки... Теперь ясно, почему нет автобуса. Он ходит по средам, а сегодня вторник... Ничего, доберусь.

— С ума сойти... Где ты там? Ты один?

— Да не один я. Здесь большой вокзал, буфет работает. И даже телевизор... И автобус уже скоро...

— Ты говоришь неправду,— устало сказала она.

— Правду... Не в этом дело.

— Боже мой, а в чем еще?

— Анна Яковлевна, вы меня извините, ладно?.. За все, что... ну, в общем, за то, что я такой был...

Она помолчала. Мальчик ясно представил, как левой рукой она держит трубку, а правой трет висок.

— Ох, как глупо у нас вышло,— наконец сказала Анна Яковлевна.— Это я сама... Ты не сердись на меня. Ты... славный.

«Вот этого я и боялся...» — Мальчик даже зажмурился.

— Нет, это я виноват,— выдавил он.

— Может быть, ты вернешься? А? — жалобно спросила она.

— Нет... Может, потом. А сейчас другая дорога...

— Да какая дорога? Среди ночи!.. Вот что! — Голос Анны Яковлевны обрел знакомую твердость.— Сиди на автовокзале в этих Белых Камнях. Я звоню папе. Он звонит Валерию Матвеевичу, и они на его машине едут за тобой.

— И дают мне нахлобучку.

— Заслуженную.

— Нет уж... Лучше поголосую на обочине.

— Я тебе поголосую! Делай, что велят... Кстати, почему ты сам не позвонил в Черемховск?

— Да нету с ним линии! С вами есть, а...

«Гу-у, гу-у, гу-у»,— басовито запели прерывистые сигналы. И вдруг стало очень тихо. И в этой прозрачной тишине голос девушки-телефонистки произнес:

— Кому там нужен Черемховск? Тебе, мальчик?

— Ага...— растерянно сказал он.

— Набери ноль восемьдесят шесть...

— Да его в списке нет!

— Набери, набери.

— У меня и денег больше нет...

Разговаривая с Анной Яковлевной, он сам не заметил, как высадил в щель все пятнадчики.

— Набери без денег...— И «гу-у, гу-у, гу-у...»

Что это? опять огонек удачи на дороге? Попробовать?

Несмелыми пальцами он покрутил диск. Тонко пело, позванивало, потрескивало в трубке. Потом пошли долгие гудки. Ох, какие долгие... И вдруг щелкнуло, сердитый голосок прокричал:

— Квартира Находкиных! Вам кого?!

— Майка!

— Павлик! Это ты?!

— Май-ка...— выдохнул он с ощущением, будто уже дома.— Это я. Ты чего не спишь? Позови папу.

— А папа и ма... тетя Зоя пошли в кино. На девять часов. И все их нет и нет...— Она всхлипнула.

— Перестань... Ты что, одна?

— Одна...

— Они спятили? Почему одну оставили?!

— Я сама осталась, потому что большая. Обещала спать...

— Ох ты, горюшко,— не сдержался Павлик.— Не спится птахе?

Она заревела.

— Ну-ка, перестань! — Павлик Находкин стал строгим братом.— Ты вот что...

— Я боюсь...

— Я понимаю. Ты вот что. Возьми этот страх и прогони. Скажи: «Пошел вон из меня!» Пусть сидит отдельно, где-нибудь на дворе...

— Ты мне зубы не заговаривай,— сказала Майка сквозь слезы, но уже бодрее.— Все куда-то исчезли, а я тут пропадай пропадом...

— А ты не пропадай! Папа и... они скоро придут!

— Лучше ты приходи скорее! Ты с автостанции звонишь? Уже приехал? Тетя Аня сегодня днем звонила, что ты на пароходе уплыл домой!

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

ФЕВРАЛЬ

пн.		6	13	20	27
вт.		7	14	21	28
ср.	1	8	15	22	
чт.	2	9	16	23	
пт.	3	10	17	24	
сб.	4	11	18	25	
вс.	5	12	19	26	

— Сегодня звонила?

— Ну да! Ты где?

— Майка! Пароход — это ведь долго! Я еще еду!

— Не морочь мне голову,— сказала она упрямо. Павлик знал этот капризно-твердый тон. Тут уж Майку не переубедишь.— Ты приехал и по телефону валяешь дурака. Немедленно домой!

— Да Майка же...

— Сию же минуту! — опять заплакала она.— Сию же минуту чтобы ты был дома!

Он увидел, как она растрепанная, с расплетенными косами, в мятой рубашонке стоит у телефона и, глотая слезы, топает голой пяткой: «Сию же минуту!»

И желание немедленно оказаться дома резануло Павлика Находкина нестерпимо. Ворваться в комнату, прижать Майку, вытереть ей, глупой, мокрые щеки... Закостенев с прижатой к щеке трубкой, он в то же время всеми нервами, всей душой метнулся к себе — на Онежскую улицу, к трехэтажному угловому дому.

...И на миг показалось даже, что он в Черемховске.

Телефонная будка такая же, как рядом с городским автовокзалом. Все такое же — аппарат, лампочка, даже извилистая щель на боковом стекле. И так же красные искры дрожат на изломах трещины — будто от горящей рекламы «Пользуйтесь услугами Межгоравтотранса...» А на самом деле откуда? Хвостовые сигналы машин? Так много? Колонна идет, что ли?

Вывернув шею, Павлик глянул через стеклянную дверь...

«Пользуйтесь услугами... — ежгоравтотранса!» Буква «а», как всегда, не горит...

— Сию же минуту марш домой! — плакала в трубке Майка.

Павлик, обмерев, постоял секунду. Медленно повесил трубку. Вскрикнул и двумя ладонями толкнул дверь.

Тепло было в городе Черемховске. Безветренно. Пахло нагретым за день асфальтом, подсыхающими тополями, бензином и садовым шиповником с ближнего газона...

Этого не может быть!

Но сознание Павлика, защищаясь от непосильного чуда, уже подбросило спасительную выдумку. Будто была попутная «Волга» с добрым пожилым пассажиром и молчаливым водителем. И она, эта машина, в шуршании колес и свисте встречного воздуха стремительно донесла полусонного мальчишку от Белых Камней до Черемховска. Павлик даже ясно представил эту «Волгу» — с ковровым сиденьем, с мурлыкающим магнитофоном и пляшущим игрушечным лягушонком на ветровом стекле...

Павлик метнулся глазами к часам на вокзальной башне. Если он ехал на машине, то времени сейчас не меньше полуночи. Но ветки растущего за дорогой тополя заслоняли циферблат.

А под тополем, в круге света от ближнего фонаря сидели на рюкзаках студенты. Негромко звенела гитара, напомнив песню об Угличе.

Павлик шагнул в сторону, чтобы все-таки взглянуть на часы. Но тут же стало не до них: шурша и приседая на рессорах, подкатил к остановке — рядом с будкой! — желтый городской автобус. И Павлик понял, что через десять минут он может оказаться у себя на Онежской!

Он бросился через тротуар, вскочил в заднюю дверь.

Часто дыша, встал он у тумбочки со стеклянной кассой, зашарил по карманам. И вспомнил — все деньги спустил в телефон. В кармане — лишь пуговица от парусиновой куртки... Ну и пусть. Пассажиров мало, никто не смотрит на мальчишку. А контролеры в такую пору не ходят...

Плафоны мигнули, автобус поехал. Павлик опустился на заднее сиденье, положил на колени сумку. Привалился к упругой спинке. Спокойствие сошло на него, словно кто-то провел по лицу и плечам прохладными ладонями.

Пуговицу он все еще держал в ладони. Обтянутая парусиной, она была тяжелая, наверно, металлическая внутри.

С левой стороны, у железной петельки, парусина была стянута нитками. Нитки разошлись. Кромки материи лохматились и распускались. Павлик потянул кончик. Нитка выдернулась, и края парусины раскрылись, как бутон. Павлик увидел черную изнанку пуговицы с мелкими буквами по кругу. Он не стал разбирать их, стряхнул клочок материи, перевернул пуговицу.

Чистая свежая медь заблестела под плафоном. Искорка скакнула на витой ободок. На маленький якорь. На рукоятки скрещенных шпаг. На половинку солнца, увенчанного острыми лучами...

Разом не стало спокойствия. Медленно, гулко заударялось сердце. И все вернулось к Павлику — пароход, Пассажир, мыс Город, ночной лес, Юкки с девочкой... И не только это. Еще и ожидание чего-то нового — тревожного и зовущего. Такого, от чего не уйдешь, не спрячешься.

Да он и не хотел уходить! Не хотел прятаться! Только сначала — чтобы не плакала Майка!

...— Мальчик на заднем сиденье! У тебя есть билет? — Усатый шофер вышел из кабины и встал у открывшейся передней двери. А заднюю не открыл.

— Конечно, есть. Вот...— Павлик надел сумку и очень спокойно пошел через автобус. В протянутом кулаке он сжимал пуговицу. В шаге от водителя Павлик присел, нырнул под шоферскую руку и оказался на свободе. Помчался, слыша за спиной басовитую ругань и обещания.

Дом был уже недалеко. И путь под уклон! Сейчас будет поворот — и дом сразу виден! А в нем — светлое окно на втором этаже, Майка наверняка не спит, ждет.

Еще немного!

Павлик не бежал — летел. Сумка не успевала за ним, летела на ремешке сзади. Козырек переверну-

СЕНБЕРНАР

В Швейцарских Альпах на Великом Сент-Бернардском перевале есть монастырь, где в приюте уже несколько веков разводят породу собак, получившую имя этих мест. Из всех крупных собак сенбернары самые большие и благородные. Эти собаки—горные спасатели. Сенбернар по кличке Лев спас 30 человек. Другой, Барри,— 40, включая потерявшего сознание ребенка, которого он снял с ледяного уступа, куда ни один человек добраться не смог. Барри проработал в горах 12 лет. Последние два года жизни он провел в Берне, на заслуженном отдыхе, окруженный заботой и уважением людей. По традиции имя Барри дают в приюте монастыря самой красивой собаке.

той кепки вибрировал на затылке, как трещотка воздушного змея.

И в то же время странное, не похожее на бег ощущение не оставляло Павлика. Будто он не только мчится. Будто в то же время он сидит на скамье нижней палубы рядом со старым Пассажиром. И смотрит, как плывет в небе край обрыва с тонким силуэтом мальчишки.

...Монетка звякнула.

— Это моя! — Буфетчица накрыла ее пухлой ладонью.

Пассажир быстро нагнулся. Деликатно, но решительно взял тетушку за перетянутое браслетом запястье.

— Оч-чень прошу прощения, но это не ваша. Таких у вас быть не могло, смотрите сами... Убедились? Вот так-то...

Он проводил глазами смущенную буфетчицу и повернулся к мальчику. Мальчик дернул себя за губу и решился, спросил:

— Значит, они догонят Гальку?

— Будем надеяться. Только это все равно не конец истории. У нее, наверное, до сих пор нет конца.

— Как у дороги?

Павлик по диагонали проскочил перекресток с одиноким фонарем. Асфальт сквозь натертые резиновые подошвы крепко бил по ступням. Угловой дом в конце квартала накатывался навстречу, как пароход. И окно на втором этаже светилось!

Павлик, хватая ртом воздух, смеялся на бегу. И сжимал в кулаке тяжелую пуговицу. И чувствовал, как впечатывается в горячую ладонь командорский знак. Якорь — символ надежды, скрещенные шпаги — эмблема чести и встающее солнце — душа всего живого на нашей планете.

КОНЕЦ

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Даниил ХАРМС

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА В ЛЕС

Когда на улице мороз,
а в комнате пылает печь,
когда на улице так больно щиплет нос
и снег спешит на шапку лечь,
и под ногами снег хрустит
и падает за воротник,
и белый снег в лицо летит
и человек весь белый вмиг,
тогда мы все бежим бегом
на зимнюю площадку,—
кто свитр подпоясывает кушаком,
кто второпях натягивает теплую перчатку.

Вожатый дышит на морозе паром
и раздает нам лыжи.
Мы надеваем лыжи и становимся по парам.
Вперед становится кто ростом ниже,
а сзади тот, кто ростом выше. И вот
вожатый сам на лыжи влез,
он поднял руку, крикнул: «В ход!»
И мы бежим на лыжах в лес.
Бежим на лыжах с снежных гор.
Мы по полю бежим,
с холмов бежим во весь опор,
хохочем и визжим.
И снег летит нам прямо в рот.
И Петька, самый младший пионер, кидается снежком.
Кричит вожатый: «Поворот!»
Но круто поворачиваться мы на лыжах не умеем и поворачиваемся пешком.

Вот мы в лесу, в лесу сосновом,
бежим на лыжах мы гуськом. И снег визжит.
Вот пень с дуплом — уютное жилище совам.
Вон дерево, поваленное ветром, поперек пути лежит.
Вот белка пролетела в воздухе над нами.
Вон галка села на сосну и с ветки снег упал.
«Глядите заяц!» — крикнул Петька, замахав руками.
И верно, заяц проскакал.

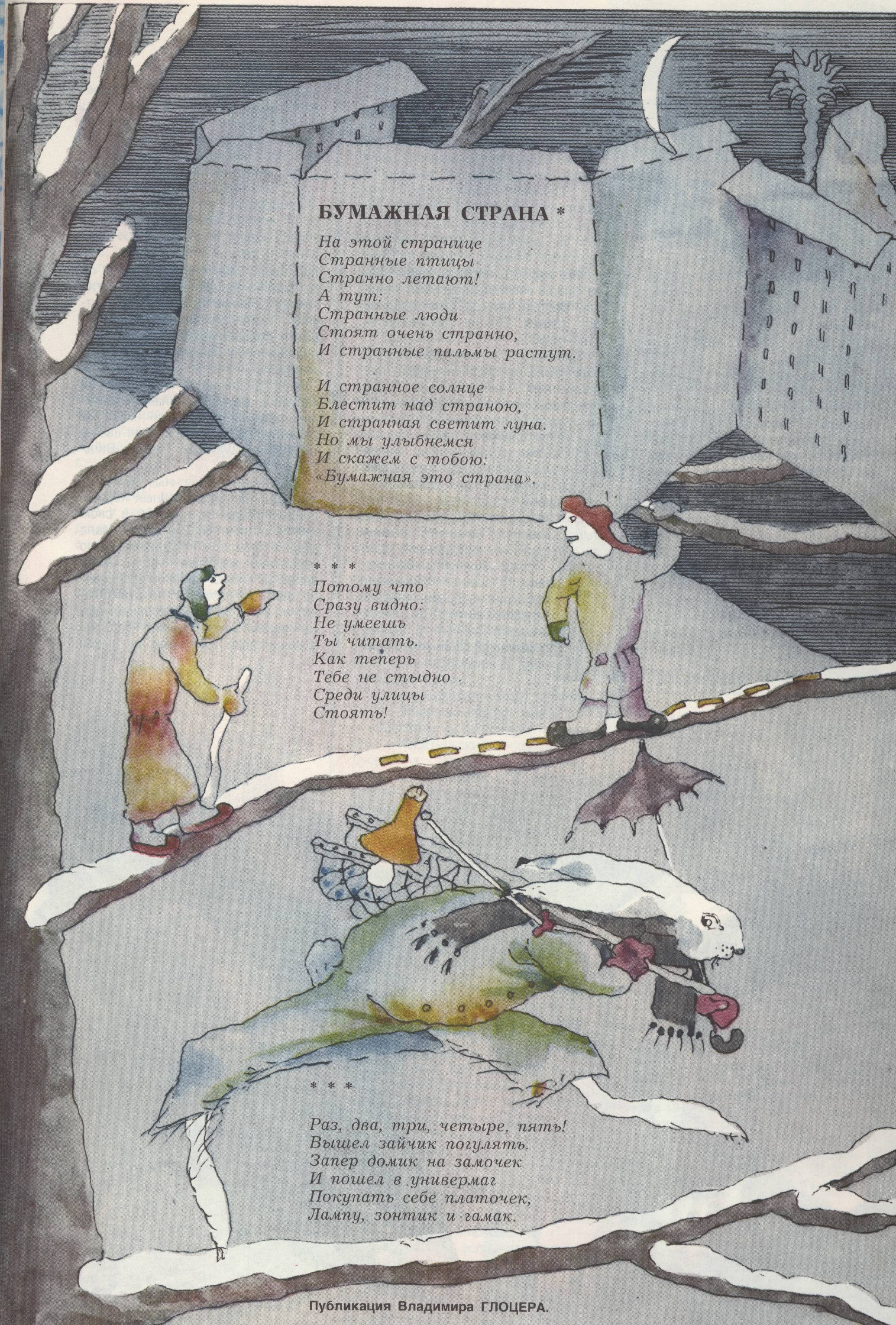
Мы бегаем в лесу, кричим «ау», хватаем снег в охапки.
Мы бегаем в лесу поодиночке и гуськом и в ряд.
Мелькают между сосен наши шапки,
и щеки наши разгорелись и горят.
И мы несемся там и тут,
и силы наши всё растут.
Мы сквозь кусты и чащи лупим.
Мы комсомольцам не уступим!

4 декабря 1931 года.

Рисунки Ю. ВАЩЕНКО.

Рассказы и стихи Даниила Хармса журнал «Пионер» опубликовал в 1987 году (№ 10) и в 1988-м (№ 5). И тогда же рассказывал о Данииле Хармсе. И вот еще несколько неизвестных стихотворений поэта, которые печатаются по автографам, хранящимся теперь в Рукописном отделе Пушкинского Дома и в Отделе рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
Заглавие, отмеченное звездочкой, дано мной.

Владимир Глоцер

БУМАЖНАЯ СТРАНА *

На этой странице
Странные птицы
Странно летают!
А тут:
Странные люди
Стоят очень странно,
И странные пальмы растут.

И странное солнце
Блестит над страною,
И странная светит луна.
Но мы улыбнемся
И скажем с тобою:
«Бумажная это страна».

* * *

Потому что
Сразу видно:
Не умеешь
Ты читать.
Как теперь
Тебе не стыдно
Среди улицы
Стоять!

* * *

Раз, два, три, четыре, пять!
Вышел зайчик погулять.
Запер домик на замочек
И пошел в универмаг
Покупать себе платочек,
Лампу, зонтик и гамак.

Публикация Владимира ГЛОЦЕРА.

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Борис КАМИР

В Нюрнберге — городе-гнезде, где зарождался гитлеризм, шел судебный процесс. Процесс века. Освобожденные от фашизма народы судили главарей германского «райха».

...Допрашивали Геринга, толстомордого висельника, верховного правителя военно-воздушных армад вермахта — вооруженных сил — и «по совместительству» грязного стяжателя, коллекционера бесценных сокровищ, награбленных в музеях, дворцах и замках покоренных стран.

На вопрос Главного советского обвинителя, признает ли подсудимый, что, направив войска на Восток, гитлеровский генштаб совершил «величайшее преступление», Геринг сквозь зубы процедил, что они «поступили опрометчиво», ибо «многого не знали и о многом не подозревали». Он пытался вызвать к себе жалость, оправдываясь: «Мы не знали советских русских. Человек Востока всегда был загадкой для Запада. Это не преступление, это — рок...»

Именно в эту минуту присутствовавший на процессе военный корреспондент «Правды» Борис Полевой, ошеломленный лицемерием фашистского босса-головореза, вспомнил удивительную историю, заполнившую его на всю жизнь. Летом 1943 года, в конце Орловской битвы, он познакомился с летчиком — командиром эскадрильи — широколицым, черноволосым, крепко сбитым человеком. Ночь они провели за беседой в аэродромной землянке. Позже Полевой напишет: «Он вернулся, веселый и свежий, с каплями воды на бровях и волосах, притушил фитиль в лампе и стал раздеваться. Что-то тяжело грохнуло об пол. Я оглянулся и увидел такое, чему сам не поверил: он оставил на полу свои ноги. Безногий летчик! Летчик-истребитель! Летчик, только сегодня совершивший шесть боевых вылетов и сбивший два самолета! Это казалось невероятным!»

И в дневнике о Нюрнбергском процессе Борис Николаевич написал: «Вот он, этот «рок», который решил исход войны и бросил вас на скамью подсудимых, Герман Вильгельм Геринг».

Справедливые, точные слова!

...День за днем военный корреспондент-правдист посылал в свою газету острые сообщения из зала суда и вместе с тем ежеминутно испытывал жалящее чувство недовольства собою. «Безногий летчик» не давал ему покоя. И неудивительно, что в сверхранние утренние часы на чистом листе бумаги, добытой в канцелярии Трибунала, он вывел

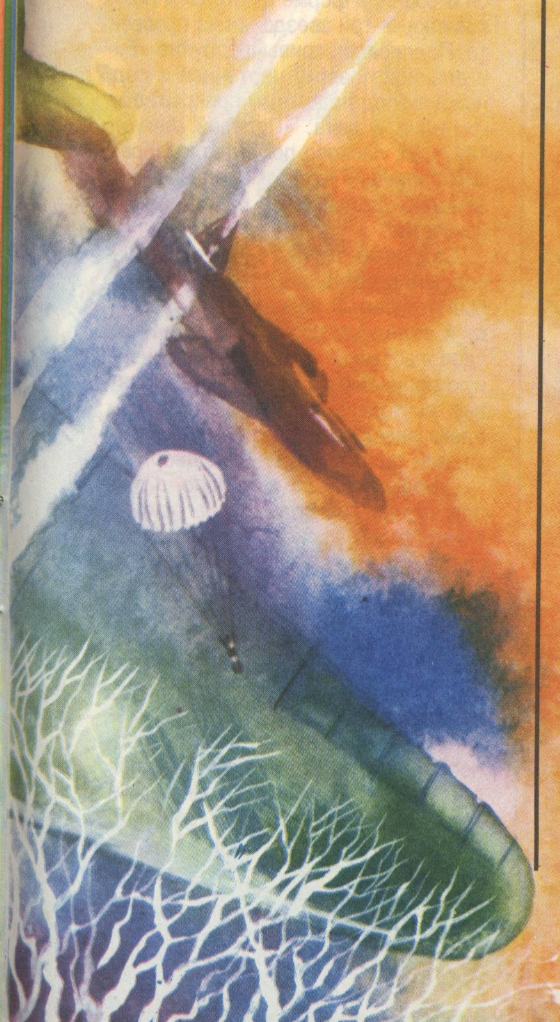
твердой рукой: «Повесть о настоящем человеке» — и достал из полевой сумки заветную тетрадь «Дневник полета 3-й эскадрильи», подаренную ему тем самым безногим летчиком во время их ночной беседы в аэродромной землянке.

Писалось Борису Николаевичу в «неприсутственное время» необыкновенно легко, и трудно поверить, но это истинный факт — свою выстраданную жизнью повесть он написал за девятнадцать дней.

Оставалось высветить еще одно обстоятельство. За давностью времени Борис Николаевич не знал, жив ли его знакомый, дожил ли он до Победы или, к несчастью, сбит где-нибудь на пути от Курска до Берлина. Ведь после их встречи прошло более трех лет.

Да, судьба героя только что рожденной книги оставалась неизвестной...

...Добрых гостей принято встречать у входа. Мы не изменили традиции и ждали сотворцов «Повести о настоящем человеке» — писателя Бориса Николаевича Полевого и летчика Алексея Петровича Маресьева у себя в «альма-матер» — родном издательстве, Детгизе, на 3-м этаже в Малом Черкасском.

Борис Николаевич неуловимо изящным жестом пропустил своего спутника вперед, и Алексей Петрович, улыбаясь и здороваясь, довольно быстро пошел по узкому коридору. Человек, не знавший всей истории гвардии майора со звездой Героя на груди, никогда не догадался бы, что у этого военного вместо ног протезы. Свободной и даже легкой была его походка. Лишь на коридорном повороте зоркий глаз мог заметить легкое покачивание идущего. О таких говорят: «Ходит вразвалочку...»

В пасмурно-хмурый мартовский день и была встреча, о которой «Литературная газета» в субботнем номере за 15 марта 1947 года поместила вверху полосы заметку под интригующим заголовком «Герой вносит поправку» и рядом дала фотографию участников беседы.

Собрались у Людмилы Викторовны Дубровиной. Она хорошо знала Бориса Николаевича Полевого, военного корреспондента, полковника. В дни войны Дубровина, оставаясь директором детского издательства, была майором — фронтовым лектором Главного Политического Управления Красной Армии, регулярно выезжала в действующую армию.

Легко представить нашу радость, когда появился журнал «Октябрь» с «Повестью о настоящем человеке». Издательский «квинтет» — Дубровина, Пискунов, Компаниец, Кротова и пишущий эти строки — принял неслыханно смелое по тому времени решение: печатать «Повесть о настоящем человеке» одновременно и в «Новинках детской литературы» (детгизовская «Роман-газета», печатавшаяся на газетной бумаге), и отдельной книгой с иллюстрациями.

— «Повесть о настоящем человеке» — книга народная,— говорила Людмила Викторовна,— и ее должен знать каждый школьник.

Разговор, естественно, начался с загадочной фразы автора в последнем номере журнала «Октябрь»: «С тех пор я не встречал Алексея Мересьева...

После того, как книга эта была написана и приготовлена к печати, мне захотелось перед публикацией познакомить с ней ее главного героя. Но он бесследно затерялся для меня в путанице бесконечных фронтовых дорог, и ни наши общие друзья летчики, ни официальные источники, к которым я обращался, не смогли мне помочь отыскать Алексея Петровича Маресьева».

Здесь уместно вспомнить, что пи-

Борис Николаевич Полевой.

Герой Советского Союза А. П. Маресьев и Б. Н. Полевой в Издательстве детской литературы 12 марта 1947 года. На снимке (слева направо): Б. Полевой, художник В. Щеглов, Герой Советского Союза гвардии майор А. Маресьев, редактор Б. Камир, директор Детгиза Л. Дубровина и редактор Б. Лунин.

Обложка «Повести о настоящем человеке» в «Новинках детской литературы», 1947.

сатель, дабы избежать каких-либо неточностей в мелочах, изменил одну букву в фамилии героя «Маресьев — Мересьев» и по-новому назвал тех, кто с ним общался.

Но жизнь не стоит на месте. Прошло несколько месяцев, и «белые пятна», беспокоившие автора, прояснились. Первую весть принесла мама Алексея Петровича. «Послушай, сынок, это же про тебя»,— сказала она, услышав передачу по московскому радио. Да, это было о нем — летчике Маресьеве — и он тут же позвонил домой Борису Николаевичу. «Мне бы хотелось с вами встретиться»,— зазвучал в трубке хрипловатый, мужественный, как будто знакомый, но уже позабытый голос»,— напишет позже Полевой. «А с кем я разговариваю?» — «С гвардии майором Алексеем Маресьевым».

Они встретились. Теперь уже на долгие-долгие годы. И послесловие к «Повести о настоящем человеке» дополнилось новыми сведениями о военной судьбе Маресьева. После памятного разговора в землянке он сбил под Орлом трех фашистских ястребов, а в битвах за Прибалтику его боевой счет увеличился еще на два самолета противника. Высшую награду Родины — звание Героя Советского Союза — заслужил Алексей Петрович Маресьев, чье мастерство пилота при тяжком физическом состоянии (он летал без обеих ног) оказалось выше обычных человеческих возможностей.

Наше желание быстро дать «Повесть» юному читателю осуществилось.

К «Новинкам» (они получили очередной номер 20—21) Борис Николаевич написал обращение к юным читателям. Поскольку оно публиковалось один лишь раз (именно тогда, в 1947 году), приводим его здесь полностью:

Дорогие ребята!

Меня часто спрашивают — под силу ли человеку совершить то, что совершает герой этой книги. Ведь многое из рассказанного в ней кажется невероятным. На эти вопросы я с удовольствием отвечаю — да, под силу!

Судьба героя этой повести лишний раз говорит о том, на какие высоты самоотверженного подвига поднимается человек, одухотворенный идеей большевизма.

Все, о чем я рассказываю, действительно произошло с Героем Советского Союза Алексеем Маресьевым. Пример его показывает, что для Настоящего Советского Человека в жизни нет непреодолимых препятствий.

Москва. Июнь 1947 г.

Б. Полевой.

...Вечером после служебного дня я спускался на эскалаторе станции метро «Дзержинская». Ступенькой ниже стоял парнишка лет 14 в расстегнутой замызганной курточке. Наклонив голову, он прильнул глазами к какому-то печатному листку с двухколонным набором и броской надписью: «Часть вторая».

Любопытно, подумалось мне: сигнального экземпляра «Новинок» у нас в редакции еще не было, а в руках у парнишки — я это отчетливо видел — знакомые мне страницы из «Новинок». «Тут что-то не то»,— решил я и наутро позвонил давнему знакомому, печатнику фабрики «Детская книга № 1» Ефиму Тарасовичу Тарасову. Он нисколько не удивился моему звонку. «У нас в ротационном целое ЧП. Растаскивают Полевого по страничке. Добро бы брали приправочные листы, они краской подпорчены, а то хватают прямо из тиража. Сладу нет с этими охальниками-фэзэушниками, хоть и польза от них, а все же...»

Да, такого еще не было. Популярность «Повести...» огромная: читают листы прямо из машины, берут с собой на обед и, чего греха таить, уносят домой. Успех успехом, но мириться с подобными вещами невозможно. Охрану в цехах и у машин усилили, а наиболее рьяных досматривали в проходной...

Прошло несколько дней. В красном уголке типографии полным-полно народу. Повидаться с автором «Повести о настоящем человеке» пришли все свободные от смены. Борис Николаевич охотно отвечал на вопросы. Суд в Нюрнберге. Разгромленный рейхстаг со стенами, испещренными надписями: «Я — Иван Шадров в Берлине». Бункер — последнее пристанище фюрера. Труп Геббельса и безжизненные тела жены и отравленных им детей. Геринг и его смрадные оправдания о «роке». И, конечно, все, что касается героя из героев — летчика Маресьева, летавшего без обеих ног и не знавшего поражения. Вопросам несть числа...

Рисунок И. ПАНКОВА.

Разговор подходил к концу. Борис Николаевич от усталости взмок, прядь волос прилипла ко лбу. И в ту минуту, когда он с помощью директора типографии Агальцова пробирался к выходу, к нему подошел какой-то малец из фабричных учеников в курточке и черной косоворотке с белыми пуговицами и, явно смущаясь, сунул ему в руку книжку в светло-желтой обертке. «Это вам, товарищ писатель. Сам смастерил. Если что, не взыщите...» И мы, шедшие рядом, узнали долгожданный экземпляр «Новинок» с «Повестью о настоящем человеке». Но экземпляр этот был не фабричный со швейного потока переплетного цеха, а самодельный, по левому краю выделялись крупные стежки суровых ниток,и сшивка была грубая, ручная, «шилом на прокол», как шутят переплетчики.

Борис Николаевич явно растерялся, но, благороднейший из благородных людей на свете, он понял, что этот мальчишка-фэзэушник дарит ему самое дорогое, чем обладает. «Спасибо за первенца»,— улыбнулся писатель и, вынув из кармана пиджака роскошную заморскую шариковую диковинку, поставил подпись под фотографией на обложке: он в военной форме с погонами полковника — три звездочки на просвете. Подписался привычно: буква «Б» с длинной поверху черточкой и под ней, как под надежным прикрытием, фамилия и дата: «Полевой. Август 1947». И, ласково поглядев, возвратил парнишке его самодельный экземпляр, далекий от переплетного искусства.

Свирепый взгляд директора не осложнил ситуации. Мальчик, а это был тот самый незнакомец, которого я видел на эскалаторе, с явным удовольствием схватил драгоценную реликвию из незаконно собранных листов и моментально смылся, благо двери из красного уголка выходили прямо в открытый двор.

...Больше 40 лет прошло с тех пор. Никогда больше не видел я того типографского ученика-фэзэушника, но верю, что он жив, что подобных ЧП в жизни его уже не было, а самодельный экземпляр «Повести о настоящем человеке» с авторской подписью бережно хранится у него в семье. И кто знает, попадется ему на глаза эта публикация, и он вспомнит во всех подробностях, как впервые познакомился с одной из самых невероятных и героических историй военного времени.

ЗЕЛ СВЯЗИ

ЗРЯ ИЛИ НЕ ЗРЯ?

ИЗ ДОЛГОЙ ПЕРЕПИСКИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

НЕУЖЕЛИ БЫВАЕТ долгая переписка? И есть счастливчики, которых прямо-таки в редакции по почерку узнают? Честно говоря, не так уж много, но есть. Пишешь им, пишешь, и опять что-то не так, опять все сначала! К ответу, редакция! И опять все зря?.. А может, и не зря... Вы-то как считаете?

«Дорогая редакция! Совсем это зря вы нам ответили, что нет невидимок и нет случаев, чтобы ни с того ни с сего падали вещи, открывались двери. Наша новая молодая учительница в это поверила и перестала ходить по поселку, загонять нас домой. И вот из «Пионера» пришел отрицательный ответ, что двери могут хлопать и без телепатии или передачи магических сил. Учительница снова ходит за нами по вечерам. Подтвердите, что сейчас многие волки бродят по поселкам под видом собак и называются собаковолки.

Ваши по-прежнему — Ира и Шура, Читинская обл.».

«За время, которое я с вами переписывался, я узнал много нового. Но у меня в голове столько «почему», что я шлю вам еще четыре.

Дима Д., г. Киев».

«Здравствуй, «Пионер»! Ты, наверное, в курсе, что перестройка в школе многое изменила. Например, раньше ждали, пока тебя кем-нибудь выберут. Сейчас можно не ждать, а самому себя выдвинуть. А мне из вашей редакции ответили, что прежде чем выдвигаться, надо подумать, что я за человек, выучусь ли на лидера, и вообще хороший ли я. Ну при чем это, если я выдвигаюсь на заместителя барабанщика? Ответьте срочно.

Клим Воронов, г. Донецк».

«Дорогая редакция, я так рада, что вы опять мне ответили. Спрашиваете, почему же так часто плачет моя мама. Зря вы там все так близко принимаете к сердцу! Теперь я решилась и объясню, что — да, зря! Пишу и сама плачу. Класс наш хороший, но везде могут быть плохие люди. Я привыкла с детства быть отличницей. А теперь какими-то внутренними силами вынуждена плохо учиться. Вот пример. Я ответила на пять. Учитель говорит «молодец». На следующий вопрос опять отвечаю. Учитель говорит: «Почему стараются одни и те же?» А сзади сидят двое и, как судьи, ставят на листке кресты. Сколько меня похвалят — столько крестов. Потом выбирай — или их задабривать, или «откупаться», или тупеть на глазах. Зря меня не уговаривайте, я решила! Постепенно можно привыкнуть не читать книжки. Разучиться грамотно писать. Наверное, можно и совсем отвыкнуть писать. Навеки забыть неправильные английские глаголы. Цифры. Буквы. Тренируюсь перед зеркалом, чтобы были глупые глаза. И зря не уговаривайте, будто бы я не смогу!

Катя Д., г. Тольятти».

«Добрый день, «Узел связи»! Это опять я. Дела стали лучше. За лето (уже вам писал) я подрос и уже не самый малорослый. На кличку «фрикаделька», по вашему совету, не обращаю внимания, помните, моя фамилия Фрикасов и я был похож на девчонку. Вы были правы, главное, характер — и отпор давать! Мужские дела! Так что зря вы меня опять в письме жалеете. Только зачем же вы сами в двух ответах мне написали: «Здравствуй, наш дорогой Фрикаделька!»

Коля Фрикасов, г. Сыктывкар».

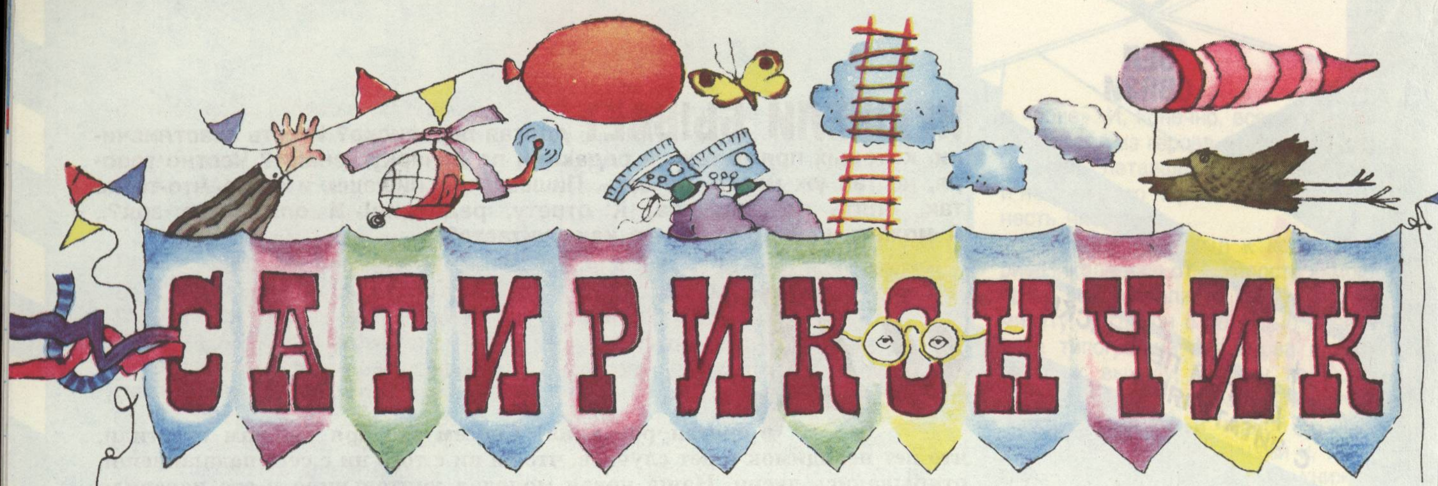
«...Зря уже в третий раз, редакция, вы мне намекаете, что в моих стихах, кроме таланта, должны быть рифма, размер и содержание.

Света Гоц, г. Сызрань».

«Спасибо, «Пионер». Я получил ответ с адресами, куда можно пойти учиться на артиста цирка, ветеринара, летчика, суворовца или же инструктора парашютного спорта. Спасибо. У меня к вам будет небольшая просьба. Напишите, пожалуйста, куда можно пойти учиться на зубного врача, на высотника-монтажника, сварщика или следователя по особо важным делам?

Володя Клыпин, г. Кировоград».

Рисунок К. БАТАШЕВОЙ.

СТИШОК(-ИЩЕ)

Борис ЗАХОДЕР

ЧУДОВИЩНАЯ ИСТОРИЯ

**Жило-было Чудище,
Юное страшилище.
Росту — непомерного,
Непомерной силищи.**

**Жило припеваючи
В преогромной ямище
У своих, у любящих
Папищи и Мамищи.**

**Бегало на гульбища,
Сходбища и сборища.
Обожало зрелища,
В частности — позорища.**

**И — как это свойственно
Кой-каким сокровищам —
Обещало вырасти
Форменным Чудовищем...**

**Но однажды вечером
В мирном обиталище
Разразился
Истинно чудовищный
Скандалище:
На каком-то гульбище
Дорогое детище
Прогуляло папино
Выходное вретище!**

**...Долго предки детищу
Чистили седалище;
А когда закончили —
Сами же рыдали еще!**

**А потом воскликнули:
— Милое Страшилище!
Брось ты эти глупости —
Попадешь в узилище!**

**Поступи, как умное,
Славное чудовище —
Поступи в училище,
Наше ты сокровище!**

**И тогда со временем
(В недалеком будущем)
Станешь ты воспитанным
И ученым Чудищем!..**

**...Всю-то ночь проплакало
Бедное Страшилище,
А к утру одумалось —
И пошло в училище.**

**В лучшее училище:
В ОВОЩЕХРАНИЛИЩЕ!!!**

ПРО МАЛЬЧИКА ЛЕШУ

Сергей СЕДОВ
ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

Однажды Леша превратился в березку. Стоит, листочками шевелит...

А какой-то турист посмотрел на Лешу и говорит:

— Хорошая березка, надо ее срубить!..

И как замахнется на Лешу топором!

А Леша подцепил его за шиворот, приподнял повыше, снял с него штаны и стал учить его УМУ-РАЗУМУ — одной своей тоненькой веточкой,— бьет и приговаривает:

— Не руби березок — не руби елок — не руби дубков — не руби сосенок — не руби вишенок — не руби ясеней — не руби рябинок — не руби баобабов...

Леша мно-о-о-о-о-ого деревьев знал!

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМЧИК

Григорий ОСТЕР

* * *

Если вы еще нетвердо
В жизни выбрали дорогу
И не знаете, с чего бы
Трудовой свой путь начать,
Бейте лампочки в подъездах,
Люди скажут вам «спасибо»,
Вы поможете народу
Электричество беречь!

АБЗАЦ

СДЕЛАЙ САМ

На вопрос дедушки, когда он будет делать домашние уроки, Витя С. ответил: «Сделай сам».

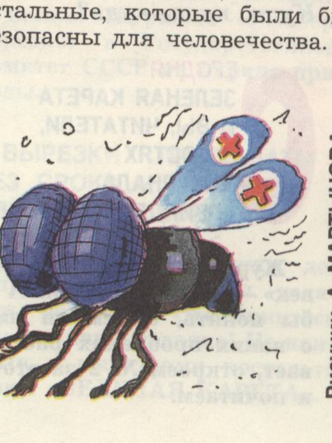
НОВЫЕ ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ

Новые традиции разрабатывают школьники города Средидолинска. Теперь, когда в городской транспорт входит старший, все сидящие ученики встают, вежливо улыбаются вошедшему, говорят «Здравствуйте» и садятся на свое место.

РАДИ НАУКИ

Пять лет тренирует свою муху Вася К. Он хочет добиться, чтобы она переносила не заразные болезни, а все остальные, которые были бы безопасны для человечества.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

Летит, летит Карета —
Прекрасный остров лета,
Дождей, цветов и гроз,
Тропинок, рек, стрекоз.
Она — смотри! — живая,
Увитая плющом,
Зеленая, большая —
Природы чистый дом.
Туман за ней клубится,
И хлюпает вода...
Куда Карета мчится?
Куда, куда, куда?

СЕГОДНЯ ЗЕЛЕНАЯ КАРЕТА И ВЫ, ЧИТАТЕЛИ, В ГОСТЯХ У ЖУРНАЛА «ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК»

Журнал «Природа и человек» — экологический. А чтобы понять, о чем он пишет, о каких проблемах рассказывает, откроем № 2 за этот год и почитаем.

Андрей БОРОДЕНКОВ,
наш специальный корреспондент

Пар из котла

Событие это наделало шума. Не так уж часто закрывают у нас предприятия по соображениям экологического порядка. А здесь закрыли. И не где-нибудь, а в крошечном, затерянном в тайге поселке Архангельской области.

Расположенный на берегу реки Волошки в поселке с одноименным названием, целлюлозный завод № 5 не имеет и никогда не имел очистных сооружений. За долгие годы его стоки — а это 14 тысяч кубометров в сутки — принесли реке и людям, живущим на ее берегах, немало бед. Теперь на 60 километров от завода ниже по течению Волошка практически мертва, а ее бурые воды источают густые сернистые миазмы. К этому жители уже привыкли. Однако нынешней зимой произошло невиданное. У прорубей слой дохлой рыбы достигал дна. Весной погибшие мальки, как песок, усыпали берега. Причем берега не только Волошки, но и принимающей ее воды Онеги...

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Время дождя

ПОВЕСТЬ *(продолжение)*

...Павор поднялся и подошел к окну.

— Ну и погодка,— сказал он с тоской.— Уехать бы отсюда поскорее... Дадите вы мне книгу или нет?

— У меня нет книг,— сказал Виктор.— Все, что я с собой привез, все в санатории... Слушайте, а зачем мокрецáм наши дети?

Павор пожал плечами.

— Это же больные люди,— ответил он.— Откуда нам знать? Мы-то с вами здоровые.

В дверь постучали, и вошел Голем, грузный и мокрый.

— Спросим Голема,— сказал Виктор.— Голем, зачем мокрецам наши дети?

— Ваши дети? — сказал Голем, внимательно разглядывая этикетку на бутылке с джином.— У вас есть дети, Павор?

— Павор утверждает,— сказал Виктор,— будто ваши мокрецы настраивают городских детей против родителей. Что вы об этом знаете, Голем?..

Лев ГУМИЛЕВ

Этногенез и биосфера Земли

Творчество или жизнь? На первый взгляд этот жестокий вывод поражает пессимизмом. Но это только на первый взгляд. Подумаем, нужна ли людям вечность прозябания? «Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви...»?

Разве не лучшее, что есть в людях — это способность к творчеству? Но ведь это влечет за собой невосполнимую затрату жизненной энергии организма человека. А если речь идет о системе высшего порядка — этноса, то и тут закономерность та же самая. Победа над сильным врагом в освободительной или завоевательной войне уносит многих героев и заложенные в них гены; однако стоит ли предпочесть такой

жертве постыдное рабство? Преобразование ландшафта, открытие новых стран, а в наше время — планет, изнурительная работа в лаборатории или библиотеке не по обязанности, а за совесть отрывают людей от семьи либо вообще мешают ее созданию. Но ведь мы чтим имена Колумба и Магеллана, Пржевальского и Лингвистона, Эвариста Галуа и Анри Пуанкаре, Огюстена Тьерри и Дмитрия Ивановича Менделеева, сгоревших в работе. А художники? Рембрандт и Ван Гог, Андрей Рублев и Михаил Врубель; и поэты, и композиторы, а уж героев, сражавшихся за отечество, можно даже не перечислять, так как такие примеры известны каждому. Многие из них не оставили следа в генофонде, но этой жертвой воздвигли здание культуры, поныне восхищающее потомков...

Советы специалиста

О дурных привычках

Американские специалисты выделяют пять основных проблем, возникающих при воспитании кошки.

1. Капризный и агрессивный кот. Истоки такого поведения, видимо, в том, что котенком он не знал никаких запретов. Как поступить в этом случае? Чаще брать на руки, никогда не бить его. Если он выпускает когти, лучше прекратить игру со словами «нельзя». Запомните: воинственность кота часто обусловлена просто страхом...

2. Кошки, которые отказываются пользоваться ванночкой, метят все вокруг, стаскивают вещи со стола. Тут следует прежде всего подумать о медицинских причинах. Если кошка здорова, поразмыслите, хорошо ли ей живется. Может, она привлекает к себе внимание, потому что озлоблена, одинока или несчастна. Мера профилактики, конечно же, любовь и забота. Придя с работы, сразу общайтесь с животным, а потом занимайтесь своими делами. Подвесьте над излюбленным местом проказ кошки фольгу, в которую была завернута рыба.

3. Кот-плакса. Если животное не болеет, то скорее всего кричит, чувствуя себя брошенным. Значит, вы стали уделять ему меньше внимания. Устройте коту укромное, любимое место. Если он будет кричать ночью, то брызните на него водой.

4. Кот-разрушитель. Кошки этого типа стараются порвать все, что попадается им. Проявите терпение, заведите в квартире такой предмет, на который животное смогло бы переключиться, например, доску для царапанья. Растение, к которому кошка питает симпатию, держите подальше. Создайте кошке сад: прорастите в плошке овес, пшеницу, петрушку...

5. Кошка-примадонна. Ест с вами одновременно, но только лучшее из того, что едите вы. Милостиво позволяет заботиться о себе. Как перевоспитать ее? Большинство кошек в состоянии перейти на новую диету в течение трех дней, но могут и поголодать несколько дней, ничего страшного не произойдет!..

ОТ РЕДАКЦИИ. В любом интересном, важном деле необходима обратная связь. Хотите дружить с журналом «Природа и человек»? Пожалуйста! Пишите, задавайте вопросы, спрашивайте советов, рассказывайте о своих экологических делах, связанных с защитой природы! Адрес журнала «Природа и человек» узнайте сами после того, как прочитаете какой-либо его номер.

Рисунки Д. КАМЕНЩИКОВА.

СЕМЕЙНЫЙ КЛУБ «СВЕРЧОК»

ВНИМАНИЕ!

Зеленая карета начинает создавать **Зеленую Книгу**. Присылайте для нее вырезки из областных, районных, городских газет, региональных журналов — ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДРАМАХ И ТРАГЕДИЯХ ВАШЕГО КРАЯ: засорении, загрязнении рек, отравленном предприятиями воздухе, бездумной варварской рубке леса, браконьерстве и т. д., и т. п. **Зеленую Книгу редакция журнала «Пионер» передаст в Государственный комитет СССР по охране природы.**

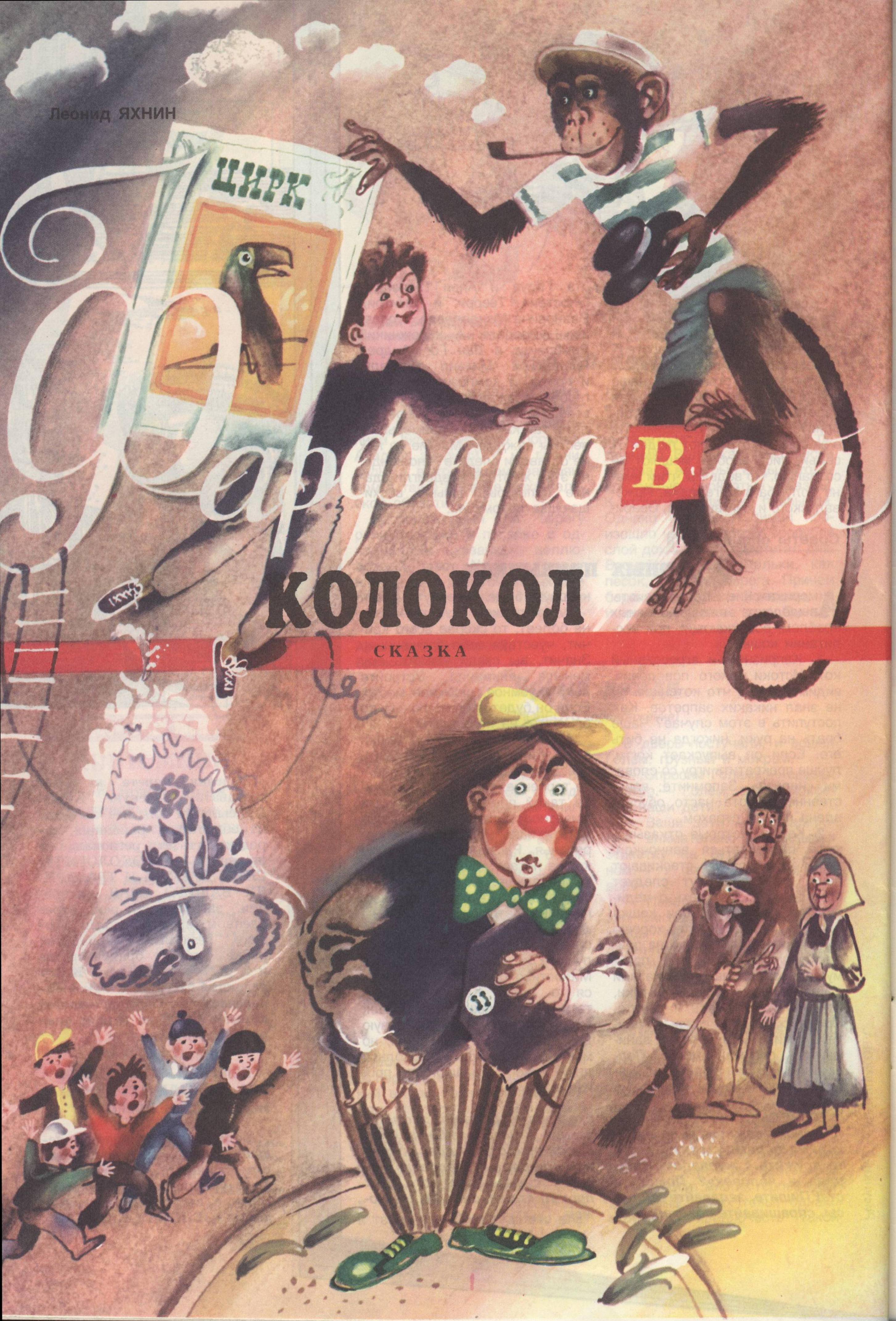
ВЫРЕЗКИ ПРИСЫЛАТЬ БЕЗ СРОКА И ОГРАНИЧЕНИЙ — ВСЕ И ВСЕГДА!

Папы, мамы, бабушки, дедушки, братья, сестры, педагоги, вожатые! Откликнитесь и вы на наше задание! На конверте с вырезками поставьте девиз: «ЗЕЛЕНАЯ КАРЕТА».

Леонид ЯХНИН

Фарфоровый колокол

СКАЗКА

ЧАСТЬ 1. ОБЕЗЬЯНА МАЙМУН

1. Пито

— НИКИТА,— СКАЗАЛ ПАПА,— НЕ РАССТРАИВАЙСЯ. В ЦИРК ШАПИТО МЫ ПОЙТИ СЕГОДНЯ НЕ СМОЖЕМ. ПОЙДЕМ В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ.

НИКИТА ВЗДОХНУЛ.

...Шапито — это, наверное, шапка. Круглая шапка великана на большой разноцветной площади. А под шапкой чудеса. Тигры и попугаи. Гордые лошади и ловкие наездники. Смешные клоуны и летающие акробаты. Шапито — это цирк. А в цирке выступает знаменитый артист Пито — артист шапито.

— Пито! Браво, Пито! — кричат зрители.

И Пито выходит к ним со своим лучшим помощником и другом обезьяной Маймун. Она стоит рядом и важно покуривает ореховую трубочку.

— ЗДРАВСТВУЙ, ПИТО,— СКАЗАЛ НИКИТА,— ЭТО НИЧЕГО, ЧТО Я НЕ ПОШЕЛ СЕГОДНЯ В ЦИРК. МЫ БУДЕМ С ТОБОЙ ДРУЖИТЬ. И КОГДА-НИБУДЬ ТЫ ВОЗЬМЕШЬ МЕНЯ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

— Пито! — кричала публика.— Браво!

И каждый старался протиснуться к высокому помосту.

— Маймун,— шепнул Пито,— сними шляпу и поклонись зрителям. Они приветствуют нас.

«Вот еще,— подумала обезьяна Маймун,— они приветствуют, а шляпу должна снимать я». Но чтобы не огорчать своего друга Пито, обезьяна сняла шляпу и небрежно помахала ею над головой.

НИКИТА НАРИСОВАЛ ЗЕЛЕНЫЙ ШАТЕР ЦИРКА И БОЛЬШУЮ АФИШУ:

НЕБЫВАЛОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!
ПИТО С ОБЕЗЬЯНОЙ МАЙМУН!
!!!ИНТЕРЕСНО ВСЕМ!!!

2. Пропала Маймун

— МАМА,— СПРОСИЛ НИКИТА,— А ГДЕ МОЯ ПЛЮШЕВАЯ ОБЕЗЬЯНКА МАЙМУН? — НИКИТА С ГОЛОВОЙ ЗАБРАЛСЯ В ЯЩИК С ИГРУШКАМИ И КОПАЛСЯ ТАМ, ГРОМКО ПОСАПЫВАЯ. ОБЕЗЬЯНЫ МАЙМУН НИГДЕ НЕ БЫЛО.

— ТЫ РАЗБРАСЫВАЕШЬ ИГРУШКИ, А ПОТОМ САМ НЕ МОЖЕШЬ НИЧЕГО НАЙТИ,— СЕРДИТО СКАЗАЛА МАМА.

Пито был в чудесном настроении: вечером в цирке состоится представление с его новой программой, и на каждом заборе уже расклеены большие афиши.

— Бам-барабам-бам-бам! — напевал Пито песенку собственного сочинения. В руке он держал связку свежайших бананов для обезьяны Маймун. Он быстро прошел по длинному темному коридору и открыл дверь. Из замочной скважины выскочил навстречу пыльный солнечный лучик. Пито весело подмигнул ему и открыл дверь.

— Ха-ха! — сказал он.— Маймун, как всегда, прячется в том углу, за барабаном. Но сейчас она сама покажется почтенной публике! И долго упрашивать ее не придется.

Пито бросил на стол бананы и подождал немного. Он знал, что как только запах бананов дойдет до ноздрей обезьяны Маймун, она не выдержит и выскочит на середину комнаты. Но на этот раз даже бананы не подействовали. Пито заглянул за барабан. Там никого не было.

— Эге,— сказал сам себе Пито,— обезьяна Маймун пошла за табаком в лавку «ТАБАКИ-МУНДШТУКИ». Схожу за ней, а то она там засидится до вечера.

Лавка была тесная, с желтым от дыма потолком. За прилавком среди сигарных коробок и сигаретных коробочек сидел Табачник с усами цвета прокуренного потолка.

— Добрый день, Пито,— сказал Табачник.— Где это пропадает ваша обезьяна Маймун? У меня для нее есть ароматнейший табачок с Канарейских островов.

— А я-то думал, что обезьяна Маймун у вас,— сказал удивленный Пито.— Ведь она никуда не должна была уходить: у нас сегодня вечером представление в цирке.

— Вот как! — обрадовался Табачник.— Я обязательно приду. Ах, я люблю только две вещи на свете: хороший табак и хороший цирк!

Он вздохнул и выпустил изо рта облачко дыма, которое тут же запуталось в усах.

— Что вы такое говорите! — воскликнул Пито.— Ведь если Маймун не вернется к вечеру, то никакого представления не будет!

Пито вскочил со стула и большими шагами прошелся по лавке из угла в угол. Впрочем, для этого ему хватило одного шага.

— Я знаю, что делать,— сказал Табачник.— Вы дадите объявление в дневную газету. Да! Да! Именно в газету. Конечно, обезьяна Маймун вернется к вечеру. Но все-таки лучше, если ее кто-нибудь поторопит.

3. В зверинце

НИКИТА СТАРАТЕЛЬНО ПИСАЛ НА ЛИСТЕ БУМАГИ ПЕЧАТНЫМИ БУКВАМИ: «УШЛА ИЗ ДОМУ ОБЕЗЬЯНА МАЙМУН. САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ ОБЕЗЬЯНА НА СВЕТЕ. ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ: НОСИТ ШЛЯПУ. В РУКАХ И НА ГОЛОВЕ. ПРОСЬБА ПЕРЕДАТЬ ОБЕЗЬЯНЕ МАЙМУН, ЧТО ПИТО КУПИЛ ЕЙ СВЯЗКУ БАНАНОВ».

Такое объявление появилось сразу во всех газетах через пять минут.

Ох, если бы вы видели, какой переполох поднялся в городе! Мальчишки бежали по улицам и кричали: «Маймун! Май-мун!»

Чистенькие старушки прижимали к груди плетеные кошелки с бубликами и петрушкой и спешили покрепче запереть за собой двери. «Маймун!» — испуганно шептали они.

А усатые мусорщики переглядывались с дворничихами и хмурились:

— Ха! Маймун! Кхе-кхе, Маймун. Да-а! Маймун...

И только обезьяна Маймун была совершенно спокойна, ведь она никогда не читала газет. «Мне достаточно моей ореховой трубочки»,— думала она. Да к тому же обезьяне Маймун нечего было волноваться: она-то знала, что вовсе и не потерялась, а попросту зашла в зверинец проведать свою дальнюю родственницу, зеленую Мартышку. Они познакомились, когда Пито и Маймун приходили

в зверинец отобрать артистов для новой программы «СОРОК ОДНА ОБЕЗЬЯНА». Зеленую Мартышку тогда не взяли. Но с тех пор она разучивала трюки «кувырок через голову», «сальто на хвосте», «колесо голова-ноги» и «прыжок под потолок». Что же, каждому хочется прославиться, и обезьяна Маймун ее прекрасно понимала и даже иногда похваливала.

«Великие артисты всегда имели учеников»,— думала обезьяна Маймун, сидя на почетных качелях в клетке у зеленой Мартышки и совершенно не подозревая, что весь город ее разыскивает.

4. Представление не отменяется

Публика волновалась. Те, кто имел собственные часы, вытаскивали их из плоских жилетных карманов и показывали остальным. На всех часах большая стрелка давно перевалила за цифру 12. Редкие нетерпеливые хлопки сменились топотом ног и пронзительным свистом.

Тогда на арену вышел директор цирка. Он поднимал руки и открывал рот, он выпучивал глаза и снова поднимал руки. Но его голос заглушался криками рассвирепевших зрителей. Они поняли: уж если на арену вышел директор, то артистов ждать нечего.

А Пито сидел в это время в маленькой комнате, заваленной париками и разноцветными коробочками с гримом. Он сидел, подперев голову ладонями.

— Эх, Маймун, Маймун,— говорил он.— Разве можно так подводить друга?

И ТУТ НИКИТА ПОНЯЛ, ЧТО ПОРА ПРИЙТИ НА ПОМОЩЬ. ОН ВЗЯЛ СО СТОЛА ДВА БОЛЬШИХ КРАСНЫХ ПОМИДОРА.

— Не горюй, Пито,— сказал Никита,— есть еще на свете верные друзья. Я буду выступать с тобой вместо обезьяны Маймун.

— Но ведь тебе придется влезать на самые высокие качели и висеть под куполом на хвосте. А разве у тебя есть хвост? — И Пито покачал головой.— Настоящие хорошие хвосты бывают только у обезьян.

— Зато я умею стоять на голове и глотать спелые помидоры,— сказал Никита и добавил: — Конечно, если их незаметно разжевать.

— Это очень хороший номер,— сказал Пито,— но сегодня он не подходит. Может быть, ты умеешь посылать публике улыбки и воздушные поцелуи. В таком деле главное — никого не забыть. Ведь каждый хочет получить улыбку артиста.

— Я буду стараться,— сказал Никита.

— Вот и чудесно. Давай готовиться к выступлению,— обрадовался Пито. Он раскрыл коробку с красками и добавил: — А там, может быть, и Маймун подоспеет.

5. Заскрипели колеса

НИКИТА ВЫТАЩИЛ ИЗ ЯЩИКА ДЛЯ ИГРУШЕК ТРЯПИЧНОГО ЛЬВА С РЕДКОЙ НИТЯНОЙ ГРИВОЙ, БЕЛУЮ ПЛАСТМАССОВУЮ КОШКУ, ПЕРЕКРАШЕННУЮ В ЧЕРНУЮ ПАНТЕРУ, И ЗЕЛЕНУЮ ОБЛЕЗЛУЮ МАРТЫШКУ БЕЗ ХВОСТА.

— МАМА,— СКАЗАЛ НИКИТА,— ПРИШЕЙ, ПОЖАЛУЙСТА, ЭТОЙ МАРТЫШКЕ ХВОСТ, А ТО ОНА НЕ СМОЖЕТ КАЧАТЬСЯ НА КАЧЕЛЯХ.

Зверинец был бродячий. Каждая клетка стояла на повозке. В повозку впрягали крепких, гривастых пони, и клетки переезжали из города в город. Звери любят путешествовать. Но когда сидишь в клетке, даже самое замечательное путешествие не очень радует. И поэтому, как только заскрипели колеса, обитатели зверинца заволновались.

Лев поднял сонную голову и глухо заворчал. Эскимосские собаки стали бегать по клетке кругами. Черная пантера злобно ударила хвостом о деревянный пол. А шумадийские щеглы так затрещали крыльями, что от их клетки пронесся легкий ветерок. Только зеленая Мартышка продолжала показывать обезьяне Маймун свои новые прыжки. Обезьяна Маймун невозмутимо покуривала трубочку и с видом знатока прищуривала один глаз. «Пожалуй, зеленая Мартышка могла бы стать цирковым артистом, но ее легкомыслие огорчает меня»,— думала обезьяна Маймун, важно покачивая головой.

А зеленая Мартышка вертелась, изгибалась, взлетала, ныряла... Она кружилась, забыв обо всем на свете. Обезьяну Маймун одолел сон. «Смотреть на плохие прыжки намного скучнее, чем на хорошие»,— подумала обезьяна Маймун, но это уже было во сне.

«Скрип-скрип»,— крутились колеса. Зверинец выехал за город. Так и не поняла обезьяна Маймун, отчего заснула: от скуки или от легкой тряски по укатанной дороге. Когда она проснулась, был уже вечер.

«Ой-ой-ой! — встревожилась обезьяна Маймун.— Мне пора в цирк. Представление скоро начнется, и Пито ждет меня».

Она дернула дверцу клетки: заперто! Только сейчас обезьяна Маймун огляделась по сторонам. Она увидела узкие, длинные полоски огородов и маленькие домики с треугольными крышами. «Мне кажется, это деревня,— сказала себе обезьяна Маймун.— А деревня никогда не была городом. Значит, мы за городом!» Это было так неожиданно, что она перестала дергать дверцу клетки.

А зеленая Мартышка спокойно посасывала лимонную корку. Она давно уже привыкла к внезапным переездам.

6. Хитрюга Бим

Фургон покачивался на упругих пружинах. Резиновые колеса мягко катились по каменистой дороге. Владелец зверинца, маленький толстяк с круглыми розовыми ушами, сидел на складном стуле и довольно потирал руки. Это был самый хитрый из всех владельцев зверинцев на свете. Его так и звали — Хитрюга Бим. И ему очень нравилось это имя. Особенно первая половина — Хитрюга.

— Да-да-а,— говорил он, потирая руки,— это я неплохо придумал. Хлоп — и клетка на замке. Хлоп — и у меня теперь самая ученая обезьяна. Хлоп — и я скоро стану самым богатым. Ха-ха!

И Хитрюга Бим похлопал себя по животу. Круглый живот загудел, как спелая тыква. Но тут же круглое лицо Хитрюги Бима стало серьезным. Он взял большую кисть, обмакнул ее в краску и написал крупными буквами:

СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ!
ЗВЕРИНЕЦ ХИТРЮГИ БИМА.
УЧЕНАЯ ОБЕЗЬЯНА!
Приходите помолчать в обществе
обезьяны Маймун!
ТОРОПИТЕСЬ!

Хитрюга Бим отошел от стола, издали посмотрел на просыхающую афишу.

— Так, так, Хитрюга,— сказал себе Хитрюга Бим,— завтра утром у тебя будет много работы. От любопытных не будет отбоя — только успевай получать монеты. И поэтому надо хорошо отдохнуть.

Хитрюга Бим зевнул и лег на складную походную кровать. Кровать под ним охнула, и наступила тишина. Только скрипели-хрипели колеса по ночной дороге — скрип-хрип, скрип-хрип. И тихонько подсвистывал им во сне нос Хитрюги Бима — фьюхрю, хрю-фью.

7. В погоню!

Медные трубы гремели, как барабаны, а круглые барабаны гудели, как трубы. У зрителей заболели ладони, и они стучали ногами. Пито устало улыбался и кланялся. А Никита наградил уже каждого зрителя одним воздушным поцелуем и принялся посылать по второму. В общем, представление было в самом разгаре, когда в цирк вбежал запыхавшийся человек в расстегнутом жилете. Он перепрыгнул через плюшевый бортик арены и крикнул:

— Ее увезли! Обезьяна Маймун уехала в клетке бродячего зверинца!

Публика не слышала слов этого человека. Все решили, что появился клоун, и начали бешено хохотать. А Пито нахмурился. Он схватил человека в жилете за плечи и сказал только одно слово:

— Куда?

Тот его понял и быстро замахал руками.

— Они двинулись по Загородной дороге,— сказал он,— может быть, в Африку, а может быть, в Бразилию.

Дело в том, что дорога в городе была одна-единственная, и с нее начиналось любое путешествие в любую часть света.

Пито сжал кулаки и сказал свое второе слово за этот вечер:

— В погоню!

8. Хитрости обезьяны Маймун

Тем временем обезьяна Маймун совершенно успокоилась. «Первым делом надо запомнить дорогу, так будет проще возвращаться»,— думала она. Да, но как это сделать? Все такое незнакомое и поэтому совершенно одинаковое: и домики, и деревья, и булыжники в мостовой.

«Буду считать»,— решила обезьяна Маймун. А что считать? Конечно, домики! Их меньше, чем

деревьев и булыжников. Обезьяна Маймун даже подпрыгнула от радости. Как она здорово придумала! Она будет считать: один, два, три... А на обратном пути: три, два, один... Так не заблудишься. Обезьяна Маймун повеселела. Теперь бы только придумать, как выбраться из клетки.

Она раскурила свою ореховую трубочку и задымила. Узкая струйка дыма потянулась вверх, обвилась вокруг толстых прутьев клетки и нехотя поплыла к небу, став широкой, плоской и прозрачной. Обезьяна Маймун посмотрела ей вслед и хитро прищурилась. «Почему дым может выйти из клетки, а я нет? — подумала она.— Разве дым умнее обезьяны Маймун?» Да, чего-чего, а уж выдумки у нее хватает! И, главное, как просто: покуривай себе, выпускай побольше дыма и жди, пока откроют дверь, чтобы проветрить клетку. Правда, дым уходит через решетчатые стенки. Но стена есть стена, хоть и решетчатая. А если очень постараться, то и в клетке можно надымить.

9. Итак, вперед!

Загородная дорога была пустынна. Голубые булыжники поблескивали в лунном свете и звенели под каблуками. Пито остановился.

— До Африки долго добираться, и Бразилия неблизко,— сказал он.

— ПАПА,— СПРОСИЛ НИКИТА,— ДО АФРИКИ ДОЛГО ЕХАТЬ?

— ЕСЛИ НА САМОЛЕТЕ, ТО НЕ ОЧЕНЬ ДОЛГО.

— А НА ПОВОЗКЕ?

— НА ПОВОЗКЕ НЕМНОГО ДОЛЬШЕ,— СКАЗАЛ ПАПА И РАЗВЕРНУЛ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ.

— Пито,— сказал Никита,— до Африки добираться недолго. Особенно на повозке.

— А пешком? — спросил Пито.

— Пешком немного дольше. Но ненамного.

— Итак, в путь! — воскликнул Пито и двинулся вперед по дороге.

НИКИТА ПРОВЕЛ НА БУМАГЕ НАИСКОСОК ДВЕ ДЛИННЫЕ ЛИНИИ. ОНИ СНАЧАЛА ШЛИ РЯДОМ, А ПОТОМ СОЕДИНИЛИСЬ В САМОМ УГЛУ ЛИСТА.

— ЧТО ЭТО? — СПРОСИЛ ПАПА.

— ДОРОГА,— СКАЗАЛ НИКИТА.

— А КУДА ОНА ВЕДЕТ?

— ВПЕРЕД!

Пито шагал быстро. Фонари бежали навстречу, и тень его кувыркалась, как акробат на турнике.

ЧАСТЬ 2. ПРОДАВЕЦ СНОВ

1. Дядюшка Добряк

Впереди показалась повозка. Она была заставлена круглыми ивовыми корзинами. Из корзин торчали гроздья винограда. Рядом с повозкой шел старик. В одной руке он держал длинную ленту вожжей, а в другой — гибкий прут. Старик возвращался с хорошим урожаем и распевал песенку:

Кто-то во сне увидал коня,
А кто-то на самом деле.
Кто-то во сне оседлал коня,
А кто-то на самом деле.

Кто-то во сне скакал на коне,
А кто-то на самом деле.
Кто-то с коня свалился во сне,
А кто-то на самом деле...

— Добрый вечер,— сказал Пито.

— Можешь звать меня дядюшка Добряк. Все меня так называют,— сказал старик и допел свою песенку до конца:

Кто-то, упав, испугался во сне,
Проснулся в своей постели.
А кто-то поднялся и вновь на коне
И скачет на самом деле.

Потом он потрогал колесо, которое упрямо старалось поехать в обратную сторону, и вздохнул.

— Почему вы так грустно вздыхаете? — спросил Пито.— Вам невесело?

Дядюшка Добряк покачал головой. И было видно, что ему действительно не очень весело.

— Но вы же пели веселую песенку! — удивился Пито.

Дядюшка Добряк посмотрел на него и сказал:

— Иногда самой веселой песней трудно разогнать невеселые мысли. Тем более что песня не кнут.

— Скажите, что же случилось,— воскликнул Пито,— и я обязательно помогу. Если даже придется влезть на самую высокую крышу. Это я умею.

— НИКИТА,— СКАЗАЛА МАМА,— ПОРА СПАТЬ.

— МАМОЧКА, ЕЩЕ НЕМНОГО! ВЕДЬ КОГДА СПИШЬ, СОВСЕМ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ, НИЧЕГО НЕ СЛУЧАЕТСЯ!

ПАПА ВЫГЛЯНУЛ ИЗ-ЗА СВОЕЙ ГАЗЕТЫ И УЛЫБНУЛСЯ:

— КОГДА СПИШЬ, ОЧЕНЬ МНОГОЕ ПРОИСХОДИТ И СЛУЧАЕТСЯ. ВО СНЕ.

— Я НЕ ЛЮБЛЮ ВО СНЕ,— СКАЗАЛ НИКИТА,— Я ЛЮБЛЮ НА САМОМ ДЕЛЕ.

— Что случилось? — переспросил дядюшка Добряк.— В том-то и беда, что уже много лет в нашем городе ничего не случается. На улицах не слышно смеха и веселых шуток, дети не прыгают и не шумят, цветы не распускаются, птицы не гомонят.

— Да,— сказал Пито,— я в таком городе не прожил бы и одного дня.

— Вот именно,— вздохнул дядюшка Добряк.— Люди привыкли скучать и скучно жить! Они не знают, зачем разводить цветы и сочинять песни, зачем продавать книжки и разноцветные шары, если это никому не нужно...

— Неужели так было всегда?

— О, это особая история,— сказал дядюшка Добряк.— Вот она.

И дядюшка Добряк начал рассказывать историю о ФАРФОРОВОМ КОЛОКОЛЕ.

— В городе был колокол. Медный, тяжелый

Рисунки А. БОРИСОВА.

и гулкий. Какой-нибудь простак, конечно, может подумать, что колокол не такая уж редкая штука, чтобы с него начинать рассказ. Но не обращайте внимания на этого простака. Наш колокол был особенный. В него мог звонить каждый.

Каменщики построили дом — ДОН-ДОН! У кузнеца родился сын — ДОН-ДОН-ДОН! И радостные вести неслись по городу — ДИН-ЛИН-ДОН! У людей было много радости, потому что они делились ею друг с другом.

Но вот появился в городе человек, имени которого никто не знал. Он продавал сны, и все стали звать его Продавец Снов. Сначала это были просто игрушки для детей — сны с конфетами, сны с мячиками. Но потом он стал продавать сны с бомбами и даже с пушками. И у него, представьте, нашлись покупатели. Продавец Снов сделался самым богатым человеком в городе. «Эге,— сказал он однажды,— этот колокол никому не дает покоя. Вдруг кто-нибудь спит и видит сон, а колокол разбудит его на самом интересном месте. Да к тому же медные колокола сейчас не в моде».

И Продавец Снов приказал снять медный, тяжелый и гулкий колокол. А на его место повесили новенький фарфоровый с кружевными завитушками.

И теперь все боялись даже близко подойти к фарфоровому колоколу. А как же иначе? Попробуйте посильнее ударить в него, он и разлетится, как самая обыкновенная чашка! С тех пор перестали люди делиться своей радостью с другими. А если радостью не с кем поделиться, то она куда-то пропадает.

НИКИТА ДОСТАЛ ИЗ ШКАФА СВОЮ ЛЮБИМУЮ ЧАШКУ, ПОСМОТРЕЛ НА НЕЕ И РАЗЖАЛ ПАЛЬЦЫ.

— ДЗИНЬ! — И ЧАШКА РАЗЛЕТЕЛАСЬ НА ЧЕТЫРЕ КУСКА.

2. Чашки разбиваются на счастье

Повозка свернула в узкую улочку. Край корзины чиркнул по стене дома. Одна виноградная кисть раздавилась, и за повозкой потянулась дорожка мелких пятнышек сока. Из подворотни выскочила кошка и осторожно понюхала упавшую виноградину. В этот момент со стороны центральных улиц долетел какой-то шум. Кошка повела ушами в направлении непонятного шума и поспешила юркнуть обратно во двор.

Пито вслед за повозкой свернул за угол, и тут на него обрушилась лавина мужских и женских голосов. Людей было много. И все они говорили, перебивая друг друга. Постепенно из этого клубка туго переплетенных голосов начали отматываться отдельные ниточки-фразы. Какой-то человек в клетчатом пальто с поднятым воротником расстроенно покачивал головой.

— Ай-я-яй,— говорил он,— теперь не будет ни минуты покоя. Эти фантазеры и садовники взбудоражат весь город.

Толстые тетушки в цветастых передниках взволнованно перешептывались.

— Надо запасаться сушеной морковкой... И чайными ложками! Если что-нибудь случится... Этого товара ни за что не достанешь...

А молодые люди смеялись и говорили друг другу:

— Почему мы ждали столько времени?.. Разве что-нибудь случается, если всю жизнь проводишь в ожидании?.. Разбился вдребезги фарфоровый колокол!.. Как самая обыкновенная чашка! Ха-ха!.. Да здравствуют чашки, которые разбиваются вовремя!..

Дядюшка Добряк бросил свою повозку и бегал от одного к другому, хватая всех за руки.

— Почему такой шум? — спрашивал он.— Неужели что-то случилось?

МАМА ВОШЛА В КОМНАТУ И УВИДЕЛА РАЗБИТУЮ ЧАШКУ. НИКИТА СТОЯЛ РЯДОМ.

— НИКИТА,— СКАЗАЛА МАМА,— ТЫ РАЗБИЛ СВОЮ ЛЮБИМУЮ ФАРФОРОВУЮ ЧАШКУ?

НИКИТА НАГНУЛСЯ И ПОТРОГАЛ РУКОЙ ТРЕУГОЛЬНЫЙ ОСКОЛОК.

— НУ, НИЧЕГО, НЕ РАССТРАИВАЙСЯ,— СКАЗАЛА МАМА,— ГОВОРЯТ, ЧТО ЧАШКИ РАЗБИВАЮТСЯ НА СЧАСТЬЕ.

Все были так возбуждены, что не обратили внимания на толстого человека с круглыми розовыми ушами. Он ходил по городу от забора к забору и повсюду расклеивал афиши. Это был Хитрюга Бим.

3. Белый Тигр

Люди веселились, пели и громко разговаривали. Дядюшка Добряк подбежал к своей повозке, схватил самую большую корзину и принялся угощать всех прозрачными виноградными гроздьями, похожими на связки воздушных шаров. Когда повозка подъехала к дому, все корзины были пусты.

— Вот мы и приехали,— сказал дядюшка Добряк.

Он пригласил Пито в дом и усадил на широкую дубовую скамью. Дядюшка Добряк распахнул окно, и уличный шум ворвался в комнату.

— Дядюшка Добряк,— сказал Пито,— значит, разбился фарфоровый колокол?

Дядюшка Добряк улыбнулся в ответ и принялся ставить на стол еду в глиняных мисках и горшках, напевая старинную песенку:

Старый Жак,
Спишь, чудак?
Просыпайся, лежебока,
Полезай на чердак.
Занимается заря —
Разбуди звонаря.
Пусть летит повсюду звон,
Горожан разбудит он:
ДИН-ЛИН-ДОН-Н!

— Дядюшка Добряк,— вновь сказал Пито,— но почему люди терпели так долго? Неужели всем нравилась такая жизнь?

Дядюшка Добряк нахмурился.

— Это не так-то просто,— сказал он,— одним нравилось, что ничего не случается. Другим было все равно, лишь бы ничего не случилось. А третьи... с ними произошло то же, что и с Белым Тигром.

— С каким белым тигром? — удивился Пито.

— Это целая история,— сказал дядюшка Добряк,— вот она.

И он начал рассказывать историю о БЕЛОМ ТИГРЕ.

— Все тигры желтые с черными полосками. И удивляться этому не стоит. Впрочем, никто и не думает удивляться. Тем более тигры. Но когда среди них появился Белый Тигр, абсолютно белый, без единой черной полоски, то удивлению не было границ, и оно быстро переросло в возмущение. Тем более что Белый Тигр задавал совершенно неуместные вопросы:

— Почему обязательно нужно иметь желтую шкуру в полоску?

— Ну как же,— отвечали ему,— ведь так легче спрятаться в желтых песках среди черного тростника!

— А зачем нам прятаться? — удивлялся Белый Тигр.— Мы же тигры!

Но обыкновенные тигры отворачивались от него.

— Он считает себя умнее и храбрее других,— говорили они,— зачем нам нужен Белый Тигр?

Никто не хотел терпеть тигра, который не похож на остальных. И от него все отвернулись.

— Если он не хочет быть таким, как все, то нам совершенно не о чем разговаривать.

Наконец Белый Тигр не выдержал и пошел к парикмахеру. А тот перекрасил его в обычного тигра. Когда покрашенный Тигр вернулся домой, в родные заросли, обычные тигры не обратили на него никакого внимания. Ведь он стал обычным тигром и затерялся среди остальных. Настолько, что не мог найти сам себя.

Дядюшка Добряк посмотрел на Пито и грустно улыбнулся:

— Вот что произошло с теми немногими, которые немного были похожи на Белого Тигра.

4. Конец зверинца Хитрюги Бима

Хитрюга Бим расклеил афиши и стал ждать посетителей. Он оказался прав: от желающих посмотреть зверинец не было отбоя. Все столпились возле клетки с двумя обезьянами. Зеленая Мартышка тут же стала вертеться на качелях и носиться по клетке, не разбирая, где пол, где стены, где потолок. При этом она не забывала самодовольно покоситься на глазеющую публику. Она подпрыгивала, подмигивала, кривлялась, ломалась, корчила гримасы, строила рожи, словно хотела сказать:

— Ну как? Здорово у меня получается? Гожусь я в знаменитые артистки? А?

Обезьяна Маймун в это время сосредоточенно покуривала ореховую трубочку. Зрители показывали на нее пальцами, смеялись, чихали от дыма, а некоторые, самые глупые, тоже закуривали, подражая обезьяне. То тут, то там погромыхивали спичечные коробки, шипели спички. В воздухе поплыли кольца и струйки дыма. И вот уже над толпой поднялась дрожащая витая колонна голубого табачного дыма. Она сравнялась высотой с пожарной каланчой и была видна отовсюду.

И, конечно же, первым заметил дым над зверин-

цем Главный Пожарный города. Лицо его сделалось грозным, медная каска засверкала на солнце, и закрученные усы мгновенно распрямились.

— Майна-вира! Брандспойты к бою! — крикнул он громовым голосом и вскочил на подножку красного автомобиля, увешанного лестницами.

«Бом-бом-бом!» — зазвонил пожарный гонг, и через минуту кавалькада красных машин была в зверинце. Пожарники один за другим выскакивали из кузова. И началась веселая пожарная суета. Вода стремительно понеслась по брезентовым трубам и с шумом вырвалась наружу. Упругие водяные струи протянулись в клетку. Прутья задрожали. Дверца прогнулась и вылетела, как пробка из лимонадной бутылки. Обезьяна Маймун оказалась на свободе...

Хитрюга Бим бегал между пожарниками и хватал их за полы брезентовых курток.

— Прекратите! Прекратите! — вопил он.— Вы разгоните всех моих зверей! Неужели вы не видите, что никакого пожара нет?!

Но разве можно остановить пожарного, если он взял в руки брандспойт? Струи воды гнули прутья клеток, звери выскакивали и разбегались.

— Я разорен! — рыдал Хитрюга Бим.— Вода смыла все богатство.

Кстати, с этого дня его стали называть Бедняга Бим, хотя такое имя ему нравилось меньше. Особенно первая половина — Бедняга.

А Главного Пожарного представили к награде. Впрочем, этого обезьяна Маймун уже не узнала. Во-первых, она не читала газет, а во-вторых, ей надо было спешить в обратный путь: ее ждал Пито.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

№ 8

1. Прибор, с помощью которого можно определить, что мед разбавлен,— простой химический карандаш! В разбавленном меде он оставляет чернильное пятно.
2. Колобок просто сравнил показания на спидометре машины у пункта ГАИ и у рынка. Разница между ними должна быть равна расстоянию от пункта ГАИ до города плюс расстояние до каких-то пунктов и обратно до города. Сравнив показания с картой, легко определить, что это последнее расстояние равно 26 км, то есть равно дороге туда и обратно только до Глазурного или Бравурного.
3. Колобок не поверил тому художнику, чья картина слева, потому что солнце на ней освещает темную сторону месяца, чего быть не может: месяц нам виден только с той стороны, с которой светит солнце.

№ 9

1. Колобок сразу увидел, что начальные буквы всех улиц составляют почти целую октаву, кроме ноты «соль», на что намекал Фантамаск Пете. Значит, ул. Чехова, которая в октаву не входит, и есть искомая улица.
2. Колобок вспомнил, что преступники занимаются пчеловодством, пчелы же не живут под высоковольтными линиями, а такая линия проходит над нечетной стороной улицы. Выходит, что они могут жить только на четной стороне? А на четной стороне в справке поссовета указан только один дом — № 32.
3. Преступник действительно с легкостью может уйти от Колобка, если выведет лодку в озеро таким образом, чтобы центр окружности всегда находился между лодкой и преследователем. А грести надо так, чтобы в какое-то время расстояние между ними оказалось равным 3/4 радиуса. И тогда преступнику останется проплыть 1/4 радиуса, а Колобку пробежать полокружности — πR.

№ 11

1. При помощи меда и соленых огурцов легко сделать простейшую батарею: кислотная среда и металл дадут гальванический ток.
2. На месте коня стояла буква «з» , с нее и начал читать послание Колобок, которое было записано ходом коня: «Завтра увозят пароходом ± 0».
3. Промах Колобка очень прост: он слышал тиканье часов, хотя на стене висели часы электронные, которые, как известно, не тикают.
4. Первым должен отправиться пароход, у которого закончилась погрузка, то есть его ватерлиния уже не видна.
5. Так как в ящиках были змеи, то Колобок понимал, что преступники должны были каким-то образом пометить ящик с Крестиковым-Ноликовым. А сделали они очень просто: просверлили дырки под теми буквами, из которых складывалась первая часть фамилии изобретателя.

ШАХМАТНЫЙ КЛУБ «НОВЫЕ ВАСЮКИ, 64»

Ося Б. исчез, когда второй номер «Пионера» за этот год нужно было сдавать в типографию... Что делать? Как быть? Неужели выходить без «Новых Васюков, 64»?

...Телефон заливался радостной трелью.

— Алё! Алё!! — сорвали мы трубку.

— Это я, Ося! Звоню из Дели! Путешествую! Начал с Индии — родины шахмат! Передаю текст в номер! Записывайте!

Мы записали. В типографию успели. И, кажется, получилось интересно.

КОРОТКО О ЧАТУРАНГЕ, ТАИНСТВЕННОЙ ФИГУРЕ И ТРЕХ СЕСТРАХ

...Шахматы были изобретены в Индии полторы-две тысячи лет назад. Тогда игра называлась **чатуранга,** что значит «четырехсоставный» — по четырем родам войск Древней Индии: боевые слоны, конницы, колесницы, пехота. Играли в чатурангу не вдвоем, как сейчас, а вчетвером.

...Шло время, игру совершенствовали, появились прекрасные игроки, чьи имена вошли в историю. Среди них — таинственная фигура — слуга одного индийского магараджи. Звали слугу Султан-хан. Он внезапно появился на шахматном небосклоне в конце 20-х годов нашего века, когда его хозяин приехал из Индии в Англию... Слава о Султан-хане гремела по всему миру. Он встречался за доской с Капабланкой, Алехиным, участвовал в ряде международных турниров. Как говорят, играл в силу современного гроссмейстера... Загадочна судьба Султан-хана. В 1933 году он исчез из шахмат и, как предполагают, из жизни тоже.

...В наши дни индийские шахматисты продолжают успешно выступать в международных соревнованиях. Совсем недавно, в одной из последних шахматных Олимпиад, участвовали три сестры Кадилкар, которых тренировал советский гроссмейстер Э. Гуфельд.

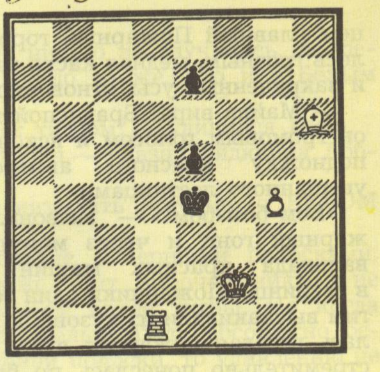

Диаграмма 1

ЗАГАДКИ ИЗ ИНДИИ

В феврале 1845 года в английском шахматном журнале под девизом «Шагирд» была опубликована чрезвычайно интересная задача. Редактор и основатель журнала, один из сильнейших шахматистов мира тех лет, Говард Стаунтон, получил ее от неизвестного корреспондента из Индии. Оригинальность «индийской задачи», ее красота, трудность решения, неведомый автор из тогда далекой и полной тайн Индии произвели на Стаунтона громадное впечатление. Он показывал задачу лучшим английским шахматистам, и никто не сумел разгадать ее загадку. Однако задача имела решение, и даже не одно. Поэтому лучше всего индийскую тему раскрывает такая миниатюра.

Диаграмма I

Белые начинают и дают мат в три хода.

Решив эту задачу, вы поймете, почему она до сих пор живет, вызывая восхищение любителей шахмат.

Под таким же девизом вскоре был напечатан этюд, получивший название «бессмертного». Вероятно, вы помните, что с «бессмертными» партиями — за доской и по переписке — и задачей мы уже познакомились в прошлом году. Теперь этюд, с которым попробуйте справиться самостоятельно.

Диаграмма 2

Белые начинают и делают ничью.

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

КОГДА НЕТ ВРЕМЕНИ...

На турнире в Тбилиси гроссмейстер Лев Полугаевский в одной из партий в цейтноте согласился на ничью и тотчас заметил, что легко выигрывал.

— Скажите,— мрачно спросил гроссмейстер у одного из зрителей,— далеко ли отсюда река Кура?..

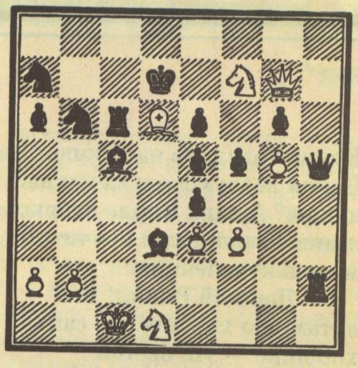

Диаграмма 2

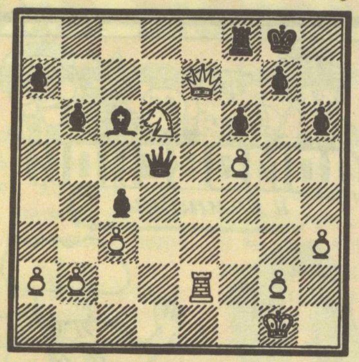

Диаграмма 3

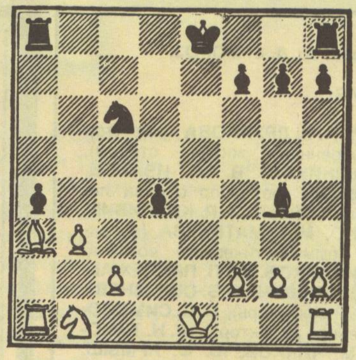

Диаграмма 4

МАСТЕРСКАЯ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

В АТАКУ ИДЕТ КОРОЛЬ

Известно, что в начале и середине партии шахматные короли ведут себя скромно: они предпочитают не находиться в центре событий и скрываются где-нибудь в уголке доски за пешечными и фигурными бастионами. И они правы. Король по своей силе заметно уступает ладье и, вероятно, ненамного мощнее легкой фигуры, а поставить мат ему может даже самая слабенькая пешка. Значит, если боевые качества короля и невелики, то ценность — бесконечна. Недаром составители шахматных программ для ЭВМ оценивают его примерно раз в 20 дороже самого ферзя.

А вот в эндшпиле, где непосредственных опасностей уже не так много, король активно устремляется в игру и часто становится «командиром» не только формально. Это — правило, гораздо интереснее исключения, когда король смело и, самое главное, добровольно направляется в атаку при полной доске фигур.

Диаграмма 3

В этой позиции из партии, сыгранной в 1902 году, немецкий гроссмейстер Р. Тейхман нашел удивительный план: белый король самолично отправляется в атаку на своего соперника.

1.Kph2 b5 2.Kpg3 a5. Стоило попытаться прикрыть поле g6 посредством 2...Ла8 и затем 3...Kph7. Черные же решили сами пленить дерзкого путешественника. Ничего хорошего из этого не вышло.

3. Kph4 g6 4.Ле3. Плохо, разумеется, 4...fg Фg5x.

4...Ф:g2 5.Лg3 Фf2. Вероятно, только здесь черные заметили, что после 5...g5+ последует не 6.Kpg4 Cf3×, а 6.Kph5 Ф:g3 7.Kpg6, и белый король четко прибывает к конечной цели своего маршрута.

6.fg Фf4+ 7.Лg4 Фf2+ 8.Kph5. Черные сдались.

...Отвага силы придает!

БЮРО ШАХМАТНОЙ ПОМОЩИ

НЕСКОЛЬКО «НЕОБЫЧНЫХ ПРАВИЛ»

За один ход можно передвинуть только одну фигуру или пешку. Однако для короля сделано единственное исключение из этого правила: раз в партии ему предоставляется возможность быстрой эвакуации на какой-нибудь фланг. В этом случае ладья придвигается вплотную к королю, а король перепрыгивает через эту ладью. Такой двойной ход называется рокировкой.

Диаграмма 4

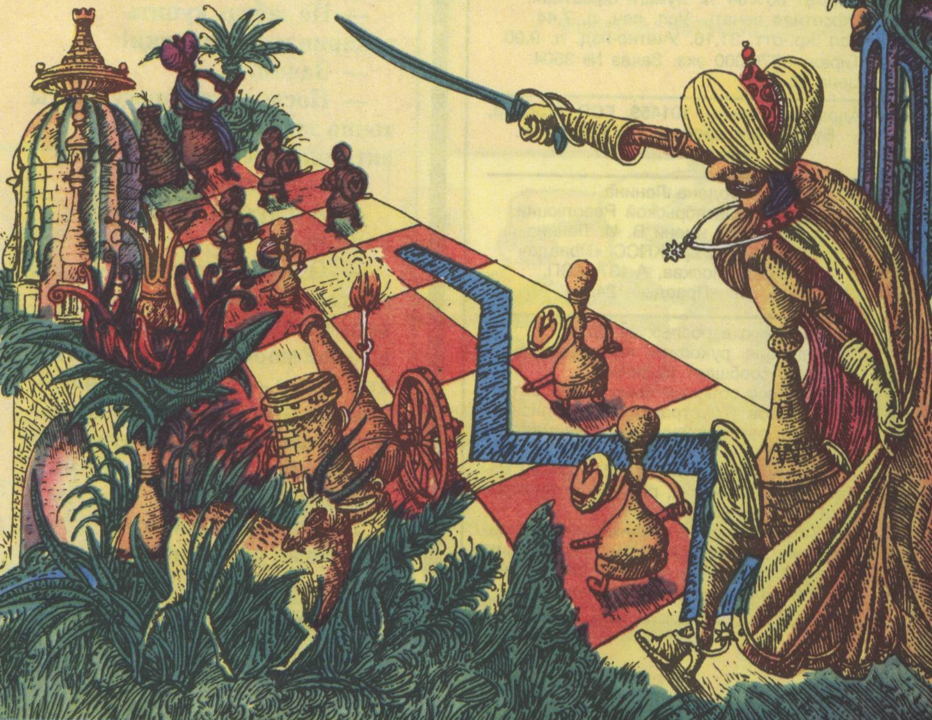
Рокировка невозможна в таких случаях: а) король и ладья в партии уже ходили, б) король находится под шахом, в) в случае рокировки король или ладья попадают под удар, г) между королем и ладьей стоит какая-нибудь другая фигура.

В позиции, приведенной на диаграмме, белые могут рокировать только в короткую сторону. При этом ладья h1 переходит на поле f1, а король — на g1, если, разумеется, король и королевская ладья еще не ходили. Короткая рокировка в записи обозначается так: «О—О». Рокировать в длинную сторону («О—О—О») белые не могут сразу по двум причинам: поле d1 под ударом, и, кроме того, «мешается» белый конь.

Черные же, наоборот, имеют право только на длинную рокировку — ладья а8 идет на d8, а король — на с8.

Другое «необычное» правило касается «взятия на проходе». В начальной позиции пешка имеет право сделать сразу два шага вперед. И вот иногда при таком двойном продвижении возникают ситуации, в которых действует это правило. Предположим, в позиции на диаграмме белые сыграли с2—с4. В этом случае белая пешка проходит через поле с3, контролируемое (или «битое») черной пешкой d4. Тогда черные могут (но вовсе не обязаны) переставить свою пешку d4 на с3, а белую пешку с4 с доски снять, причем это можно сделать лишь немедленно в ответ. В противном случае право взятия на проходе теряется. Нелишне заметить, что при ходе белых b3—b4 такого права у черных нет — белая пешка не прошла битое поле, а ушла с него.

Рисунки А. БАЛДИНА.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН (редактор отдела литературы и искусства), В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Главный художник А. М. ГРИШИН.
Художник И. Г. ПАНКОВ.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.

ЧИТАЙ В МАРТЕ:
окончание повести Л. Симоновой,
окончание сказки Л. Яхнина,
начало фантастической повести В. Малова «Зачет по натуральной истории»,
новую рубрику в «Сатириконочке» «Ходячие анекдоты из буклавки».

Сдано в набор 05.12.88.
Подписано к печати 20.12.88. А 11847.
Формат 60×84 ⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3504.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Винни-Пух надел валенки, полушубок... и уже не мог пошевелиться. Поэтому пришлось просить Матроскина повязать ему шарф. Матроскин шарф, конечно, завязал, но ворчать начал...

— И куда ты, Винни, в такой мороз собрался? Чего дома не сидится?

— В аптеку пойду,— откуда-то из глубины полушубка раздался голос медвежонка.

Матроскин прямо подпрыгнул:

— Разве у нас кто-нибудь болен?

Слабый голос объяснил:

— Сегодня нет больных, завтра будут. Последний месяц зимы для организма самый тяжелый: витаминов не хватает.

— Так ты за витаминами?

— Угу,— прозвучало глухо из кулька.

Матроскин посоветовал:

— Не забудь купить аспирин и горчичники!

— Зачем?

— После такой прогулки ты точно заболеешь. Никакие витамины не помогут.

Винни остановился.

— А я думал, витамины полезные.

— Очень полезные! — подтвердил папа Карло, вошедший с улицы.— Но не в такой мороз за ними ходить. Тем более,— продолжил он,— насколько я знаю, у нас дома есть очень хорошие витамины. Раздевайся, Винни, я тебе их покажу.

Винни-Пуха общими усилиями разоблачили, и папа Карло повел его на кухню. Винни недоумевал: зачем на кухню? А папа Карло открыл ящик с овощами и прочитал маленькую лекцию:

— Дорогой Винни! Все витамины хороши. Но самые хорошие — это овощи и фрукты. С фруктами зимой у нас дело обстоит неважно, поэтому расскажу о самых обыкновенных овощах. Например, в 100 граммах свеклы содержится 180 миллиграммов калия, 35 миллиграммов кальция. А в редьке кальция столько же, зато калия в два раза больше. Есть в этих овощах также фосфор, витамины С, РР, каротин. Но самый полезный витаминный овощ — морковь. В 100 граммах моркови — 9 мг каротина, 200 мг калия, 50 мг кальция, 40 мг марганца и 50 мг фосфора.

Присутствовавший на лекции Матроскин заметил:

— Недаром говорят, что ведро моркови заменяет сто граммов сливочного масла.

Но тут возмутился Колобок:

— Овощи гораздо полезнее! Тем более никто тебя не заставляет есть ведро моркови. Гораздо вкуснее есть морковь по-другому.

И Колобок быстро приготовил пять блюд из полезнющей моркови.

Ода моркови

Морковь бывает разная: Нантская, Несравненная, Парижская каротель, Шантане, Московская зимняя, Лосиноостровская. Берем ту, которая продается в магазине. Сначала тщательно моем ее щеткой под холодной водой. Потом аккуратно очищаем, и морковь готова к употреблению.

1. 3 морковки натереть на терке, смешать с мелко нарезанной капустой (небольшим количеством). Все необходимые компоненты для этого салата уже есть. Но по желанию сюда можно добавить тертое яблоко или мелко нарезанный репчатый лук. Заправить салат можно сметаной или растительным маслом. Не забудьте немножко посолить.

Если смешать тертую морковь и тертое яблоко, то вместо соли в салат надо добавить немного сахарного песка. Если есть клюква, бросьте туда несколько ягодок.

2. Теперь о необычном сочетании продуктов: моркови с морской капустой. Морковь натереть на крупной терке, положить в широкую посуду, добавить сахар, горячую воду, растительное масло и тушить на слабом огне, пока не станет мягкой. В конце тушения добавить сваренную морскую капусту, нарезанные дольками очищенные яблоки и, если есть, изюм. Закрыть крышкой и продолжать томить до размягчения яблок. Когда блюдо будет готово, полить его сметаной, в которую предварительно добавить несколько ложек сахарного песка. Вам потребуется 1—1,5 кг моркови, 0,5 стакана растительного масла, 1 стакан воды, 200 г вареной морской капусты, 2—3 яблока, 3—4 столовые ложки сахара, 0,5 стакана изюма, 1 стакан сметаны.

3. Пришло время пудинга из моркови. Если никому не говорить, из чего он приготовлен, никто и не догадается. Делается он следующим образом. Натереть сырой моркови 4 стакана. Выжать из нее сок. Натертую морковь обжарить на растительном масле, пока она не станет коричневого цвета. Затем деревянной лопаточкой взбить до белого цвета. Будет быстрее, если делать это в холодном месте или подложить под кастрюлю лед. Потом к моркови добавить 3 желтка и снова взбивать, добавив полчашки сахарного песка, 2—3 чайные ложки корицы и 5 отдельно взбитых в густую пену белков. Все хорошенько размешать и высыпать в форму, предварительно смазанную маслом или маргарином и посыпанную сухарями. Печется пудинг в духовке около часа. Можно облить готовый пудинг сметаной. Если есть, добавьте к сметане ванилин.

4. Сейчас используем оставшийся от пудинга морковный сок. Сделаем «физ». Напиток «физ» появился в Англии, когда впервые какой-то предприимчивый повар смешал сок со льдом и газированной водой. Слово «fizz» как раз и обозначает «шипучий», «игристый».

На одну порцию морковного «физа» потребуется сок одного лимона, 40 граммов морковного сока, 1 белок и 2 кубика льда. Все это смешать в миксере, а потом долить газированной воды по вкусу. Если лимонного сока нет, можно смешать лимонный сироп или сладкий лимонад и столовую минеральную воду.

5. А еще морковкой можно украшать торты. Очищенную морковь варить в воде до тех пор, пока не сделается мягкой. Тогда вынуть ее и красиво нарезать: звездочками, листочками, ромбиками и т. п. Приготовить сахарный сироп: для 500 граммов моркови достаточно взять 200 граммов сахарного песка и один стакан воды. Сахар развести в горячей воде и вскипятить. Потом туда бросить нарезанную морковку и варить до тех пор, пока не станет прозрачной. На торт украшения лучше класть остывшими.

Колобок так увлекся кулинарной лекцией и демонстрацией блюд, что даже не заметил, как на кухне послушать его собрались все обитатели домика, и каждый грыз морковку. А чтобы каротин лучше усваивался, все заедали морковь кусочками хлеба с маслом.

Белоснежка же, съев одну морковку, тут же почистила другую, быстро натерла ее — и ровным слоем нанесла на лицо.

— Очень полезна каротиновая маска для бледной кожи,— объяснила она.— Это как раз у меня. А у кого кожа жирная, да еще с угрями, то каротиновая маска просто необходима! Если натертая морковь дала слишком много сока, то к ней можно добавить немного талька или детской присыпки. Тщательно размешать и положить эту кашицу на лицо на 10—15 минут. Потом аккуратно снять смоченной ваткой или марлей. Проделывать эту процедуру два-три раза в неделю.

— И все будут красивыми-красивыми! — размечтался Винни.

— А чтобы все точно были красивыми, в следующем номере я расскажу, как сшить себе новые наряды,— пообещала Белоснежка.

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Девчонки и дзюдо

Музыка Игоря ПИНХАСОВА.
Слова Владимира КОЖЕМЯКИНА.

1. С подругами мы думали,
Какой нам спорт по силе,
Но так и не придумали
И у ребят «отбили»
Борьбы порядок жесткий,
Татами, кимоно,
Короткие прически
И смелость, как в кино.

ПРИПЕВ:
Дзюдо! Дзюдо —
Восторги и овации.
Дзюдо! Дзюдо —
Спор мужества и грации.
Дзюдо! Дзюдо —
Не брошки, а медали.
Дзюдо! Дзюдо
Такого не видали!

2. Борцовские кружения —
Лишь на ковре татами.
Не требуют сражения
Конфликты между нами.
Борьба не потасовка —
Искусство — высший класс!
Спортзал и тренировка
Навек подружат нас!

ПРИПЕВ.

